УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

приоритет2030
лидерами становятся

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 5-6 ноября 2026 г.)

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уфимский университет науки и технологий»

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

Материалы
XV Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Уфа, 5–6 ноября 2026 г.)

Научное электронное издание сетевого доступа

Уфа
Уфимский университет
2026

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
"Ufa University of Science and Technology"

INTERCULTURAL ↔ INTRACULTURAL COMMUNICATION: THEORY AND PRACTICE OF TEACHING AND TRANSLATION

XV All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation
(Ufa, November 5–6, 2026)

Scientific electronic publication of network access

Ufa
Ufa University
2026

УДК 81
ББК 81
М43

Публикуется по решению кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛП ИГСН УУНиТ. Протокол № 3 от 05.11.2026 г.

Редакционная коллегия:
д-р филол. наук, профессор **Р. А. Газизов**;
д-р филол. наук, профессор **Н. П. Пешкова** *(отв. редактор)*;
д-р филол. наук, профессор **Е. А. Морозкина**;
д-р филол. наук, профессор **А. С. Самигуллина**;
канд. филол. наук, доцент **Д. Г. Акубекова**;
канд. филол. наук, доцент **А. А. Бен Шушан**;
канд. филол. наук, доцент **Я. А. Давлетова**;
канд. филол. наук, доцент **И. Х. Мигранова**;
канд. филол. наук, доцент **А. В. Моисеева**;
канд. филол. наук, доцент **А. С. Титлова**;
ведущий инженер **А. Р. Ахметзянова** *(отв. секретарь)*

М43 **Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода:** материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Уфа, 5–6 ноября 2026 г.) / отв. ред. Н. П. Пешкова [Электронный ресурс] / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2026. – 142 с. – URL: https://uust.ru/media/documents/digital-publications/2026/394.pdf – Загл. с титула экрана.
ISBN 978-5-7477-6594-8

Сборник содержит статьи, посвященные актуальным проблемам современной межкультурной и интракультурной коммуникации. Рассматриваются теоретические и прикладные вопросы языкознания: психолингвистики и социолингвистики, когнитивистики и лингвистики дискурса. Уделяется внимание проблемам теории и практики перевода, вопросам обучения профессиональной языковой коммуникации в современных условиях.

Предназначен для специалистов в области филологии, лингвистов, переводчиков, а также для студентов, магистрантов и аспирантов филологических факультетов.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-7477-6594-8 © Уфимский университет, 2026

УДК 81´42

Акубекова Д. Г.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
madam.akubekova@yandex.ru

НЕОЛОГИЗМЫ С ЗАИМСТВОВАННЫМ СУФФИКСОМ –ИНГ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема англицизмов в русском языке, словообразовательный потенциал форманта –инг. Подчеркивается необходимость разграничения чистых заимствований и дериватов с –инг. Отмечается окказиональный характер новообразований.
Ключевые слова: словотворчество, медиадискурс, формант, суффикс-инг, экспрессивно-окрашенные дериваты.

Akubekova D. G.
Ufa Universityof Science and Technology, Ufa, Russia
madam.akubekova@yandex.ru

NEOLOGISMS WITH THE BORROWED SUFFIX –ING IN MODERN MEDIA DISCOURSE

Abstract. The article examines the problem of anglicisms in the Russian language, the word–formation potential of the formant. The need to distinguish between ing-borrowings and derivatives is emphasized. The occasional nature of new words is noted.
Key words: word-making, media discourse, formant, suffix-ing, expressive-colored derivatives.

Современный медиадискурс, транслирующий стремительный поток информации, представляет все виды моделей коммуникации, актуализируя потенциал языковых средств в полном объеме. В арсенале средств языка медиадискурса следует особо отметить словообразовательные новации, реализованные как посредством традиционных словообразовательных моделей, так и гибридных проявлений, где наряду с собственными морфемами используются элементы, заимствованные из другого языка.

Продуктивность современного словообразовательного процесса обусловлена прежде всего глобальной цифровизацией социума и необходимостью номинировать возникающие понятия и явления с опорой на деривационный инструментарий. При этом основу неологизма (новации) может представлять как общий корень – в словообразовательном гнезде – так и формант (префикс, суффикс…). Аффиксы обладают наряду с конкретной функциональностью - передача отсутствия ч.-л, действующего лица, повтора

действия и т.д. – и стилистически окрашенной выразительностью, характерной либо для определенного сообщества или индивида. Лингвисты Е. А. Жданова и Л. В. Рацибурская также отмечают экспрессивно-оценочную характеристику заимствованных аффиксов [1, с 353]. Следует подчеркнуть, что в процессе словопорождения превалируют заимствованные аффиксы: *анти-, де-, квази-, контр-, псевдо-…; -аж, -ант, -дром, -ент, -ер, -изм, -инг.*

Неологизмы с финалью –инг прочно занимают лидерские места в рейтинге словарей иностранных языков: 1500 лексических единиц с –инг из 12 600 в словаре А. И. Дьякова [2] в 2013 году; 381 из 3500 в словаре Е.Н. Шагаловой [4] в 2017. Подавляющая часть неологизмов выявлена в сферах науки, техники, экономики, медицины, компьютерных игр, активного отдыха, искусства, быту. Среди новообразованных лексем необходимо различать прямые заимствования из английского языка, созданные от глагольной (герундиальной) основы языка-источника и передающие отвлеченное действие либо вид деятельности:

аутсорсинг, биллинг, блекфишинг, блогинг, брендинг, буллинг, груминг, дайвинг, дауншифтинг, джогинг, каршеринг, кейтеринг, киднепинг, кикбоксинг, клининг, коворкинг, консалтинг, майнинг, мерчендайзинг, нетворкинг, постинг, ресайклинг, стайлинг, тайминг, тимбилдинг, трейдинг, троллинг, фастинг, фейслифтинг, шоппинг.

Неологизмы с формантом – инг в русском языке – явление, скорее, окказиональное, нежели узуальное. Случаи закрепления слов-новшеств подобного рода в языке крайне редки и относятся к различным жаргонам в разговорной и профессиональной речи. Имеют эффект «…лингвокреативных действий», имеющих целью «…облегчить семантическое содержание слова» либо «…эмоционально его окрасить» [3, с. 195].

Синдром бесконечного улучшайзинга: почему новое лицо не лечит старую душу? (b17.ru)

Хотя, по всем показателям Мащквээ и замкадье – чемпионы мира по кидалингу и лохотронингу (drive2.ru)

Виной всему – ремонт крыши ресторана, располагавшегося на втором этаже и выполняемый в привычном для такого рода работ стиле постсоветский «тяпляпинг» (dzen.ru)

Здесь пересаживаемся в автомобиль повышенной проходимости (УАЗ). Уазинг – это отдельный вид развлечения на Алтае.(alaktu.ru)

К подобного рода окказионализмам относим и следующие проявления:

базаринг, балконинг, баннинг (от баня), *болтинг, веселинг, водкинг, дачинг, деревнинг, зацепинг (от* зацепиться), *избинг, крышинг, лохотроннинг, пивинг, похмелинг, пляжинг, празднинг, ругалинг, собачинг, шашлыкинг, шурупинг, электричинг.*

Отдельно отметим отыменные дериваты, где подразумеваются события, связанные с определенным лицом, его деятельностью:

Газманинг, Киркоринг, Псакинг, Кадыринг, Мизулинг

Таким образом, в приведенных примерах новообразований с финалью -*инг* очевидна взаимосвязь номинативной и информативной функций в языке. Неологизмы номинируют явления-процессы в обществе, культуре, быту, и ввиду отсутствия аналогичных лексических единиц в языке-реципиенте занимают свое место в его языковом пространстве. В большинстве случаев, по мнению Д. Г. Акубековой: «…мы имеем дело с экспрессивно-окрашенными дериватами, обусловленными необходимостью привлечь особое внимание читателей-слушателей к предъявляемому событию» [1, с 140]. Прямые заимствования – англицизмы – послужили основой для формирования словообразовательного инструмента *–инг,* который активно используется в процессе словотворчества русского языка.

Список цитируемой литературы

1. Акубекова Д. Г. Словообразовательный потенциал неоанглицизмов в русском языке//Верхневолжский филологический вестник. 2026. № 2 (45). С. 137–144.
2. Дьяков А. И. Словарь англицизмов русского языка [Электронный ресурс]. М.: Флинта, 2021. 1383 с.
3. Романик Анна. Существительные с финалью –инг в современном русском языке. Linguodidactica XXVII. С. 187–198.
4. Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: Грамота, 2022. 576 с.
5. Zhdanova E. A. & Ratsiburskaya L. V. (2024). Lexical and word-formation innovations in the Russian-language Internet communication: Productive word-formation models. Russian Language Studies, 22(3), 350–362.

© Акубекова Д. Г., 2026

УДК 81’23;37.06

Андрианова Ю. Г.
Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия
yuliya-andrianov@mail.ru

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА КОНТР-ТЕКСТА КАК СРЕДСТВА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПРИНЯТИИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОКОЛЕНИЯ «Z»

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы представителей поколения «Z», связанные с принятием решений в производственной и жизненной сферах, такие как импульсивность и подверженность манипулятивному воздействию. В качестве одного из возможных средств решения данных проблем предлагается использование метода психолингвистического анализа текста с применением контртекстовых реакций, адаптированного для решения данных задач. В статье описываются аспекты адаптации метода, рекомендации по его реализации и ограничения в применении. Статья может быть интересна преподавателям ВУЗов, школ и учреждений СПО, психотренерам, методистам учебных заведений и широкому кругу читателей, заинтересованных в решении проблем адаптации поколения «Z» к активной и полезной производственной и общественной деятельности.
Ключевые слова: поколение «Z», импульсивность при принятии решений, подверженность манипулятивным воздействиям, саморефлексия, психолингвистический метод с привлечением контртекста.

Andrianova Yu. G.
Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia
yuliya-andrianov@mail.ru

THE USE OF THE COUNTER-TEXT METHOD AS A MEANS OF GENERATION “Z” MEMBERS’ PSYCHOLOGICAL ADAPTATION DURING SIGNIFICANT DECISION-MAKING

Abstract. This article examines key challenges faced by members of Generation “Z” regarding decision-making in both professional and personal spheres – specifically, tendencies toward impulsivity and susceptibility to manipulation. As a potential approach to addressing these issues, the method of psycholinguistic text analysis that incorporates "counter-textual" reactions, adapted for this purpose, is suggested. The article outlines the adaptation of this method, provides recommendations for its implementation, and discusses its limitations. It will be of interest to educators in higher education, secondary schools, and vocational institutions, as well as to psychological coaches, curriculum developers, and a broader audience concerned

with helping Generation “Z” adapt to productive and meaningful roles in the workplace and society.
Key words: generation “Z”, impulsivity in decision-making, susceptibility to manipulative influences, self-reflection, psycholinguistic method using counter-texts.

В настоящее время проблема насыщения рынков квалифицированными кадрами стоит очень остро в связи с тем, что имеет место двоякий дисбаланс в современном кадровом составе: с одной стороны, в большинстве предприятий и организаций доминируют сотрудники с огромным опытом работы, большая часть которого относится к доцифровой эпохе, что ведёт к сложности в адаптации таких сотрудников к новым производственным условиям и, как следствие, снижению общей эффективности труда; с другой – имеются значительные сложности с привлечением молодых кадров, в полной мере владеющих цифровыми навыками, к активной тудовой деятельности. Подобная ситуация инсперирована опасениями со стороны работников старшего поколения относительно способности начинающих специалистов работать качественно и соответствовать устоявшимся требованиям производственной и корпоративной культуры. Молодые специалисты, со своей стороны, имеют определённый набор негативных предубеждений в отношении предыдущих систем организации труда, подходов к решению задач и работе над проектами. Данные сложности потребовали создания нового, специфически ориентированного подхода к подготовке специалистов, с учётом поколенческих особенностей психологического развития. В рамках этого подхода было проведено множество исследований, направленных на изучение особенностей восприятия информации, психологических реакций и коммуникативных особенностей представителей так называемого поколения «Z», чей массовый приход на рынок труда ожидается в ближайшее время [2; 3]. По результатам исследований было создано множество тагетированных методик подготовки молодых специалистов для разных отраслей промышленности и спорта [7; 8; 9] с учётом специфики психосоциального развития представителей «поколения цифровизации». Но, во-первых, к сожалению, нужно признать, что большинство созданных разработок являются результатами зарубежных исследований, а во-вторых, что значительно важнее, они не учитывают обязательную сформированность некоторых универсальных психологических компетенций, необходимых не только для успешной интеграции представителей нового поколения в существующий социум, но и для обеспечения стабильного развития общества на более отдалённую перспективу, когда практически всё население будет представлено «Zумерами».

Речь идёт о компетенциях обеспечения психологической и поведенческой стабильности при принятии решений. По итогам исследований, проведённых среди представителей поколения «Z», И. Ю. Сундиев отмечал некоторые специфические моменты их поведенческих реакций, вызванных особенностями развития отдельных участков мозга из-за постоянного взаимодействия с гаджетами, необходимости сокращать объём потребляемой из интернет-

источников информации, дробя сообщения на фрагменты, либо используя заголовки в качестве достаточного основания для принятия решения о содержании дальнейшей информации и формирования плана последующих действий. В частности, была отмечена недостаточная развитость лобных долей мозга, что ведёт к повышению уровня спонтанности при принятии решений и, соответственно, увеличивает манипулятивную уязвимость [4; 5]. Ту же проблему – низкую концентрацию внимания и подверженность манипулятивным воздействиям отмечает в своих работах и Пол Шенартс [10]. Опасность от принятия импульсивных, слабоконтролируемых решений или манипулятивных воздействий видна уже сейчас. Это – случаи, когда молодые, грамотные, казалось бы, люди становятся жертвами мошенников, и ситуации, когда ими совершаются агрессивные действия под воздействием эмоции. Сейчас процент таких случаев невелик, но, учитывая тот факт, что «поколение гаджетов» постепенно будет заполнять все социальные ниши, естественно предположить, что он будет расти. Кроме того, если агрессия вовне или аутоагрессия, а также случаи принятия на веру заведомо ложных фактов, ведущих к потере личного имущества, охватывают достаточно узкое социальное поле по своим последствиям, то импульсивные или несамостоятельно принятые решения в производственной сфере, могут привести к катастрофичным крупномасштабным ошибкам.

Следовательно, необходимо научить представителей поколения «Z» внимательно относиться к получаемой информации и анализировать свои чувства по поводу любой происходящей ситуации. Но здесь следует отметить следующие специфические моменты. Стандартные дидактические формы, наиболее распространённые в академической среде как среднего, так и высшего образования, здесь не будут эффективны. Причина в общеизвестной резистентности подросткового возраста к стандартной методике, основанной на поучении и примерах, которая, кстати, проявлялась во все времена. Сейчас на это качество накладывается присущая «Z»-ам сфокусированность на личном опыте и практическое отсутствие принятия авторитетов, в том виде, как это было у предыдущих поколений. Необходимо создать новую социо-психологическую дидактику, способствующую развитию у современных молодых людей саморефлексии и навыка достаточно длительной концентрации на получаемой информации.

Так как, как уже было сказано выше, стандартные методы социально-психологического обучения не являются рабочими для поколения «Z», лучше воспользоваться элементами геймификации и средствами возбуждения любопытства у молодых людей, которые уже зарекомендовали себя как достаточно эффективные в работе с ними [6]. Однако, применение данного метода в *чистом виде*, то есть с использованием виртуальной среды, привлечением вознаграждений за каждое действие и т.д. для наших целей не совсем подходит, так как большинство проблем, с которыми призвана бороться новая психодидактика, как раз и вызваны именно этими элементами геймификации. Наилучшим вариантом являлась бы временная интернет-

депривация обучаемых, которая, однако, не воспринималась бы ими как таковая в силу заинтересованности в материале игры. Отсутствие прямых «ачивок», т.е. вознаграждений, в данном случае может быть компенсировано изменением в самовосприятии обучаемой личности в процессе проведения обучающих мероприятий.

В качестве такого нестандартного средства формирования навыка саморефлексии и концентрации на изучаемой текстовой информации можно предложить описанный ранее метод психолингвистического эксперимента, адаптированный под решение данных задач. Сам эксперимент и его результаты были описаны в ряде работ, но в ракурсе, наиболее соответствующим целям данной работы, он представлен в публикации 2021 года [1, с. 27-33]. Ниже будут рассмотрены конкретные способы адаптации экспериментального метода к решению задач формирования социо-психологических навыков, рекомендуемые для работы материалы и возможные ограничения.

Изменения в применении данного метода затрагивают следующие области:

1) *Объём материала*. Если в ранее описанном эксперименте для исследования были использованы материалы крупной текстовой формы (романы), то для целей обучающе-воспитательных лучше подойдут материалы меньшего объёма – небольшие связные текстовые фрагменты;

2) *Содержание материала*. Здесь, как представляется, имеется достаточно широкое поле для выбора тематики предлагаемых к рассмотрению текстов. Высокая вариативность материала диктуется разнообразием потенциальной целевой аудитории (в её состав могут входить как школьники средней и старшей школы, так и учащиеся системы СПО и студенты ВУЗов). Возможно, как элемент психологической тренировки саморефлексии при восприятии текста и совершенствования навыка критического мышления, данный метод подойдёт и для взрослой аудитории. В зависимости от целей проведения работы с применением психолингвистического эксперимента, использующего контр-текст, можно предполагать следующие варианты: если цель – формирование навыков саморефлексии по поводу воспринимаемого текста и переживаний различных, связанных с ним, психологических состояний, хорошо использовать тексты художественных произведений; если стоит задача применения саморефлексии для анализа текста на предмет выявления степени валидности сообщаемой в нём информации, то успешным может быть применение текстов научных и научно-популярных стилей, относящихся к разным сферам жизни и профессиональной деятельности людей. Работа по обучению саморефлексии над чувственно-эмоциональной сферой способствует ненавязчивому формированию и совершенствованию навыка эмоционального самоконтроля, что в итоге может привести к снижению риска принятия импульсивных решений в реальных жизненных ситуациях, а формирование навыка валидирования информации, используя элементы создаваемых контртекстов как средство сравнения предлагаемых к восприятию

фактов с накопленным объёмом собственных фоновых знаний снижает уровень подверженности личности потенциальному манипулятивному воздействию.

3) *Продолжительность работы с текстовым материалом*. Если в психолингвистическом эксперименте с использованием метода контр-текста, направленном на изучение особенностей восприятия текста его реципиентами и влияния некоторых выразительных грамматических средств на степень интенсивности и специфику эмоций, переживаемых реципиентами текста, работа шла в течение достаточно длительного периода (один месяц на изучение одного романа), то для целей формирования навыков саморефлексии срок работы с текстом должен быть значительно меньше (1-2 пары). Следует отметить, что с момента проведения эксперимента в 2019 году изменилось многое: информационный поток стал в разы более интенсивным, подача материалов стала более агрессивной и компликативной по форме (применение креолизованного текста, использование видео- и аудиоматериалов внутри таких текстов, причём часто достаточно ярких и громких). В связи с этим среди реципиентов текстов стала активнее проявляться утомляемость при восприятии текста и снижение способности достаточно долго удерживать внимание на изучаемом тексте. Данный факт является важным основанием для выбора недлинных текстовых фрагментов для изучения и уменьшения продолжительности работы с текстом, так как в противном случае работа вызовет у обучаемых негативные чувства по отношению к своей деятельности, демотивирует их и не позволит добиться поставленных целей. Напротив, работа, проводимая в комфортных условиях, активизирует потенциальное чувство любопытства и игровой эффект, что сделает процесс по-настоящему эффективным.

4) *Частотность работы*. Если описанный ранее эксперимент проводился однократно, то, очевидно, что для целей формирования и закрепления навыка потребуется увеличение частотности работы с текстами. Возможно, хорошим вариантом было бы проведение такой работы раз в 2-3 месяца на разных по содержанию текстовых материалах.

5) *Практика применения метода*. Здесь следует отметить, что она зависит от целевой аудитории (школьники, студенты, взрослые) и от целей его применения. Возможно использование метода для целей индивидуального самосовершенствования личности, когда данные контртекстов будут недоступны для просмотра организаторами и станут источником личностного самоанализа, результаты которого могут быть зафиксированы в личных дневниках, и как средство изучения поведения аудитории обучающихся с целью совершенствования работы обучающих с ней. В таком случае данные по контртекстам предоставляются организаторам работы, изучаются ими и на основании проведённого анализа относительно динамики уровня критичности, проявленности эмпатии и других факторов, проявляющихся в доминировании контртекстовых реакций определённого типа, формируется и корректируется план дальнейшей работы (подбор текстов иного содержания, например, или изменения в частотности использования метода на занятиях).

Данный метод предлагается как эффективный по нескольким причинам. Во-первых, ещё в процессе работы над психолингвистическим экспериментом 2019 года многие испытуемые при неформальном общении после его завершения отмечали у себя такие изменения в поведенческих реакциях как повышение внимания к сообщаемому устному и письменному тексту, желание понять и прочувствовать свои реакции на получаемую информацию, снизить темп реагирования для обеспечения максимально точной реакции. Так как данные высказывания не относились к сути и целям проводившегося тогда эксперимента, они не были зафиксированы, но сам факт их наличия позволяет относиться к предлагаемому методу как к достаточно успешному средству формирования навыков более осознанного реагирования на ситуации, особенно, когда имеется необходимость в принятии значимых решений.

Наряду с этим, представляется, что ознакомление студентов с текстами разного содержания в процессе работы по их рефлексивному изучению может способствовать расширению кругозора обучающихся, повышению их культурного и профессионального уровня.

Для взрослой аудитории это также может быть актуально. Кроме того, при тренинге у взрослых возможно дополнительное совместное рассмотрение представленных реакций вместе с коучем. В процессе этой работы возможно дополнительное изучение информационных источников по тематике изучаемых текстов для обучения принципам верификации информации и корректировки принципов реагирования для снижения коэффициента реактивного поведения, что также может способствовать расширению информационных горизонтов тренируемых.

Наряду с наличием достаточно большого количества положительных аспектов предлагаемого к применению метода, существует и немалый объём ограничений. Во-первых, требуется достаточно высокий уровень креативности и эмоционального интеллекта обучающих, позволяющие, с одной стороны, увидеть необходимость в применении метода для конкретной аудитории обучаемых, а с другой, определить способ «встраивания» данной работы в общую ткань занятий. Создание отдельных курсов в рамках средней школы, СПО или ВУЗа этот метод не требует, но корректировка содержания и тайминга конкретных занятий, как представляется, будет необходима.

Второй, очень важный аспект – этика применения метода и уровень доверия между обучаемыми и обучающими. Материалы, предоставляемые участниками данного вида работ, ни в коем случае не должны оцениваться (а в средней школе, к сожалению, существует культ оценивания всего, что так или иначе задействовано в образовательный процесс)!!! Игровой аспект метода должен быть направлен не на переигрывание других, а на совершенствование себя. Реализация оформления личностных достижений возможна при работе в других видах деятельности (дискуссиях, деловых играх и т.д.), когда необходимо отметить то, насколько точнее, взвешеннее и глубже стали оценки действий и поведения обучающихся.

Третий момент связан с реализацией метода в рамках конкретных дисциплин. Очевидно, что лучше всего он подходит для дисциплин гуманитарных (иностранные языки, литература, история и т.д.), однако он может быть очень полезен и в рамках развития интердисциплинарности при освоении технических специальностей. В данном случае желательно применять метод на старших курсах, возможно, как подготовительный элемент к реализации какой-либо проектной деятельности. Здесь, вероятно, может потребоваться сотрудничество представителей технических и гуманитарных кафедр на стадии подготовки и организации данного вида деятельности (может быть необходимо сотрудничество по отбору текстов для работы и формированию инструкций, наиболее точно соответствующих потребностям изучеамых дисциплин).

В заключение хочется отметить, что предлагаемый метод нуждается в активном дополнительном теоретическом и практическом изучении и, возможно, доработке. Для получения максимального эффекта необходимо детальное изучение потенциальной аудитории с точки зрения достаточно большого количества факторов: социальных (возрастная, гендерная структура группы, уровень образования, доминирующие убеждения) и психологических (особенности взаимодействия в группе, уровень лабильности убеждений и реакций при разной степени внешних воздействий). В рамках образовательных учреждений для этой цели желательно использовать такой метод сбора данных, как включённое наблюдение, в то время как для использования данного метода со взрослой аудиторией (группы тренинга психологической устойчивости к манипулятивным воздействиям, например) потребуется подготовительный период, где, возможно, наряду с включённым наблюдением можно было бы использовать некоторые измерительные практики, такие как опросы и тесты. Реализация исследовательских аспектов этой работы потребует некоторого времени, но следует принять во внимание тот факт, что поколение «Z», на работу с которым она направлена, вступает в жизнь, производственную деятельность и активное взаимодействие с представителями предыдущих поколений всё более быстрыми темпами, и следовательно, необходимо учитывать данный аспект при реализации данного метода.

Список цитируемой литературы

1. Андрианова Ю. Г. Компликативный психолингвистический эксперимент как средство изучения «клипового мышления» // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода. Материалы X Международной научно-практической конференции, Уфа, 2021, С.27–33.
2. Решетников О. В. Поколение Z и недалёкое будущее рынка труда. // Школьные технологии, Вып.1, 2014, С. 58–71
3. Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах

Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296–315.
4. Сундиев И. Ю. Теряемое поколение. На смену членам социума пришли узлы в Сети [Электронный ресурс] // Огонек. 2020. № 4. 8 с. URL:https://www.kommersant.ru/doc/4219147 (дата обращения: 11.10.2026).
5. Сундиев И. Ю. Цифровизация – фантастический по силе воздействия фейк [Электронный ресурс] // LiveJournal.URL: https://philologist.livejournal.com/10871945.html (дата обращения: 11.10.2026).
6. Шонематов И. Геймификация как инструмент мотивации поколения Z [Электронный ресурс] URL: https://hrtime.ru/material/geymifikatsiia-kak-instrument-motivatsii-pokoleniia-z-165273/?ysclid=mv58pe6d28144433861 (дата обращения: 11.10.2026).
7. Gould D., Nalepa J., Mignano M. Coaching Generation Z // Athletes, Journal of Applied Sport Psychology. 2020. Vol. 32. № 1. P. 104–120. DOI:10.1080/10413200.2019.1581856
8. Hampton D., Welsh D., Wiggins A. T. Learning Preferences and Engagement Level of Generation Z Nursing Students // Nurse Educator. 2020. Vol. 45. № 3. P. 160–164. DOI:10.1097/NNE.0000000000000710
9. Investigating Generation Z' Intention to Use Learners' Generated Content for Learning Activity: A Theory of Planned Behavior Approach / S. F. Persada [et al.] // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. Vol. 15.
№ 4. P. 179–193. DOI:10.3991/ijet.v15i04.11665
10. Schenarts P. J. Now Arriving: Surgical Trainees From Generation Z // Journal of Surgical Education. 2020. Vol. 77. № 2. P. 246–253. DOI:10.1016/j.jsurg.2019.09.004

© Андрианова Ю. Г., 2026

УДК 81’42
Бен Шушан А. А.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
mgore2004.anishchenko@yandex.ru

ВРЕМЕННОЙ ПАРАМЕТР ИЛЛОКУТИВНОЙ ЭМПАТИЧЕСКОЙ СИЛЫ РЕЧЕВОГО ЭПИЗОДА В МЕССЕНДЖЕРАХ И НА ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ ПЛАТФОРМАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния временной динамики на иллокутивную эмпатическую силу речевого эпизода (ЭРЭ) в русскоязычной цифровой коммуникации. На материале диалогов из мессенджеров и вопросно-ответных платформ показано, что хронотопические параметры выступают фактором, формирующим темпоральную основу экологичной коммуникации. Идея о том, что в цифровой коммуникации время вербального отклика способно трансформировать прагматический смысл ЭРЭ, является малоизученной и заслуживает внимания в рамках изучения экологичности общения в сети.
Ключевые слова: эмпатийный речевой эпизод, иллокутивная эмпатическая сила, временная динамика, оперативный хронотоп, рефлексивный хронотоп, речевой акт эмпатийного соприсутствия, цифровая коммуникация.

Ben Shushan A. A.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
mgore2004.anishchenko@yandex.ru

THE TIME PARAMETER OF THE ILLOCUTIONARY EMPATHIC POWER OF A SPEECH EPISODE IN MESSENGERS AND Q&A PLATFORMS

Abstract. The paper deals with impact of temporal dynamics on the illocutionary empathetic strength of a speech episode in Russian digital communication. The analysis of dialogues from messengers and Q&A platforms demonstrates that chronotopic parameters shape the temporal foundation of sustainable communication. The concept of verbal response time in digital communication transforming the pragmatic meaning of empathetic speech episode is understudied and warrants attention in the context of ecological online communication.
Key words: empathetic speech episode, illocutionary empathetic force, temporal dynamics, operational chronotope, reflective chronotope, speech act of empathetic co-presence, digital communication.

Традиционный прагмалингвистический анализ коммуникативного поведения сосредоточен, прежде всего, на ответной реплике адресата, реактивном речевом акте и иллокутивной силе ответного высказывания. В случае, когда речь идет о речевом взаимодействии в эмпатическом ключе, прагматическое описание эмпатийного вербального отклика вне контекста

речевого эпизода является недостаточным для адекватного оценивания иллокутивной направленности без учета эмпатийно ориентированного речевого действия инициатора эмпатического общения.

Согласно предыдущим исследованиям, рассмотрение целого эмпатийного речевого эпизода (ЭРЭ), который включает в себя эмпатийно ориентированную реплику-стартер и ответную эмпатийную реплику, позволяет верно определить иллокутивную силу коммуникативного акта, что особенно важно в условиях цифровой интеракции.

Помимо того, что детерминация ЭРЭ зачастую происходит на основе структурно-семантических и платформенно-жанровых характеристик, временная составляющая виртуального общения упускается из виду. Между тем, современные исследования интернет-коммуникации убедительно доказывают, что хронотопический параметр (синхронность/асинхронность), свойственный онлайн-общению, обладает достаточным воздействующим потенциалом на иллокутивную эмпатическую силу вербального отклика в ЭРЭ.

Применительно к межперсональной коммуникации в интернете целесообразно разграничить понятия оперативного и рефлексивного хронотопов на основе их дефиниций.

Оперативный хронотоп представляет собой синхронное, реактивное пространство-время цифровой коммуникации, который встречается в мессенджерах или live-чатах. К главным особенностям оперативного хронотопа в Сети относятся: сжатость времени обмена сообщениями, высокий темп смены реплик и крайняя потребность в немедленной эмоциональной реакции в режиме «здесь и сейчас». Другими словами, в данном хронотопе прагматическая ценность сообщения эмпатийного речевого эпизода напрямую коррелирует со скоростью его доставки.

Рефлексивный хронотоп является противоположным пространственно-временным параметром и имеет асинхронный, пролонгированный характер взаимодействия. Рефлексивный хронотоп свойственен таким коммуникативным онлайн-площадкам, как форум, электронная почта, отложенные комментарии. В отличие от первого, темпоральные свойства рефлексивного хронотипа предполагают расширенный временной промежуток времени в процессе общения, необходимый реагирующему коммуниканту для понимания, осознания и формулирования взвешенных, практических рекомендаций, например, советов.

Различия временной динамики процесса эмпатической коммуникации могут менять прагматическую структуру ЭРЭ, увеличивать эффективность эмпатического резонанса или, напротив, привести к речевому провалу ввиду утери актуальности ответного высказывания соболезнования / сочувствия / поздравления.

Так, в условиях оперативной временной динамики, когда адреса*н*т находится в состоянии острого эмоционального переживания, возрастает потребность собеседника в немедленной поддержке или экстренной психологической помощи. В то же время отсутствие сиюминутных

комментариев в ответ на эмпатический запрос может спровоцировать коммуникативный провал, поскольку говоряший не видит, что его взывание о помощи услышано.

В ходе наблюдений было замечено, что при общении в оперативном хронотопе критическую роль приобретает специфический виртуальный *речевой акт эмпатийного соприсутствия*, выполняющий одновременно фатическую и комиссивную иллокутивные функции. К данной группе относятся реплики-маркеры: «Я тут», «Вижу сообщение», «Я рядом, сейчас освобожусь и напишу», “Je suis là pour toi”, “Je vois ton message” и т.п.

С формально-семантической точки зрения, высказывания такого рода не выражают совета по решению проблемы или сопереживание. Однако их иллокутивная сила в эмпатическом взаимодействии немаловажна, так как имплицитно данный речевой акт обладает достаточно мощным воздействующим потенциалом. Он вербализует одновременно фатическую иллокутивную цель реагирующего собеседника – подтвердить факт приема информации, просигнализировать о том, что призыв о помощи не проигнорирован. В то же время комиссивная иллокутивная функция речевого акта соприсутствия проявляется в готовности реактанта продолжить общение в эмпатическом ключе в ближайшее время.

Примером ЭРЭ в условиях оперативного хронотопа в мессенджере с использованием ответного высказывания эмпатического соприсутствия является обмен следующими репликами (запрос на эмпатию – речевой акт соприсутствия):

(Эмпатийно ориентированный адреса*н*т)

– Не знаю, с кем говорить... просто тяжело. Все рушится... [https://otvet.mail.ru/question/31876839].

(Эмпатирующий адресат)

– Я тут. Вижу сообщение. Дыши, я рядом, я тебя слушаю, отвечу чуть позже [там же].

Как видим, в данном ЭРЭ адреса*н*т имплицитно приглашает виртуальных собеседников к эмпатическому диалогу, прибегая к короткому сообщению репрезентативного типа, в котором он описывает свое негативное эмоциональное состояние и сложившуюся негативную жизненную ситуацию. Реагирующий адресат вербализует свою вовлеченность при помощи речевого акта сопричастности, который можно сравнить с высказываниями «удержания пространства» (“holding space”) или, иначе говоря, «удержания контакта».

Концепция «удержания пространства», известная в современной психологии, подразумевает конструирование безопасного комфортного психологического пространства при помощи создания эффекта физического, эмоционального и ментального присутствия без оценочной составляющей или навязывания собственного мнения. В эмпатической ситуации общения краткие реплики такого рода могут цениться гораздо выше, чем отсроченный, но идеально выверенный текст.

Также, незамедлительный вербальный отклик позволяет реагирующему собеседнику эффективно блокировать негативную речевую антиципацию («меня не слышат»), создавая безопасное коммуникативное пространство для дальнейшего развертывания диалогичного сценария. Оперативность вербальной эмпатической реакции служит эффективным темпоральным инструментом для усиления иллокутивной эмпатической силы коммуникативного эпизода.

Далее обратимся к ЭРЭ в ситуации отложенного эмпатического отклика в режиме временного интервала ответного высказывания (рефлексивного хронотопа). В отличие от временного параметра общения оперативного типа, суть рефлексивного хронотопа заключается в том, что реактивные высказывания-отклики возникают через определенный временной промежуток. В условиях коммуникации в зависимости от той или иной коммуникативной площадки влияние временной динамики на эффективность эмпатического речевого взаимодействия может быть неодинакова. Так, в мессенджерах или социальных сетях с оперативной темпоральной нормой, подобное речевое поведение может быть интерпретировано как деструктивный речевой акт. Другими словами, временной лаг (time lag) между двумя речевыми событиями в синхронной коммуникативной среде может спровоцировать прагматическое рассогласование смысла и разрушает прагматическую конгруэнтность отклика в эмпатическом общении.

Для демонстрации деструктивного эффекта временного отставания вербальной реакции в условиях оперативного хронотопа обратимся к следующему примеру эмпатийного речевого эпизода (ЭРЭ) из мессенджера:

(Эмпатийно ориентированный адреса*н*т)

– Татьяна ушла от нас!!!! Прощание состоится в 15.00 23.11.2015г. По адресу Российская, 82 кв 58 [https://vk.ru/id76974328].

(Эмпатирующий адресат)

– Соболезную родным и близким. Скорблю. Татьяна была светлым и очень добрым человеком. Мне так жаль...Покойся с миром [там же].

Исходное сообщение адреса*н*та содержит эксплицитный маркер срочности и синхронного ожидания вербальных реакций соболезнования (Прощание состоится в 15.00 23.11), а сам говорящий находится в состоянии острого горя и нуждается в немедленном утешении.

В случае опубликования ответных комментариев в той же речевой ситуации спустя время, запоздалая реакция соболезнования может восприниматься как формальная речевая обязанность, когда момент истинного сопереживания уже упущен. Более того, в ситуации утраты несвоевременное напоминание о событии может спровоцировать вторичную травматизацию, возвращая адресанта к острой фазе переживаний. Таким образом, в синхронном общении при выражении соболезнований временной параметр становится первичным: запоздалая идеальная формула сочувствия прагматически проигрывает немедленной, пусть и эмоционально несовершенной реакции, поскольку в условиях острого горя время отклика и есть само сочувствие.

В противоположность этому, в рамках оперативного хронотопа межличностной коммуникации минимальный/моментальный временной интервал вербального реагирования выступает эффективным инструментом, многократно усиливающим иллокутивную эмпатическую силу речевого эпизода.

Для демонстрации того, как темпоральная оперативность вербального отклика максимизирует иллокутивную эмпатическую силу ЭРЭ в условиях синхронной среды, обратимся к следующему примеру из мессенджера:

(Эмпатийно ориентированный адреса*н*т) (14:02)

– Мне очень плохо. маму утром увезли на скорой. она до сих пор не приходит в себя. [https://otvet.mail.ru/question/8146854?ysclid=mvddk9ec3318770343].

(Эмпатирующие адресаты) (14:03)

– Гони дурные мысли прочь, сейчас есть много хороших препаратов, которые быстро поставят ее на ноги. Я понимаю твои чувства, но случившегося не изменишь уже, наберись терпения и сил, будь с ней рядом-ты ей сейчас очень нужна. Надейся только на лучшее и ей это постарайся внушить. От всего сердца желаю ей выздоровления [там же].

– Лютик! Не переживай, даст Бог обойдется, и мама поправится [там же].

Как видим, речевые реакции адресата с небольшим интервалом времени отклика реализуют прямые речевые акты акт соприсутствия и соучастия.

Уточним, что коммуникативный сервис «Ответы Mail.ru» квалифицируется как платформа, ориентированная на асинхронный обмен текстовой информацией. Несмотря на это, в процессе реального взаимодействия на данной площадке может возникать эффект оперативного хронотопа. Когда эмпатирующий адресат реагирует на эмоциональный запрос с минимальным временным интервалом, коммуникация может выйти из рамок отсроченного диалога.

Таким образом, хронотопические параметры эмпатийного общения в интернете выступают не нейтральным техническим фоном, а активным прагматическим фактором, детерминирующим иллокутивную эмпатическую силу речевого эпизода. Темпоральная синхронизация речевых действий в рамках ЭРЭ способствует созданию экологичной эмпатизации, в то время как немотивированный временное отставание вербального отклика в синхронной среде неизбежно провоцирует прагматическое рассогласование и коммуникативную неудачу.

Список цитируемой литературы

1. Бен Шушан А. А. Киберкоммуникация: эмпатический аспект (на материале русского и французского языков): монография / А. А. Бен Шушан. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 160 с.

2. Радионцева Е. С. Хронотопические доминанты медиапространства BANI-мира. Коммуникология. 2025;13(1):25-38. https://doi.org/10.21453/2311-3065-2025-13-1-25-38

© Бен Шушан А. А., 2026

УДК 81'23

Вахитова Г. В.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
v.guzel.v@mail.ru

ВСТРЕЧНЫЙ ТЕКСТ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ И ЭКСПЕРИМЕНТ

Аннотация. Статья посвящена теоретическому осмыслению метода «встречного текста» А. И. Новикова как инструмента психолингвистики текста, в рамках которого понимание рассматривается как процесс порождения реципиентом вторичного, встречного текста с денотативным, эмоционально-оценочным и рефлексивным компонентами. Эмпирическую базу нового исследования составили девять юридических текстов разных жанров, в ходе последовательного прочтения которых была получена 591 реакция от 123 студентов-юристов. Показано, что структура встречного текста закономерно варьируется в зависимости от жанра воспринимаемого текста. Делается вывод о продуктивности метода для изучения профессионального языкового сознания и юридического дискурса.
Ключевые слова: психолингвистика текста, понимание текста, встречный текст, контртекст, языковое сознание, юридический дискурс.

Vakhitova G. V.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
v.guzel.v@mail.ru

THE COUNTER-TEXT IN PSYCHOLINGUISTICS: A THEORETICAL MODEL AND EXPERIMENT

Abstract. The paper offers a theoretical account of A. I. Novikov's “counter-text” technique as a tool of text psycholinguistics, under which understanding a text is treated as the recipient's production of a secondary, counter-text comprising denotative, emotional-evaluative and reflexive components. The empirical basis of the new study consisted of nine legal texts of different genres, during reading of them 591 responses were received from 123 law students. The structure of the counter-text is shown to regularly vary with the genre of the perceived text. The method is shown to be productive for studying professional language consciousness and legal discourse.
Key words: text psycholinguistics, text comprehension, counter-text, reciprocal text, language consciousness, legal discourse.

В центре психолингвистики текста находится процесс его понимания реципиентом, который, в отличие от простого декодирования, предполагает активное порождение читателем собственной смысловой интерпретации. Статья систематизирует теоретико-эмпирические данные исследования

языкового сознания будущих юристов, проведенного с помощью методики «встречного текста», и обосновывает ее объяснительную ценность для анализа юридического дискурса.

Н. И. Жинкин одним из первых предложил трактовать речь служебно — как канал, передающий внеязыковое содержание: понимание не сводится к расшифровке языковых знаков, оно требует перевода предметного содержания сообщения в довербальный, универсально-предметный код сознания, то есть реконструкции стоящей за текстом действительности [4]. Опираясь на эту идею, А. И. Новиков разработал методику «встречного текста»: испытуемый читает исходный текст предложение за предложением, не забегая вперёд, и после каждого фиксирует возникающую реакцию — денотативную, эмоциональную, оценочную или ассоциативную, — а по завершении чтения формулирует общий смысл прочитанного [5]. Результат этой процедуры, «встречный текст», понимается как смысловое развёртывание исходного сообщения в сознании реципиента: помимо эксплицитно данной информации он включает импликации, ассоциации и оценки, не выраженные в тексте напрямую [5].

Развитие теории А. И. Новикова связано с работами Н. П. Пешковой, показавшей, что тип текста существенно влияет на состав и пропорцию реакций «встречного текста» [6]. На материале регионального исследования языкового сознания российской молодёжи Н. П. Пешкова показала, что свободные вербальные реакции реципиента, в отличие от прямого социологического опроса, позволяют проникнуть в более глубокие и устойчивые пласты сознания — базовые ценности, а не только декларируемые, подвижные ценностные ориентации [6, с. 17]; методологически значим отстаиваемый ею, вслед за Е. Ф. Тарасовым, принцип триангуляции — сопоставление несовпадающих, но не исключающих друг друга данных, полученных разными методами [6, с. 9].

Применительно к юридическому тексту методика «встречного текста» неоднократно использовалась Г. В. Вахитовой. На материале фабулы уголовного дела она показала, что сухая процессуальная квалификация деяния вызывает у реципиента собственный «контртекст несогласия» — эмоциональное сопротивление, направленное на восстановление эмпатической полноты происходящего [1]; на материале текстов земельного и международного права — что соотношение содержательных и смысловых (релативных) реакций варьируется в зависимости от вида юридического текста и профессионального статуса реципиента [2; 3]. В совместном исследовании Н. П. Пешковой, Н. С. Ибатуллиной и Г. В. Вахитовой методика «встречного текста» распространена на материал юридического интернет-дискурса — комментарии рядовых пользователей и юристов-профессионалов к поправкам в Конституцию РФ: показано, что в комментариях неспециалистов резко преобладают смысловые реакции, тогда как в комментариях юристов-профессионалов — содержательные реакции, сопровождаемые аргументацией и выводом [7].

Представленное ниже исследование впервые объединяет оба направления: оно опирается на 561 протокол «встречного текста» от 123 студентов юридических направлений подготовки — больше, чем в рассмотренных выше работах, — и впервые анализирует реакции этих информантов одновременно на все девять юридических жанров в рамках одного корпуса, а не по одному жанру за раз. Анализ показал, что структура встречного текста варьируется в зависимости от жанра: нормативно-правовой текст активирует денотативно-идентификационный режим восприятия, тогда как процессуально-документный текст о конкретном происшествии провоцирует эмоционально-оценочный слой и «контртекст несогласия». В корпусе выявлены также метаязыковой, рефлексивно-аналитический слой (комментирование приёма построения текста) и вопросительно-дефицитарный тип реакции, фиксирующий момент разрыва понимания, а не содержание текста. Тем самым данные подтверждают многослойность и жанровую обусловленность встречного текста.

Метод «встречного текста» является продуктивным инструментом психолингвистики текста: он эксплицирует понимание как активное текстопорождение и выявляет универсальные и жанрово-специфические компоненты языкового сознания реципиента. Дальнейшая разработка модели связана с распространением метода на другие профессиональные дискурсы и формализацией сопоставления структуры исходного и встречного текстов.

Список цитируемой литературы

1. Вахитова Г. В. Исследование особенностей восприятия юридического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-2 (63). С. 68–71.
2. Вахитова Г. В. Особенности понимания и интерпретации юридической литературы (с использованием методики «встречного текста») // Вестн. Башкир. ун-та. 2017. Т. 22. № 3. С. 857–860.
3. Вахитова Г. В. Исследование особенностей восприятия специальной литературы профессиональной аудиторией реципиентов (с использованием метода «встречного текста») // Переводческий дискурс: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь, 2018. С. 56–61.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 157 с.
5. Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
6. Пешкова Н. П. Региональные особенности языкового сознания российской молодёжи // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2. С. 8–20.
7. Пешкова Н. П., Ибатуллина Н. С., Вахитова Г. В. Восприятие и интерпретация текстов юридического дискурса (на материале поправок к Конституции РФ и интернет-комментариев) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2020. № 5. С. 112–129.

© Вахитова Г. В., 2026

УДК 81'27

Гилязова Д. Р.
Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия
dika_ya@rambler.ru

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ И НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности языка публицистических и новостных материалов с точки зрения социолингвистики. Основное внимание уделяется выбору слов, ориентации на читателя и способам представления событий. На примерах условных формулировок показано, как языковые средства могут влиять на восприятие информации.
Ключевые слова: социолингвистика, язык СМИ, медиадискурс, публицистика, новостной текст, оценочная лексика.

Gilyazova D. R.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
dika_ya@rambler.ru

SOCIOLINGUISTIC FEATURES OF JOURNALISTIC AND NEWS TEXTS

Abstract. The article discusses the language of journalistic and news texts from a sociolinguistic perspective. It focuses on word choice, audience orientation and ways of presenting events. Illustrative examples show how linguistic choices can affect the way information is perceived.
Key words: sociolinguistics, media language, media discourse, journalism, news text, evaluative vocabulary.

Современный контент СМИ зависит не столько от темы статьи, но от запросов, тенденций происходящих в обществе, дискуссий. Прежде чем садиться за написание статьи автору необходимо понимать, кому она будет адресована, найдет ли она своих читателей. И здесь важно учитывать актуальные чаяния и потребности аудитории, будь то разговор о насущных вопросах или очерк о текущей ситуации в обществе, в целом. Подать новую информацию можно по-разному. Бывает, что работники в области СМИ придерживают эксклюзивный контент или новость ради славы и признания. Но и тут нужна особая журналистская чуйка. Важна не только сама новость, но и способ, время и своевременность её подачи. И вот тогда, когда случается такое счастливое совпадение, журналист или целая группа коллег получает шквал признания, подобный сходу лавины… Виновник события получает все! Но этот момент весьма скоротечен и, как правило, через некоторый период все

повторяется вновь, но уже не с тобой. В этом мире, хотим мы того или нет, действуют свои законы цикличности… И все снова возвращается на круги своя…

Работа журналиста непроста, она требует вовлеченности и внимания к деталям. Также для работников сферы СМИ важно такое качество, как умение расположить к себе людей, ведь не всегда и не со всеми люди бывают приветливы и открыты.

Многое, если не все, читается между строк. Несведущий человек не прочитает между строк, поскольку этот дар дан не каждому. Журналисты, люди особой формации, они мыслят другими категориями, мыслят иначе и могут, читая между строк, извлечь максимум информации. Не зря ведь журналистов преследуют за инакомыслие.

Цель журналиста состоит в должном оповещении социальных слоев о новых тенденциях так, чтобы уведомить, предупредить людей, принадлежащих к разным слоям общества о грядущих приятных и неприятных событиях, тем самым смягчая или усиливая эффект, ведь социумы людей стратифицируются и имеют свои особенности и различия. А это влечет за собой необходимость умения подстраиваться под ту или иную аудиторию. Умение находить что-то общее, проявлять эмпатию и развитый эмоциональный интеллект – все это необходимо иметь в арсенале журналиста. Журналист – это человек, который обладает высоким уровнем IQ и EQ, умеет с первых секунд знакомства расположить к себе любого человека. Работник СМИ отличается чрезвычайной креативностью и пытливостью, когда перед ним стоит задача узнать/выведать информацию, даже если это задание граничит с большим риском. Настоящего журналиста выдает хорошо поставленная речь, особый располагающий стиль общения и слога, особая внимательность к деталям, пытливость, кропотливость и настойчивость. Иногда многозначительная пауза может сообщить больше, чем целый талмуд мудреных слов.

И конечно, если вы хотите оказать воздействие на собеседника, то ваша задача как журналиста – выбрать максимально доступный и подходящий арсенал средств воздействия на собеседника. И здесь важно расположить и увлечь собеседника так, чтобы он был вовлечен в диалог. Еще одним приемом завладеть вниманием респондента являются такие техники, как сугубо доверительный тон беседы, расстояние между собеседниками, обмен эмоциями, касаниями и взаимный контакт глаз.

Журналисты могут рассказывать об одном и том же по-разному, используя разные слова из своего арсенала и расставляя акценты на самых важных деталях. Такое сравнение поможет увидеть, как именно меняется подача информации, и почему одна и та же новость может восприниматься читателями по-разному.

Список цитируемой литературы

1. Лысакова И. П. Социолингвистический анализ прессы: история, методика, актуальность // Медиалингвистика. 2014. № 2 (5). С. 16–26. URL: https://medialing.ru/sociolingvisticheskij-analiz-pressy-istoriya-metodika-aktualnost/ (дата обращения: 20.10.2026).
2. Ларина Т. В., Озюменко В. И., Пономаренко Е. Б. Языковые механизмы манипулирования общественным мнением в английских и русских информационных текстах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 28–37. URL: https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9769 (дата обращения: 20.10.2026).

© Гилязова Д. Р., 2026

УДК 81'42:61

Голами Хамидех
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
hamideh7@yandex.ru
Касымова О. П.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
olgakasymova@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные барьеры, возникающие в процессе межкультурной медицинской коммуникации, и возможности их преодоления средствами лингводидактики. Анализируются терминологический, прагматический и социокультурный барьеры. Предлагается система упражнений, направленных на формирование коммуникативной компетенции будущих врачей в условиях поликультурной образовательной среды. Материалом исследования послужили русскоязычные учебные тексты и данные наблюдений над коммуникацией в медицинском вузе.
Ключевые слова: межкультурная коммуникация, медицинский дискурс, коммуникативные барьеры, лингводидактика, терминологическая компетенция, русский язык как иностранный.

Gholami Hamideh
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
hamideh.gholami1981@gmail.com
Kasymova O. P.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
olgakasymova@yandex.ru

COMMUNICATIVE BARRIERS IN INTERCULTURAL MEDICAL COMMUNICATION: LINGUODIDACTIC ASPECT

Abstract. The article examines communicative barriers arising in the process of intercultural medical communication and the possibilities of overcoming them by means of linguodidactics. Terminological, pragmatic and sociocultural barriers are analyzed. A system of exercises aimed at forming communicative competence of future doctors in a multicultural educational environment is proposed. The material of the study is Russian-language educational texts and observational data on communication in a medical university.
Key words: intercultural communication, medical discourse, communicative barriers, linguodidactics, terminological competence, Russian as a foreign language.

Современное медицинское образование характеризуется стремительно возрастающей интернационализацией. В аудиториях медицинских вузов сегодня обучаются студенты из разных стран, представляющие различные языковые и культурные традиции. Этот процесс, безусловно, обогащает образовательную среду, создает условия для межкультурного диалога и обмена опытом, однако одновременно порождает целый комплекс проблем, связанных с коммуникацией. Будущий врач должен быть готов не только к общению с пациентами, говорящими на его родном языке, но и к взаимодействию с коллегами и пациентами – носителями иных языков и культур. В этой связи особую актуальность приобретает проблема коммуникативных барьеров и поиска эффективных лингводидактических средств их преодоления [1]. Медицинский дискурс, как известно, относится к числу институциональных дискурсов с ярко выраженной коммуникативной асимметрией. Врач обладает экспертным знанием и институциональной властью, пациент же находится в зависимой позиции, будучи носителем проблемы и просителем помощи [2]. Эта асимметрия многократно усиливается в условиях межкультурной коммуникации, когда участники принадлежат к разным языковым и культурным сообществам, имеют различные представления о болезни, здоровье, телесности, а также различные модели коммуникативного поведения [3].

Первым и, пожалуй, наиболее очевидным барьером, возникающим в межкультурной медицинской коммуникации, является терминологический барьер. Медицинская терминология представляет собой сложную, иерархически организованную систему, насчитывающую, по разным оценкам, от 170 000 до 500 000 единиц [4]. Значительная часть этой терминологии имеет греко-латинское происхождение, что создает определенные трудности даже для носителей языка, не говоря уже об иностранных студентах. Однако проблема не сводится лишь к запоминанию терминов. Как справедливо отмечает В. М. Лейчик, термин – это не просто слово, а «элемент определенной теории, описывающий специальную сферу человеческих знаний» [5]. Следовательно, для адекватного понимания термина необходимо не только знать его дефиницию, но и представлять себе то понятийное поле, в которое он включен, те системные связи, которые определяют его значение.

Особую сложность представляет полисемия медицинских терминов, связанная с их функционированием в разных субтерминосистемах. Так, термин «резистентность» в общемедицинском контексте означает устойчивость организма к воздействию, а в микробиологии, устойчивость микроорганизмов к антибиотикам. Термин «альвеолит» в пульмонологии обозначает воспаление легочных альвеол, а в стоматологии, воспаление зубной лунки после удаления зуба [4]. Иностранный студент, не знакомый с этим явлением, может испытывать значительные затруднения при чтении учебной литературы, особенно если контекст не проясняет, в каком именно значении употреблен термин.

Второй барьер, прагматический, связан с различиями в коммуникативных стратегиях и тактиках, принятых в разных культурах. В одних культурах принято задавать врачу множество вопросов, активно участвовать в обсуждении диагноза и плана лечения, высказывать свои сомнения и предпочтения. В других культурах, напротив, пациент ожидает, что врач сам примет решение и сообщит ему о нем, а активное вопрошание может восприниматься как проявление недоверия или неуважения [2]. Аналогичные различия существуют и в отношении к сообщению тяжелых диагнозов: в одних культурах принято сообщать диагноз непосредственно пациенту, в других – сначала родственникам, которые затем сами решают, в какой форме и в каком объеме информировать пациента [6]. Эти культурные различия создают серьезные трудности для будущего врача, который должен уметь гибко адаптировать свое коммуникативное поведение к ожиданиям конкретного пациента, не нарушая при этом профессиональных этических норм и не поступаясь принципами доказательной медицины. Как отмечает О. С. Иссерс, «коммуникативные неудачи в диаде "врач-пациент" возникают в том случае, если врач не адаптировал свой уровень презентации информации к уровню компетенции пациента» [7]. В межкультурной коммуникации эта проблема приобретает дополнительную остроту.

Третий барьер – социокультурный – обусловлен различиями в представлениях о болезни, здоровье, телесности, а также о роли врача и пациента, принятых в разных культурах. В одних культурах болезнь может восприниматься как наказание за грехи, в других – как результат воздействия внешних сил, в третьих, как следствие неправильного образа жизни [3]. Соответственно, различаются и ожидания пациентов относительно методов лечения: одни ориентированы исключительно на доказательную медицину, другие готовы обращаться к традиционным, народным методам, третьи сочетают и то, и другое [8].

Как показывают исследования в области дискурсивной компетенции врача, успешность профессиональной деятельности напрямую зависит от умения адаптировать свою речь к уровню понимания пациента [9]. В межкультурной коммуникации это умение приобретает особое значение, поскольку требует учета не только индивидуальных, но и культурно-специфических особенностей адресата. Преодоление этих барьеров требует целенаправленной и системной работы, которая должна начинаться уже на этапе обучения в медицинском вузе. Лингводидактический аспект этой работы предполагает формирование у будущих врачей целого комплекса компетенций, среди которых наиболее важными представляются следующие.

Во-первых, это терминологическая компетенция, понимаемая не как простое знание терминов, а как способность ориентироваться в системе, понимать системные связи между терминами, осознавать их полисемию и контекстуальную обусловленность [5]. Формирование этой компетенции требует не механического заучивания списков слов, а системной работы, включающей анализ терминоэлементов, сравнение дефиниций из разных

источников, выявление синонимических и антонимических рядов, составление тематических кластеров.

Во-вторых, это прагматическая компетенция, способность выбирать коммуникативные стратегии и тактики, адекватные ситуации общения и ожиданиям адресата [10]. Формирование этой компетенции предполагает анализ реальных и смоделированных коммуникативных ситуаций, выявление культурно-специфических моделей коммуникативного поведения, отработку навыков гибкого переключения с одной стратегии на другую.

В-третьих, это социокультурная компетенция, знание культурных особенностей, влияющих на восприятие здоровья и болезни, на отношение к медицинским вмешательствам, на коммуникативное поведение пациента [1]. Формирование этой компетенции требует включения в учебный процесс материалов, отражающих разные культурные традиции, анализа клинических случаев с учетом культурного контекста, обсуждения этических дилемм, возникающих в межкультурной коммуникации.

Как отмечают исследователи, формирование профессиональной языковой личности врача невозможно без овладения не только медицинской, но и дидактической терминологией, поскольку учебный процесс является той средой, где будущий специалист усваивает нормы профессионального общения и мышления [1]. Это положение в полной мере относится и к межкультурной коммуникации, требующей от врача особой коммуникативной гибкости. Практическая реализация этих задач может осуществляться через систему специальных упражнений и заданий, разработанных на основе коммуникативного подхода к обучению русскому языку как иностранному [10] и рекомендаций по формированию дискурсивной компетенции врача [9]. Приведем несколько примеров:

Упражнение 1. Терминологический анализ (разработано на основе рекомендаций В. М. Лейчика по системному анализу терминологии [5] и методических указаний для самостоятельной работы студентов [4]. Студентам предлагается текст из учебника по внутренним болезням. Задача: выписать все медицинские термины, определить их значение, указать, к какой субтерминосистеме они относятся, выявить случаи полисемии. Дополнительное задание: объяснить значение каждого термина пациенту, иностранному студенту, не знакомому с медицинской терминологией.

Упражнение 2. Культурный контекст (разработано на основе рекомендаций В. В. Журы по анализу коммуникативных ситуаций в медицинском дискурсе [9]. Студентам предлагается описание клинического случая, в котором пациент принадлежит к иной культурной традиции. Задача: проанализировать, какие культурные факторы могут влиять на восприятие пациентом своего состояния, на его ожидания от врача, на его коммуникативное поведение. Предложить стратегию коммуникации с учетом этих факторов.

Упражнение 3. «Коммуникативная гибкость» (разработано на основе рекомендаций Н. Н. Самчик по обучению коммуникативным стратегиям [10].

Студентам предлагается одна и та же информация (например, о необходимости регулярного приема лекарства) в трех вариантах: для пациента с высоким уровнем медицинской грамотности, для пациента с низким уровнем грамотности, для пациента, представителя иной культуры, ориентированного на традиционные методы лечения. Задача: адаптировать сообщение для каждого из этих пациентов, сохраняя точность информации и проявляя уважение к их особенностям.

Упражнение 4. «Эпистемические маркеры» (разработано на основе рекомендаций О. С. Иссерс по работе с конфликтогенными факторами коммуникации [7]. Студентам предлагаются реплики пациентов, содержащие эпистемические маркеры («я прочитал в интернете», «мне соседка сказала», «в народе считается»). Задача: определить источник информации, оценить его надежность, предложить стратегию ответа, которая позволит скорректировать неверные представления пациента без конфронтации и осуждения.

Эти упражнения могут использоваться как на занятиях по русскому языку как иностранному, так и на клинических кафедрах, в рамках коммуникативного тренинга [1]. Важно, чтобы они были интегрированы в общую систему подготовки будущего врача, а не воспринимались как нечто дополнительное, факультативное.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что межкультурная медицинская коммуникация представляет собой сложный, многомерный феномен, требующий специального лингводидактического осмысления. Коммуникативные барьеры, возникающие в этой сфере, терминологические, прагматические, социокультурные – не являются фатально непреодолимыми. Они могут и должны быть преодолены через целенаправленное формирование соответствующих компетенций: терминологической, прагматической, социокультурной.

Решение этой задачи требует объединения усилий лингвистов, преподавателей русского языка как иностранного, клиницистов и методистов. Только в этом случае будущий врач сможет эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность в условиях поликультурной среды, обеспечивая качественную медицинскую помощь всем пациентам, независимо от их языковой и культурной принадлежности. Дальнейшее исследование этой проблемы видится в разработке и апробации конкретных методик обучения коммуникативным стратегиям с учетом культурных особенностей пациентов, а также в создании учебных материалов, отражающих реальные ситуации межкультурного медицинского общения.

Список цитируемой литературы

1. Коричкина Л. Н., Поселюгина О. Б., Зенина О. Ю., Клейменова Л. С., Аль-Гальбан Л. Н., Комаров И. И. Когнитивно-коммуникативный и лингво-коммуникативный подход в обучении при формировании профессиональной

языковой личности врача // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. С. 35–43.
2. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
3. Гончарик А. В., Вашкевич Е. И. Медицинский дискурс как предмет лингвистического изучения // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания. 2020. С. 564–569.
4. Бекишева Е. В. Новые направления в исследовании медицинской терминологии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4(2). С. 260–264.
5. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.
6. Богатикова Е. П. Особенности репрезентации знания в контексте электронной медицинской консультации // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (11). С. 67–72.
7. Иссерс О. С. Конфликтогенные факторы коммуникации «врач-пациент» в русскоязычных дискурсивных практиках // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 14. № 10. С. 1567–1580.
8. Барсукова М. И., Ремпель Е. А. Реализация речевых тактик утешения, сочувствия и поддержки в профессиональной коммуникации врача // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики. Тверь: Тверская ГМА, 2018. С. 7–12.
9. Жура В. В. Дискурсивная компетенция врача в устном медицинском общении: автореф. дис. д-ра филол. наук. Волгоград, 2008. 42 с.
10. Самчик Н. Н. Коммуникативный подход к обучению грамматике русского языка как иностранного // Региональный вестник. 2019. № 6 (21). С. 36–38.

© Голами Х., Касымова О. П., 2026

УДК 81’42

Давлетова Я. А.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
slavaza@bk.ru

КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК ВИД ПРЕЦЕДЕНТНОГО ТЕКСТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассматривается феномен крылатых выражений в рамках теории прецедентности. Анализируется соотношение понятий «крылатое слово», «прецедентный феномен» и «прецедентный текст». Выдвигается предположение о том, что крылатые выражения представляют собой ядерный, наиболее динамичный и адаптивный вид прецедентного текста, функционирующий в качестве когнитивной матрицы. Исследуются механизмы их интертекстуальной отсылки, семантической трансформации и функционирования в современном русскоязычном дискурсе.
Ключевые слова: крылатые выражения, прецедентный текст, интертекстуальность, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, языковая личность, дискурс.

Davletova Ya. A.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
slavaza@bk.ru

«WINGED EXPRESSIONS» AS A TYPE OF PRECEDENT TEXT: LINGUOCULTURAL AND COGNITIVE ASPECTS

Abstract. This article examines the phenomenon of "winged expressions" (well-known, often idiomatic, quotations or phrases) within the framework of the theory of precedence. It analyzes the relationship between the concepts of "winged expression," "precedent phenomenon," and "precedent text." It is proposed that winged expressions constitute a core, highly dynamic, and adaptive type of precedent text, functioning as a cognitive matrix. The study explores the mechanisms of their intertextual reference, semantic transformation, and their role within contemporary *Russian-language discourse.*
Key words: winged expressions, precedent text, intertextuality, linguoculturology, cognitive linguistics, linguistic personality, discourse.

Современная лингвистика переживает этап перехода от изучения языка как замкнутой системы к анализу его функционирования в живой коммуникации. В центре внимания оказывается языковая личность, чей речевой портрет во многом формируется за счет апелляции к фонду общих знаний. Одним из ключевых инструментов такой апелляции выступают

прецедентные феномены. Среди них особое место занимают крылатые выражения (КВ) – устойчивые, воспроизводимые в речи единицы, генетически связанные с конкретным текстом-источником.

Цель данной работы – доказать, что крылатые выражения не просто используют прецедентные тексты, но сами по себе являются их наиболее концентрированным, семантически гибким и дискурсивно значимым видом. Понятие прецедентности было введено в научный оборот Ю. Н. Карауловым, который определил прецедентные тексты как тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности». Д. Б. Гудков, В. В. Красных и другие представители научной школы расширили это понятие до «прецедентного феномена», выделив четыре уровня: прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентную ситуацию и прецедентный текст. Крылатое выражение, согласно классической дефиниции Н. С. и М. Г. Ашукиных, – это вошедшее в нашу речь из литературных источников краткое цитатное выражение, образное сравнение, афоризм или самостоятельное изречение, получившее широкое распространение.

Сопоставление этих дефиниций выявляет их сущностное родство. Однако если прецедентный текст (например, роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») требует для своей активации в сознании реципиента определенного интеллектуального усилия и контекста, то крылатое выражение («Тварь ли я дрожащая или право имею?») функционирует как самостоятельная единица. КВ – это текст, прошедший процедуру компрессии и десемантизации исходного контекста ради приобретения новой, ситуативной прагматики.

Таким образом, КВ – это прецедентный текст, редуцированный до уровня высказывания, сохранивший при этом генетическую память об источнике. Функционирование КВ как прецедентного текста опирается на несколько взаимосвязанных механизмов:

Прежде всего, это интертекстуальная маркированность. Любое крылатое выражение содержит в себе свернутую ссылку на первоисточник. Фраза «Быть или не быть» мгновенно актуализирует в сознании носителя языка не только текст У. Шекспира, но и весь пласт европейской философской традиции, связанной с экзистенциальным выбором. В русскоязычной культуре этот механизм работает особенно остро: выражение «Горе от ума» (А. С. Грибоедов) отсылает не просто к комедии, но к архетипу непонятого интеллектуала в русской истории. Исходный текст-источник всегда шире своего крылатого фрагмента. КВ извлекает из текста квинтэссенцию смысла.

При этом в процессе перехода из литературы в язык КВ часто меняет оценочный вектор. Например, фраза И. А. Крылова «А Васька слушает да ест» в басне имела однозначно осуждающий характер (по отношению к наглости кота), но в современном политическом дискурсе она часто используется как нейтральная констатация факта или даже как формула успешной стратегии игнорирования критики.

Крылатое выражение выступает в роли готовой когнитивной матрицы (фрейма). Когда говорящий использует фразу «Остапа несло» (И. Ильф, Е. Петров), он не просто описывает болтливого человека. Он активирует в сознании собеседника целый фрейм: неконтролируемый поток речи, потерю связи с реальностью, комическую или трагическую безысходность ситуации. КВ экономит когнитивные ресурсы, упаковывая сложный сценарий в одну формулу

В русской лингвокультуре фонд КВ неоднороден. Его можно разделить на три основные группы в зависимости от типа прецедентного текста-источника: 1. Литературно-художественные (ядерные). Составляют основу фонда. Это произведения А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова. Особенность этой группы в том, что текст-источник сам по себе является национальным прецедентом. Фраза «Ключница водку делала?» (М. А. Булгаков, «Иван Васильевич меняет профессию») отсылает к фильму, который, в свою очередь, стал прецедентным текстом для нескольких поколений. 2. Библеизмы. Древнейший пласт прецедентных текстов. Выражения «Соль земли», «Камень преткновения», «Манна небесная» функционируют в современном русском языке автономно от религиозного дискурса, превратившись в общеупотребительные метафоры. 3. Историко-политические. Фразы, приписываемые историческим деятелям или порожденные советской эпохой. «Хотели как лучше, а получилось как всегда» (В. С. Черномырдин) или «Головокружение от успехов» (И. В. Сталин). Здесь прецедентным текстом выступает не художественный нарратив, а исторический факт или публичное выступление, зафиксированное в коллективной памяти.

В XXI веке, в эпоху интернет-коммуникации и клиповизации мышления, роль КВ как прецедентных текстов только возрастает. Однако их бытование претерпевает изменения:

- Деавторизация. В быстрой интернет-переписке генетический источник КВ часто утрачивается. Фраза «Подвиг разведчика» или «Загадочная русская душа» используется молодыми носителями языка без знания ее литературного или исторического бэкграунда. КВ переходит из разряда цитаты в разряд идиомы, сохраняя при этом статус прецедентности за счет узнаваемости формы.
- Ирония. Одной из главных функций КВ сегодня становится создание иронического зазора. Использование высокого прецедентного текста в низкой бытовой ситуации («Я Пастернака не читал, но осуждаю» применительно к обсуждению нового сериала) порождает комический эффект. Это может свидетельствовать о высокой культурной компетенции говорящего, который способен «играть» контрастом смыслов.
- Мемизация. Крылатые выражения предстают основой интернет-мемов. Приведем пример использования прецедентного текста (стихотворения М. Ю. Лермонтова) для создания нового прецедентного феномена: выпадение

«Выхожу один я на дорогу» визуализируется фотографией, на которой мы видим пробку на МКАДе.

В заключении можно сказать, что крылатые выражения представляют собой крупный и важный пласт всех прецедентных текстов в целом. КВ обладают следующими характеристиками прецедентных текстов: устойчивость формы, узнаваемость и способность к переосмыслению, появлению в новых дискурсах). Использование крылатых выражений в ходе психолингвистических экспериментов позволит сделать выводы об ориентирах и ценностях современной языковой личности.

Список цитируемой литературы

1. Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Правда, 1986. 784 с.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
5. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 752 с.
6. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
7. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17–29.
8. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

© Давлетова Я. А., 2026

УДК 811.111:81'27

Егоров Е. И., Крусс А. А.
Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия
e.egorov.2016@stud.nstu.ru, ang.kss.2003@gmail.com

НОРМАТИВНОСТЬ И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ В КОММУНИКАЦИИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК LINGUA FRANCA: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается соотношение языковой нормы и взаимопонимания в коммуникации на английском языке как lingua franca (English as a lingua franca, ELF), то есть языке-посреднике между людьми с разными родными языками. Анализируются подходы парадигмы World Englishes (вариантологии английского языка) и исследований ELF к понятию нормы, а также модели оценки понятности высказывания. Показано, что в ELF-взаимодействии норма приобретает договорной и ситуативный характер, а успешность общения определяется прежде всего стратегиями аккомодации и согласования смыслов. Делается вывод о необходимости пересмотра целей обучения английскому языку с учетом социолингвистической реальности его глобального использования.
Ключевые слова: английский язык как lingua franca, языковая норма, взаимопонимание, понятность, аккомодация, вариантность английского языка, социолингвистика.

Egorov E. I., Kruss A. A.
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
e.egorov.2016@stud.nstu.ru, ang.kss.2003@gmail.com

NORMATIVITY AND MUTUAL INTELLIGIBILITY IN ENGLISH AS A LINGUA FRANCA COMMUNICATION: A SOCIOLINGUISTIC PERSPECTIVE

Abstract. The article examines the relationship between language norms and mutual understanding in communication in English as a lingua franca. The approaches of the World Englishes paradigm and ELF research to the notion of norm are analysed, together with models for assessing the intelligibility of utterances. It is shown that in ELF interaction the norm becomes negotiated and situational, while communicative success depends primarily on accommodation strategies and the negotiation of meaning. The authors conclude that the goals of English language teaching should be reconsidered in light of the sociolinguistic reality of its global use.
Key words: English as a lingua franca, language norm, mutual understanding, intelligibility, accommodation, World Englishes, sociolinguistics.

Английский язык в начале XXI века функционирует в условиях, которые не имеют прямых аналогов в истории. Им пользуются не только носители и жители бывших британских колоний, но и огромное число людей, для которых он остается иностранным и служит средством общения с такими же неносителями. Именно такие ситуации описываются термином «английский язык как lingua franca» (English as a lingua franca, далее ELF). Выражение lingua franca (букв. «франкский язык») обозначает язык-посредник, которым пользуются люди с разными родными языками, а аббревиатура ELF образована от его английского названия. Б. Зайдльхофер определяет ELF как любое использование английского языка говорящими с разными родными языками, для которых английский является выбранным средством общения, а нередко и единственно возможным [8]. Еще раньше А. Ферт описывал его как контактный язык людей, у которых нет ни общего родного языка, ни общей национальной культуры [3].

Подобное положение дел ставит перед социолингвистикой вопрос, который в традиционной лингводидактике почти не возникал. Если большинство участников общения не являются носителями языка, то на чью норму они должны ориентироваться и что в таком случае считать ошибкой? С этим тесно связан и второй вопрос. Насколько отклонение от стандарта мешает взаимопониманию и мешает ли оно вообще? Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть соотношение нормативности и взаимопонимания в ELF-коммуникации и показать, какие социальные факторы определяют отношение говорящих к норме.

Отправной точкой многих современных дискуссий остается концепция Б. Качру, предложившего описывать распространение английского языка в виде трех концентрических кругов. Внутренний круг (Inner Circle) образуют страны, где английский является родным языком большинства населения (Великобритания, США, Австралия). Внешний круг (Outer Circle) составляют государства, в которых английский выполняет функции второго официального языка (Индия, Нигерия, Сингапур). Расширяющийся круг (Expanding Circle) включает страны, где английский изучается как иностранный, в том числе Россию. По Качру, внутренний круг создает нормы, внешний развивает собственные, а расширяющийся зависит от чужих. Исследователь призывал к «социолингвистическому реализму», то есть к признанию того, что индийский или нигерийский английский обладает собственной системой и не может оцениваться как искаженная британская модель [6].

В отечественной науке эти идеи развивает З. Г. Прошина в рамках контактной вариантологии английского языка. Она подчеркивает, что данная парадигма опирается на дескриптивный, а не прескриптивный принцип и оценивает высказывание не с позиции правильности, а с точки зрения понятности, уместности и эффективности общения [1]. Для нашей темы важно и проводимое ею разграничение социолингвистического понятия варианта и психолингвистического понятия интерязыка. Системные и регулярные особенности речи определенного сообщества могут закрепляться как признаки

варианта, тогда как индивидуальные отклонения учащегося остаются фактами интерязыка [2].

Исследования ELF во многом продолжают эту линию, но смещают акцент. Если парадигма World Englishes (букв. «английские языки мира») описывает относительно устойчивые национальные варианты, то ELF понимается скорее как функция языка, которая проявляется в конкретных ситуациях общения людей с разным лингвокультурным опытом. Участники такого общения обычно не принадлежат к единому языковому сообществу, и поэтому выработка общей кодифицированной нормы «английского lingua franca» вряд ли возможна. А. Мауранен предлагает термин similects (от англ. similar «сходный» и lect «разновидность языка») для обозначения разновидностей английского, которые складываются у носителей одного родного языка под его влиянием. Такие разновидности развиваются параллельно и почти не контактируют между собой напрямую, встречаясь лишь в ELF-взаимодействии, где их особенности смешиваются и взаимно приспосабливаются [7]. Получается, что ELF представляет собой контакт второго порядка, то есть контакт между уже контактными формами языка.

Вопрос о норме в такой ситуации неизбежно превращается в вопрос о праве собственности на язык. Г. Уиддоусон утверждал, что если английский действительно стал международным языком, то его развитие в мире больше не является делом носителей, которые не вправе вмешиваться в этот процесс или выносить о нем суждения [10]. Стандартный английский, по мысли Уиддоусона, выполняет двойную функцию. Он служит средством коммуникации и одновременно символом принадлежности к определенному сообществу, поэтому требование строго следовать ему нередко оказывается не столько лингвистическим, сколько социальным [10].

Вместе с тем было бы упрощением утверждать, что в ELF норма исчезает, скорее она меняет свою природу. На смену заранее заданной экзонорме приходит норма договорная и ситуативная, которую участники общения вырабатывают непосредственно в ходе взаимодействия, опираясь на общий для них языковой опыт. Зайдльхофер показывает, что многие типичные для ELF формы, например отсутствие окончания -s в третьем лице единственного числа, взаимозаменяемость относительных местоимений who (кто) и which (который) или универсальный разделительный вопрос isn't it (не так ли), не препятствуют пониманию и в ряде случаев даже делают высказывание более прозрачным [8]. С позиции внутреннего круга это ошибки, однако с точки зрения коммуникативной функции перед нами закономерная регуляризация системы.

Ключевым понятием в этой связи становится взаимопонимание. Л. Смит и С. Нельсон предложили различать три его уровня. Понятность (intelligibility) означает способность распознать слово или высказывание. Постижимость (comprehensibility) связана с пониманием значения слова или высказывания. Интерпретируемость (interpretability) предполагает понимание смысла, стоящего за высказыванием, то есть намерения говорящего [9]. Такое разграничение показывает, что формальная правильность связана в основном с

первым уровнем, тогда как коммуникативная неудача чаще возникает на третьем, где решающую роль играют прагматические и культурные факторы.

Наиболее последовательно проблема понятности в ELF разработана на фонетическом материале. Дж. Дженкинс, проанализировав случаи непонимания в общении неносителей, выделила так называемое ядро lingua franca (Lingua Franca Core), то есть набор произносительных признаков, важных для взаимопонимания. В него вошли признаки, нарушение которых действительно ведет к сбоям в общении, в частности большинство согласных звуков, противопоставление долгих и кратких гласных, сохранение начальных групп согласных и правильная постановка фразового ударения. Межзубные звуки, точное качество гласных, слабые формы и ритмическая организация английской речи оказались для понимания гораздо менее значимыми [4]. Тем самым Дженкинс предложила заменить цель подражания носителю целью взаимной понятности для неносителей.

Однако взаимопонимание обеспечивается не только набором языковых признаков, но и поведением самих участников общения. Ферт на материале деловых телефонных переговоров показал, что собеседники нередко пропускают непонятные или необычные формы в расчете на то, что смысл прояснится позже (принцип let it pass, то есть «пусть пройдет»), а также встраивают чужие отклонения в собственную речь и тем самым делают их нормальными (принцип make it normal, то есть «сделай нормальным») [3]. Последующие исследования описали целый набор стратегий, к которым прибегают говорящие на ELF. Среди них повтор, перефразирование, уточняющие вопросы, переключение кодов и совместное достраивание высказывания [7; 8]. Существенно, что такие стратегии часто носят упреждающий характер, то есть используются не только для устранения уже возникшего непонимания, но и для его предотвращения.

Социолингвистический аспект проблемы проявляется особенно отчетливо при анализе языковых установок. Дженкинс отмечает, что вопреки реальной практике ELF многие преподаватели и сами говорящие продолжают считать произношение носителя единственно правильным, а собственный акцент воспринимают как недостаток [5]. Это противоречие объясняется тем, что норма выполняет функцию социального фильтра. Международные экзамены, требования работодателей и учебные материалы по-прежнему ориентированы преимущественно на британский или американский стандарт. В результате говорящий оказывается между двумя системами ожиданий. Для успешного общения ему достаточно быть понятным, а для социального признания нередко требуется соответствовать модели носителя.

Для российского контекста эта проблема имеет вполне практическое измерение. Россия относится к расширяющемуся кругу, и английский язык используется ее гражданами главным образом для общения с другими неносителями в академической, деловой и туристической сферах. Прошина выступает в поддержку идеи «интеркультурной грамотности», которая

позволяет осуществлять межкультурную коммуникацию с носителями разных вариантов английского языка и контролировать ее успешность [1].

Проведенный анализ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в ELF-коммуникации норма утрачивает статус заданного извне эталона и приобретает договорной, ситуативный характер. Во-вторых, критерием успешности общения выступает не формальная правильность, а взаимопонимание, которое складывается на нескольких уровнях и обеспечивается как ядерными языковыми признаками, так и стратегиями аккомодации. В-третьих, отношение к норме во многом определяется социальными факторами, прежде всего престижем модели носителя и ее закреплением в образовательных и экзаменационных практиках. Речь идет о смещении акцентов, при котором стандарт служит ориентиром, а не единственной мерой коммуникативной компетенции, а учащиеся осваивают навыки понимания разных акцентов и согласования смыслов. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется изучение установок русскоязычных пользователей английского языка по отношению к ELF.

Список цитируемой литературы

1. Прошина З. Г. Вариантность английского языка и межкультурная коммуникация // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. XII, вып. 2, № 55–56. С. 242–252.
2. Прошина З. Г. Контактная вариантология английского языка: проблемы теории. World Englishes Paradigm: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 208 с.
3. Firth A. The discursive accomplishment of normality: On ‘lingua franca’ English and conversation analysis // Journal of Pragmatics. 1996. Vol. 26, № 2. P. 237–259.
4. Jenkins J. The Phonology of English as an International Language. Oxford: Oxford University Press, 2000. 258 p.
5. Jenkins J. English as a Lingua Franca: Attitude and Identity. Oxford: Oxford University Press, 2007. 284 p.
6. Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: the English language in the outer circle // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures / ed. by R. Quirk, H.G. Widdowson. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 11–30.
7. Mauranen A. Exploring ELF: Academic English Shaped by Non-native Speakers. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 271 p.
8. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011. 244 p.
9. Smith L. E., Nelson C. L. International intelligibility of English: directions and resources // World Englishes. 1985. Vol. 4, № 3. P. 333–342.
10. Widdowson H. G. The ownership of English // TESOL Quarterly. 1994. Vol. 28, № 2. P. 377–389.

© Егоров Е. И., Крусс А. А., 2026

УДК 81

Казарбаева В. Н.
Отделение СПО филиала ТИУ, г. Сургут, Россия
vasilyakazarbaeva@mail.ru

СТРУКТУРА И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, БАШКИРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье исследуются структурно-семантические особенности фразеосемантического поля «состояние природы» на материале русского, башкирского и английского языков. Проводится сопоставительный анализ фразеологических единиц, выявляя общие закономерности и национально-специфические черты репрезентации природных явлений в разноструктурных языках. На основе выделенных микрополей и типов семантических отношений описывается универсальный и уникальный характер фрагментов языковой картины мира каждого из исследуемых народов.
Ключевые слова: фразеосемантическое поле, состояние природы, разноструктурные языки, семантические отношения, фразеологическая единица, сопоставительная лингвистика, русский язык, башкирский язык, английский язык.

Kazarbaeva V. N.
Secondary vocational education Department of the Industrial University of Tyumen filiation, Surgut, Russia
vasilyakazarbaeva@mail.ru

STRUCTURE AND SEMANTIC RELATIONS OF THE PHRASEO-SEMANTIC FIELD "STATE OF NATURE" IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURES (BASED ON RUSSIAN, BASHKIR, AND ENGLISH)

Abstract: This article examines the structural and semantic features of the phraseosemantic field of "state of nature," drawing on data from the Russian, Bashkir, and English languages. A comparative analysis of phraseological units is conducted to identify both common patterns and language-specific characteristics in the representation of natural phenomena across these structurally diverse languages. Based on the identified microfields and types of semantic relations, the study describes the universal and unique aspects of the linguistic worldviews of the peoples under consideration.

Key words: phraseosemantic field, state of nature, languages of different structures, semantic relations, phraseological unit, comparative linguistics, Russian language, Bashkir language, English language.

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется повышенным интересом к антропоцентрической парадигме, в рамках которой язык рассматривается как важнейший способ концептуализации и категоризации окружающей действительности. Особое место в этом процессе занимает фразеологический состав языка, наиболее ярко отражающий национально-культурную специфику мировосприятия этноса. В ряду универсальных фрагментов языковой картины мира особое значение имеет фрагмент, связанный с восприятием природных явлений, поскольку метеорологические и природные факторы во все времена определяли жизнедеятельность человека.

В то же время системное описание фразеосемантического поля «состояние природы» в сопоставительном аспекте на материале генетически и типологически разноструктурных языков – русского (восточнославянский, флективный язык), башкирского (тюркский, агглютинативный язык) и английского (германский, аналитический язык с элементами флективности) остается недостаточно изученным. Сопоставление языков различного строя позволяет разграничить универсальные когнитивные категории и специфические национально-обусловленные способы языковой репрезентации погодных и природных состояний, что определяет высокую актуальность предпринятого исследования.

Вопросы теории языкового и фразеологического поля разрабатывались в трудах отечественных и зарубежных лингвистов (В. В. Виноградов, А. В. Кунин, Ю. А. Гвоздарев, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) [1; с. 94]. Проблемы сопоставительной фразеологии и типологии разноструктурных языков освещались в работах многих исследователей. Тем не менее, комплексный анализ структурных особенностей и парадигматических / синтагматических семантических отношений (синонимии, антонимии, полисемии, гипонимии) во фразеосемантическом поле «состояние природы» на стыке славянского, тюркского и германского языкового материала требует дальнейшей систематизации.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые проведено трехъязычное сопоставительное исследование фразеосемантического поля «состояние природы» на материале языков с разным типологическим строем (флективного, агглютинативного и аналитического), уточнена структура ядра и периферии данного поля, а также выявлены особенности межъязыковой эквивалентности и лакунарности.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты вносят вклад в развитие общей теории фразеологии, сопоставительной лингвистики, типологии языков и когнитивной семантики, расширяя представления о языковой картине мира.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты, фактический материал и выводы могут быть использованы в лекционных курсах по лексикологии и фразеологии русского, башкирского и английского языков, в спецкурсах по сопоставительной типологии, а также при составлении учебных пособий и двуязычных / трехъязычных фразеологических словарей.

Ядро фразеосемантического поля составляют доминантные фразеологические единицы с высокой частотностью употребления и прямой номинацией природных состояний (например, рус. буря в стакане воды, англ. storm in a teacup, баш. погодные идиомы с глагольными и именными компонентами). Периферию поля формируют окказиональные, метафорические и периферийно-ассоциативные выражения, где природное состояние выступает образом для передачи психоэмоционального состояния человека или социального контекста [4; с. 581].

Ядро поля: прямые обозначения метеорологических явлений и стихий (осадки, ветер, температура, время суток).

Ближняя периферия: фразеологические единицы со структурой «природный элемент + действие/состояние» (например, ветер свищет, дождь льет как из ведра).

Дальняя периферия: метафорические переносы, в которых состояние природы проецируется на внутренний мир человека или общественные процессы (погода в доме, тучи сгущаются).

Структурный анализ фразеосемантического поля «состояние природы» в трех разноструктурных языках выявляет заметные различия в морфологическом оформлении и синтаксическом построении фразеологизмов.

В русском языке преобладают глагольные и субстантивные фразеологические единицы со структурой словосочетания (по классификации В. В. Виноградова – фразеологические единства и сращения). Активно используются предложно-падежные формы существительных (в бурю, после дождика в четверг).

В башкирском языке благодаря агглютинативному строю наблюдается мощный пласт идиоматических выражений аналитико-синтетического типа, где грамматические отношения оформляются цепью аффиксов. Значительную роль играют парные (ассоциативные) фразеологизмы и глагольные конструкции, отражающие тесную связь кочевнической культуры с ландшафтом и степным климатом [3; с. 213].

Семантическое пространство поля «состояние природы» структурируется посредством стандартных для лексико-семантических систем отношений: синонимии, антонимии, полисемии и гиперогипонимических связей.

Внутри поля формируются синонимичные ряды, отражающие степень интенсивности природного явления. Например, концепт сильного дождя или ливня реализуется через ряд: рус. лить как из ведра / как из сита / выстегать землю; англ. to rain cats and dogs / to pour down / to pelt; баш. эквивалентные глагольные и деепричастные обороты с высокой интенсивностью действия.

В английском языке доминируют краткие двучленные или глагольно-наречные структуры (часто с постпозитивными наречиями/предлогами: clear up, set in), а также изоморфные биномиалы (rain or shine – «в любую погоду, при любых обстоятельствах»). Далее на примерах рассмотрим типологические особенности фразеологических единиц в разноструктурных языках (см. таблица 1)

Таблица 1

Структурный признак	Русский язык (флективный)	Башкирский язык (агглютинативный)	Английский язык (аналитический)
Основной тип фразеологических единиц	Субстантивные и глагольные словосочетания	Аффиксально-синтетические и парные формы	Короткие глагольно-предложные и биномиальные ряды
Способ связи компонентов	Сочинительная и подчинительная (согласование, управление)	Агглютинация, присоединение аффиксов падежа/принадлежности	Жесткий порядок слов, аналитические конструкции
Степень идиоматичности	Высокая (образные этнокультурные сдвиги)	Сбалансированная (многоуровневые метафоры)	Высокая (преобладание единств)

Английская языковая картина мира гипертрофированно выделяет морской и островной климатический фактор (частые туманы, дожди, перемену ветра): отсюда высокая частотность морских и погодных метафор (weather the storm, under the weather). Русская языковая картина мира фокусируется на раздолье, суровости континентального климата, образах долгой зимы, весенней распутицы и внезапной летней грозы (зима катит в глаза, гром среди ясного неба). Башкирская языковая картина мира глубоко укоренена в пейзажах Южного Урала, степных ветрах, смене пастбищ и сезонных ритмах скотоводческого быта. Природные явления в башкирских фразеологических единицах часто очеловечиваются, наделяются волей и характером, что отражает древние анимистические традиции и тесную вовлеченность человека в природный цикл [5; с. 130–136].

В ходе проведенного сопоставительного исследования фразеосемантического поля «состояние природы» на материале русского, башкирского и английского языков были получены следующие основные результаты: в исследуемых языках фразеосемантическое поле «состояние природы» обладает ядерно-периферийной структурой. Ядро поля формируют наиболее частотные фразеологические единицы, непосредственно номинирующие базовые метеорологические явления (осадки, температуру воздуха, время суток и состояние атмосферы), в то время как периферия представлена образными и метафорическими единицами, отражающими ассоциативные связи природы с внутренним миром человека [2; с. 64].

Выявлено, что структурные типы фразеологических единиц в сопоставляемых языках обусловлены типологическим характером самих языков. Например, в русском и английском языках преобладают глагольные и

субстантивные фразеологические единицы со структурой словосочетания, характеризующиеся высокой степенью идиоматичности и аналитизмом (в английском). В башкирском языке (агглютинативный строй) значительную роль играют разветвленные морфологические формы, причастия и деепричастные обороты в составе фразеологизмов, отражающие специфику пространственно-временной локализации природных процессов.

Внутри исследуемого поля зафиксированы основные типы семантических отношений – синонимия, антонимия, полисемия и вариантность. Наиболее развитую синонимическую парадигматику демонстрируют микрополя, описывающие интенсивные осадки (дождь, снег, гроза) и резкие изменения температуры. Антонимические отношения строятся на бинарных оппозициях «тепло – холод», «ясно – пасмурно», «ветер – штиль». Семантика фразеологизмов ярко демонстрирует национальную специфику языкового сознания. Если в английском языке акцент делается на переменчивости погоды и туманах, в русском – на суровости климата, морозах и разгуле стихий, то в башкирском языке семантическое пространство тесно связано с кочевым прошлым народа, степным ландшафтом, скотоводческим календарем и глубоким уважительным (анимистическим) восприятием сил природы.

Полученные результаты подтверждают перспективность применения системно-структурного и сопоставительного методов к изучению фразеологических полей в разноструктурных языках и могут быть использованы в дальнейших исследованиях по лингвокультурологии, сравнительной типологии и лексикографии.

Список цитируемой литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: монография / Н. Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2008. 152 с.
2. Ураксин З. Г. Башкирско-русский фразеологический словарь / З. Г. Ураксин. Уфа: Китап, 2006. 340 с.
3. Фаткуллина Ф. Г., Канафина А. Р. Фразеологическая репрезентация категории пространства в разноструктурных языках. Вестник Башкирского университета. 2020; Т. 25, № 5: 130–136.
4. Хайруллина Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию / Р. Х. Хайруллина. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2000. 285 с.
5. Spears R. A. NTC's American Idioms Dictionary / R. A. Spears. Lincolnwood: National Textbook Company, 2000. 623 p.

© Казарбаева В. Н., 2026

УДК 81'42

Котельникова А. Н.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
ankotelnikova@pstu.ru

ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ БУДУЩИХ АРХИТЕКТОРОВ

Аннотация. Статья описывает реализацию проектной методики при обучении иностранному языку студентов-архитекторов. Итогом работы становится создание и защита градостроительного буклета на иностранном языке. В основной части статьи раскрываются этапы модуля: погружение в архитектурное наследие Перми и Пермского края, анализ и интерпретация информации, создание буклета и его устная презентация без опоры на письменный текст. Работа над буклетом рассматривается как методика, объединяющая краеведческий, воспитательный, языковой и цифровой аспекты обучения. Делается вывод об интегративном характере предложенного метода и его влиянии на формирование иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции.
Ключевые слова: проектный метод; иноязычная профессиональная коммуникация; студенты-архитекторы; градостроительный буклет; Пермь; цифровые навыки; презентация проекта.

Kotelnikova A. N.
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
ankotelnikova@pstu.ru

A PROJECT-BASED APPROACH TO TEACHING FOREIGN-LANGUAGE PROFESSIONAL COMMUNICATION TO FUTURE ARCHITECTS

Abstract. This article describes the implementation of a project-based methodology in teaching a foreign language to architecture students. The final outcome of the work is the creation and presentation of an urban planning booklet in a foreign language. The text outlines the stages of the module: immersion in the architectural heritage of Perm and the Perm Region, analysis and interpretation of information, creation of the booklet, and its public presentation. The methodology described in the article integrates the historical, educational, linguistic and digital aspects of the learning process. The article concludes that the proposed method is integrative in nature and contributes to the development of foreign language professional communicative competence.

Key words: project-based method; professional communication in a foreign language; architecture students; urban planning booklet; Perm; digital skills; project presentation.

Иностранный язык является обязательной дисциплиной для изучения во всех высших учебных заведениях России. В соответствии с программой бакалавриата направлений подготовки 08.03.01 «Строительство» и 07.03.01 «Архитектура» цель освоения дисциплины заключается в формировании коммуникативных компетенций обучающегося для работы как с устным, так и письменным дискурсом [7, с. 1]. Для будущего архитектора владение иностранным языком - это инструмент доступа к мировому профессиональному знанию, возможность участия в международных проектах и презентации собственных идей. Однако традиционные подходы, ориентированные на темы «общего английского» (*General English*) и грамматические упражнения, часто не создают условий, в которых язык становится действительно рабочим средством. Возникает необходимость в таких методиках, где иноязычная коммуникация встроена в решение профессионально значимой задачи.

Проектный метод уже многие годы доказывает свою эффективность в процессе подготовки специалистов разных областей. С. И. Кружкова, В. Н. Михелькевич в своей статье «Формирование проектной культуры студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку» [5] представляют подробный исторический экскурс в развитие метода проектов: авторы прослеживают его истоки в практике подготовки архитекторов и инженеров и показывают, что проектная деятельность исторически связана именно с архитектурно-строительной сферой [5, с. 52]. В своей работе И. И. Кобыльская описывает опыт использования метода проекта на примере темы «Строительство спортивных сооружений». Автор особо отмечает высокую вовлеченность студентов в совместную работу и успешный результат при устной защите готового продукта [1]. Также ценность кейс-метода или ситуативной/ситуационной методологии для обучения профессиональному английскому языку будущих строителей обосновывает в своей статье Е. Ю. Костюкович [4, с. 159]. Еще один успешный опыт использования проектного метода представлен в статье И. П. Павлючко и И. В. Ларионова «Реализация исследовательского проекта “Лингвокультурное функционирование московских памятников архитектуры”» [6]. Авторы особо отмечают, что обращение к локальному архитектурному наследию развивает лингвокультурную компетенцию и исследовательские умения будущих инженеров-строителей и архитекторов.

В нашем случае использование проектной работы позволяет соединить языковую подготовку с предметным содержанием архитектурного образования, а также с региональным компонентом. Обращение к «тексту города» – совокупности культурных, исторических и пространственных смыслов, закодированных в архитектуре и городской среде, – даёт студентам-

архитекторам возможность быть вовлеченными в профессиональный дискурс на иностранном языке.

Настоящая статья описывает опыт реализации проектного модуля, итогом которого становится создание градостроительного буклета на иностранном языке и его презентация перед другими студентами и преподавателями.

Этапы реализации проекта

1. Подготовительный этап. Модуль открывается серией занятий, посвящённых архитектурному наследию Перми и Пермского края. Студенты работают с адаптированными иноязычными текстами о пермской архитектуре, знакомятся с терминологией отрасли (*architectural styles, famous architects, low-rise buildings, structural and architectural elements, shapes, shades and colours*). На этом этапе целесообразно работать с тезаурусом профессиональной лексики, о принципах составления архитектурно-строительного тезауруса методом семантического картирования подробно пишут в своей статье О. П. Корниенко и А. А. Петий [3]. В этом модуле студенты изучают информацию про знаменитых пермских архитекторов и знакомятся с их работами, к примеру:

V. V. Popatenko – "Chapel of Stefan of Great Perm," "Yekaterino-Petrovskoye City School," "Perm Teacher Seminary";

A. B. Turchevich – "Turchevich House," "Gribushin House," "Tupitsyn House";

M. I. Futlik – "Gorky Library," "Pushkinskaya Banya," "Perm Circus," etc.

На этом этапе формируется лексическая база и первичные навыки анализа архитектурного объекта на иностранном языке.

2. Аналитический этап. На следующем этапе осуществляется переход от описания здания к профессиональной интерпретации. Студенты учатся не просто перечислять факты о здании, но проводить профессиональный анализ: определять стилистическую принадлежность, выявлять градостроительный контекст, анализировать использованные строительные материалы, оценивать сохранность здания и его ценность для городской среды. Здесь студенты учатся распределять обязанности и нести ответственность за определенный аспект работы в своей мини-группе. Ключевым моментом на этом этапе является сопоставительный анализ текстов на иностранном языке, созданных для обывателей – туристов и для профессионалов. Важно отметить различия в выборе языковых средств.

*Text 1. The Meshkov House is one of the most beautiful buildings in Perm! With its **elegant façade**, **graceful columns** and **warm yellow walls**, it looks like a real **palace** in the heart of the city. Visitors love taking photos here, and it is easy to see why: the building is simply **stunning**. Come and see it for yourself — you will not be disappointed!*

*Text 2. The Meshkov House (1820s) is a representative example of late **Russian Classicism** in Perm. The building has **a symmetrical composition** with a central **portico** of six **Corinthian columns** and a triangular **pediment**. The main volume is constructed of **brick** with **lime plaster finish**; the façade is articulated by **pilasters** and rectangular windows with sandstone surrounds.*

3. Выбор темы и работа над продуктом. Выбор темы является одним из важнейших этапов, так как здесь реализуется несколько педагогических направлений. Краеведческая линия обеспечивает содержательную основу: студенты рассматривают в качестве объекта исследования не только исторические здания, но и новые жилые комплексы, деятельность ведущих региональных строительных компаний и девелоперов, озеленение города, меры, предпринятые для создания комфортной городской среды. Воспитательный аспект работы связан с формированием чувства патриотизма и осмыслением ценности архитектурного наследия родного города и края. Языковой аспект находит отражение в грамотном и терминологически точном оформлении текста буклета. Также перед студентами ставится задача - выбрать целевую аудиторию своего продукта. Это могут быть иностранные специалисты и инвесторы, иностранные студенты ПНИПУ, участники международных выставок и т.д.

Для студентов, испытывающих затруднения с выбором идеи, предлагается перечень рекомендованных тем, охватывающих широкий спектр градостроительных и архитектурных сюжетов:

1. Современная архитектура Перми: прошлое в будущем.
2. Архитектурная подсветка Перми: как свет меняет облик города.
3. Парки и рекреационные пространства Перми: от Горьковского парка до набережной.
4. Набережная Камы как градостроительный проект: история и современность.
5. Строительные компании Пермского края: кто формирует современный облик города.
6. Жилые комплексы нового поколения: архитектура комфорт- и бизнес-класса в Перми.
7.Реновация промышленных территорий: заводы, цеха и новые культурные кластеры (на примере завода Шпагина).
8. Купеческая застройка Перми: особняки, доходные дома и городская среда.
9. Здание Пермской художественной галереи по проекту Сергея Чобана: диалог города с культурным наследием.

Наличие готового перечня тем снижает риск «ступора» на этапе выбора и одновременно демонстрирует диапазон возможных исследовательских ракурсов: от истории архитектуры до современных градостроительных процессов.

Развитие цифровых навыков обеспечивается работой студентов с разнообразными инструментами визуализации: PowerPoint, Adobe Express, Visme, Picsart и аналогичными сервисами. Студенты осваивают не только техническую сторону создания буклета (компоновка, цветовое решение, типографика, работа с изображениями), но и цифровые навыки профессиональной коммуникации – умение представить проект в цифровой среде, подготовить его к публикации и защите.

К работам предъявляются требования по трём группам критериев.

Первая группа – **содержание**: соответствие заданной теме, достоверность предоставляемой информации, лаконичность в изложении, наличие логической связи в предоставляемой информации, практическая польза.

Вторая группа – **дизайн**: единый стиль в оформлении визуального ряда, типографика, оригинальность подхода.

Третья группа – **грамотность**: отсутствие грамматических, орфографических, пунктуационных ошибок.

4. Презентационный этап

Завершается модуль публичной презентацией буклетов на иностранном языке. Формат презентации моделирует ситуацию профессиональной коммуникации: представление проекта заказчику, коллегам или партнёрам. Буклет выводится на экран, однако студент выступает без опоры на телефон и без чтения с листа. Заранее подготовленный текст служит лишь основой для устного высказывания. Такое ограничение принципиально: оно переводит защиту из жанра «чтение вслух» в жанр устной профессиональной презентации, где важны темп, интонация, визуальный контакт с аудиторией и способность свободно владеть материалом.

Студентам предлагается клишированная структура выступления из десяти предложений, которая, с одной стороны, задаёт устойчивый каркас профессионального дискурса, а с другой - оставляет пространство для индивидуального содержания. Приведём типовой сценарий защиты:

1. Hello! I am *[имя]*, a student of *[группа]* of Perm National Research Polytechnic University.
2. Today I would like to present my project about *[тема]* the city of Perm.
3. This booklet describes *[что описывается]*.
4. It gives you the detailed information about *[конкретика]*.
5. The main advantage of this work is *[основное преимущество]*.
6. This booklet is made in *[цвета, оттенки]* colours.
7. It took me *[сколько времени]* hours/days to complete this work.
8. I used different sources of information such as *[источники]*.
9. This booklet would be helpful/interesting to *[кому полезна/интересна информация]*.
10. Thank you for your attention! I will be glad to answer your questions!

Клише выполняют двойную функцию: во-первых, они обеспечивают жанровую узнаваемость выступления (приветствие, обозначение темы, описание продукта, преимущества продукта, визуальное решение, временные затраты, источники, целевая аудитория и благодарность за внимание), во-вторых, снимают языковой барьер, позволяя студенту сосредоточиться на содержании, а не на поиске формулировок [2].

Обязательным элементом защиты является сессия вопросов и ответов, в ходе которой проверяется способность спонтанно реагировать на вопросы в рамках профессиональной тематики. Вопросы могут касаться как содержания буклета («Why did you choose this particular building?», «What sources did you use to verify this?»), так и его профессиональной ценности («Who is the target

audience of this booklet?», «How could this booklet be used in real life?»). Именно на этом этапе становится очевидным, насколько студент владеет материалом: заранее подготовленный текст не спасает от необходимости интерпретировать и уточнять сказанное в режиме реального общения.

Оценивание работы учитывает не только грамотность оформления самого продукта, но и качество устной защиты. Отдельно оценивается способность выступающего обходиться без письменной опоры, а также уместное использование метакоммуникационных сигналов («As you can see on the screen…», «Let me draw your attention to…», «To sum up…») [2] и готовность отвечать на вопросы. Таким образом, процедура защиты буклета превращает итоговую модульную работу в полноценный акт профессиональной коммуникации.

С точки зрения формирования иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, проект интегрирует все её составляющие: языковую (владение терминологией и грамматикой профессиональной речи), дискурсивную (умение строить связный текст в жанре буклета и устной презентации), социокультурную (учёт адресата и контекста), стратегическую (решение коммуникативных задач в условиях ограниченного времени и ресурсов). Именно интегративный характер проектной работы отличает её от изолированных упражнений по отдельным видам речевой деятельности.

Заключение

Переход от «текста города» к профессиональному дискурсу через проектный метод представляет собой продуктивную модель обучения иноязычной профессиональной коммуникации будущих архитекторов. Градостроительный буклет как итоговая модульная работа позволяет соединить региональный материал с формированием профессионально значимых языковых умений, а его презентация - проверить готовность студентов к публичному высказыванию в ситуации, приближенной к реальной профессиональной практике. Опыт показывает, что такая организация модуля повышает не только языковой уровень, но и профессиональную рефлексию студентов, их способность видеть в городской среде предмет профессионального анализа и обсуждать его на иностранном языке.

Список цитируемой литературы

1. Кобыльская И. И. Анализ использования метода проекта на занятиях по английскому языку у студентов инженерных специальностей // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2007. № 3. С.76–80 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ispolzovaniya-metoda-proekta-na-zanyatiyah-po-angliysko-mu-yazyku-u-studentov-inzhenernyh-spetsialnostey (дата обращения: 21.10.2026).
2. Корниенко О. П. Иноязычная презентация архитектурного проекта как завершающий этап обучения английскому языку будущего архитектора-строителя // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 60. С.398–404.

[Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnaya-prezentatsiya-arhitekturnogo-proekta-kak-zavershayuschiy-etap-obucheniya-angliyskomu-yazyku-buduschego-arhitektora (дата обращения: 21.10.2026).
3. Корниенко О. П., Петий А. А. Тезаурус в структуре иноязычной проектно-технической компетенции будущих архитекторов-строителей // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. № 5. С. 125–127. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tezaurus-v-strukture-inoyazychnoy-proektno-tehnicheskoy-kompetentsii-buduschih-arhitektorov-stroiteley (дата обращения: 21.10.2026).
4. Костюкович Е. Ю. Кейс-метод в обучении английскому языку в строительном вузе // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. С.158–161. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/keys-metod-v-obuchenii-angliyskomu-yazyku-v-stroitelnom-vuze (дата обращения: 21.10.2026).
5. Кружкова С. И., Михелькевич В. Н. Формирование проектной культуры студентов технического вуза в процессе обучения иностранному языку // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2006. № 44. С.51–56. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-proektnoy-kultury-studentov-tehnicheskogo-vuza-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 21.10.2026).
6. Павлючко И. П., Ларионов И. В. Реализация исследовательского проекта «Лингвокультурное функционирование московских памятников архитектуры» // БГЖ. 2021. № 1 (34). С.205-209 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-issledovatelskogo-proekta-lingvokulturnoe-funktsionirovanie-moskovskih-pamyatnikov-arhitektury (дата обращения: 21.10.2026).
7. Солуянова О. Н. Значение дисциплины «Иностранный (английский) язык» в формировании личности специалиста технического профиля // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 5 (143). С.1–5. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-distsipliny-inostrannyy-angliyskiy-yazyk-v-formirovanii-lichnosti-spetsialista-tehnicheskogo-profilya (дата обращения: 21.10.2026).

© Котельникова А. Н., 2026

УДК 378.147

Кулыева А. А.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
aicool@rambler.ru

ОТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА К ДИАЛОГУ НА УРОКЕ: CLASSROOM MANAGEMENT И CLASSROOM INTERACTION В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты организации работы в учебной аудитории и способы выстраивания эффективного взаимодействия между участниками образовательного процесса. Особое внимание уделено структурным элементам занятия, которые позволяют рационально использовать учебное время и удерживать фокус на поставленных задачах. Отдельно раскрыты приёмы активизации групповой работы и поддержания продуктивной атмосферы. Предложенные подходы могут быть применены в различных образовательных контекстах для повышения вовлечённости и результативности обучения.
Ключевые слова: организация работы в аудитории, взаимодействие в аудитории, учебная активность, эффективность занятия, навыки и умения.

Kulyeva A. A.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
aicool@rambler.ru

FROM SPACE ORGANIZATION TO DIALOGUE IN THE CLASSROOM: CLASSROOM MANAGEMENT AND CLASSROOM INTERACTION IN MODERN TEACHING METHODS

Abstract. This article examines the key aspects of organizing work in a classroom and the ways to build effective interaction between participants in the educational process. Special attention is paid to the structural elements of a lesson, which make it possible to use study time rationally and maintain focus on the set tasks. The methods for enhancing group work and maintaining a productive atmosphere are also discussed. The proposed approaches can be applied in various educational contexts to increase engagement and learning outcomes.
Key words: organization of work in the classroom, interaction in the classroom, academic engagement, effectiveness of the lesson, skills and abilities.

Одним из самых важных видов деятельности преподавателя при проведении практических занятий в аудитории является организация учебной работы, создание благоприятных условий для процесса обучения. Для успешной реализации курса важно совершенствовать навыки управления

учебной аудиторией. И здесь главное сфокусироваться на отношении, намерении, личности и своих взаимоотношениях с обучающимися. Однако, здесь необходимы будут некоторые организационные навыки и методы. Организация работы в аудитории включает в себя: формирование групп; упорядочивание и перестановка посадочных мест; решение, где будет стоять или сидеть преподаватель; переформатирование аудитории в целом; последовательность действий; указания; контроль за деятельностью; временные рамки деятельности; удержание внимания аудитории; решение неожиданных проблем; начало и конец занятий; применение доски и аудиторного оборудования; применение жестов; оценка сложности и уровня изучаемого языка.

Организация аудиторной работы включает принятие решений и осуществление деятельности. В любой момент занятий у вас может появиться множество вариантов возможных действий: желание сообщить что-либо или сказать это совсем по-другому, приостановить работу на несколько минут или продолжить. На каждом этапе занятия вас будут сопровождать данные варианты возможных действий. Никто вам не укажет, как правильно поступить в том или ином вопросе. Разные люди или разные ситуации создают различные решения. Ваше аудиторное занятие в ваших руках и это ваш выбор.

Главное умение в организации аудиторной работы – это умение предвидеть ситуацию заранее, прежде чем она произойдет, и умение продумать все доступные варианты для того, чтобы эффективно справиться с ситуацией. Ситуации могут быть разными: например, студент в аудитории может сказать, что он не собирается выполнять данное упражнение, или вы запланировали 5 минут на упражнение, а времени ушло более 10 минут. Ваши возможные реакции на подобные ситуации: вы скажете, что «хорошо» или громко крикните «сделайте это задание!», а, может, приостановите выполнение этого задания. Чтобы стать эффективным преподавателем, важно увеличить свою осознанность, какие еще могут быть доступные варианты в решении проблем на занятии. Варианты разные: от прочтения методических пособий, обсуждения ситуации с коллегой, посещения аудиторных занятий коллег и получение обратной связи от обучающихся.

Несколько факторов, которые вы должны всегда держать во внимании: цель данного задания, цель урока, что полезного выполнили обучающиеся, что мешает эффективности, что планировали сделать, как себя чувствуют студенты, как себя чувствую я, и какие будут результаты. Решения и действия в аудитории также в значительной степени определяются вашими собственными установками, намерениями, убеждениями и ценностями.

Возможно, это само по себе проистекает из вашей веры в то, что большее доверие к своим студентам и разделение с ними некоторой ответственности – полезный способ повысить их вовлеченность в процесс обучения.

Взаимодействие в аудитории можно разделить на несколько видов:

1) целая аудитория работает вместе с вами;
2) группа студентов переходят, смешиваются с другими группами;

3) работают малыми группами от 3 до 8 человек;
4) работают парами;
5) индивидуальная работа.

Максимальное взаимодействие студентов в аудитории возможно благодаря дружелюбной, непринужденной учебной среде. Задавайте вопросы студентам больше, чем объясняйте проблему. Выделяйте больше времени студентам для говорения, прослушивания, продумывания, анализа ответа. Вдохновляйте студентов во время заданий. Исследователь М. Р. Петрова считает: «разделив группу определенным образом, следует выбрать подходящие методы групповой деятельности: игровые, дискуссионные или проектные. Игровые методы отражают жизненные ситуации, представленные в ролевых играх; дискуссионные методы подразумевают обсуждение определенного вопроса; проектные задания являются долгосрочными и нацелены на создание совместного продукта» [1, с. 295]. Организация работы в аудитории – это каркас учебного процесса, а взаимодействие внутри группы – его движущая сила: вместе они формируют среду, в которой знания не просто передаются, а осваиваются и применяются.

Список цитируемой литературы

1. Петрова М. Р. Особенности организации групповой работы на занятиях по РКИ в поликультурной аудитории (уровень А2 – В 1) // Метапредметный подход в образовании: русский язык в школьном и вузовском обучении разным предметам. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2025. С. 292–297.

© Кулыева А. А., 2026

УДК 81'322.4

Курушин Д. Д.
Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, Россия
dmitry.kurushin@gmail.com
Курушин Д. С.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
daniel@kurushin-perm.ru

ПРОБЛЕМА БУКВАЛИЗМА ПРИ НЕЙРОСЕТЕВОМ ПЕРЕВОДЕ РОБОТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию возможностей применения локальных больших языковых моделей (LLM) для автоматизированного построения терминологической базы в области робототехники и мехатроники. В исследовании восполняется отсутствие количественной оценки автоматического перевода узкоспециальной технической терминологии, сопоставляется качество перевода терминов лингвистическими моделями. В ходе исследования выявлены типичные ошибки автоматического перевода. Полученная база данных оформлена в виде интерактивной карты знаний и табличного файла, включающего двуязычные словари, толковые описания и матрицы связей.
Ключевые слова: база данных, буквализм, языковая модель, робототехника, автоматический перевод.

Kurushin D. D.
K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russia
dmitry.kurushin@gmail.com
Kurushin D. S.
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
daniel@kurushin-perm.ru

THE PROBLEM OF LITERALISM IN NEURAL NETWORK TRANSLATION OF ROBOTICS TERMS

Abstract. The article is devoted to a study of the possibilities of using local large language models (LLM) for the automated construction of a terminological base in the field of robotics and mechatronics. The study fills this gap by addressing the lack of quantitative assessment of the automatic translation of highly specialized technical terminology, comparing the quality of term translations using linguistic models. The study identified typical errors in automatic translation. The resulting database is presented in the form of an interactive knowledge map and a spreadsheet file that

includes bilingual dictionaries, explanatory descriptions, and link matrices.
Key words: database, literalism, language model, robotics, automatic translation.

Актуальность исследования обусловлена пересечением двух тенденций. С одной стороны, развитие робототехники и программирования, вызванное «глобальной цифровой трансформацией и информационной сингулярностью» [8], формирует спрос на специалистов, владеющих англоязычной технической терминологией. С другой стороны, большинство студентов (89%) ежедневно обращаются к интернет-источникам для решения учебных задач [4], что делает качество автоматического перевода терминов фактором, влияющим на профессиональную подготовку.

Теория перевода давно зафиксировала системную опасность буквализма – ошибки, при которой «переводчик, не вникая в смысл, стремится сохранить форму оригинала» [4], а вместо подходящего значения используется «самое распространенное и простое значение» [5]. Как подчеркивал В. Н. Комиссаров, эквивалентность перевода есть «соответствие коммуникативной цели, а не совпадение языковых форм» [6, с. 87], и именно это требование нарушается при пословной передаче технического термина.

Перевод научно-технических текстов сегодня во многом осуществляется с привлечением возможностей машинного перевода. Однако качество этого перевода порой страдает даже при использовании надежных опробованных систем. Наша работа стала попыткой подтвердить или опровергнуть предположение о том, что LLM в состоянии полностью заменить профильного специалиста в процессе формирования терминологических баз. Наше исследование проводилось на выборке, включающей в себя 1500 терминов, причем нами рассматривались только термины, фактически используемые в технической документации, стандартах ГОСТ/ISO, научных публикациях и руководствах. Мы исключили из выборки общенаучную лексику (например, system, method, analysis, process), если она не выступала в качестве устойчивого составного термина (control system, feedback loop). В ходе эксперимента не использовались названия коммерческих продуктов и брендов, предпочтение отдавалось устойчивым терминологическим сочетаниям, состоящим из 2–3 слов. Мы систематизировали допущенные при переводе терминов ошибки и обосновали необходимость постредактирования полученных в результате машинного перевода результатов. Работа проходила в несколько этапов. Рассмотрим подробнее каждый из них.

На начальном этапе необходимо было отобрать нейросетевые модели для эксперимента. Первоначальный список, сформированный с помощью менеджера Ollama, представлен в Таблице 1.

Таблица 1. Исходный перечень локальных моделей нейросетей

Модель	Назначение (специализация)	Размер
codellama:latest	генерация и анализ программного кода	3,8 ГБ
qwen3-vl:8b-instruct	мультимодальная instruct-модель (текст + изображение)	6,1 ГБ
gemma3:4b	универсальная instruct-модель	3,3 ГБ
moondream:latest	визуально-языковая модель (описание изображений)	1,7 ГБ
qwq:latest	reasoning-модель (пошаговые рассуждения)	19 ГБ
embeddinggemma:300m	модель эмбеддингов (векторное представление текста)	621 МБ
gpt-oss:20b	универсальная instruct-модель	13 ГБ
yandex/YandexGPT-5-Lite-8B-instruct-GGUF:latest	русскоязычная instruct-модель	4,9 ГБ
starcoder2:instruct	генерация и анализ программного кода	9,1 ГБ
deepseek-r1:14b	reasoning-модель (пошаговые рассуждения)	9,0 ГБ

Модели различаются по специализации: codellama и starcoder2 ориентированы на генерацию кода, moondream – на описание изображений, embeddinggemma – на векторные представления, qwq, gpt-oss и deepseek-r1 – на пошаговые рассуждения, qwen3-vl – на мультимодальную обработку, gemma3 и yandex/YandexGPT-5-Lite – на универсальные instruct-задачи. Это разнообразие делает выборку показательной: если эвристика отделяет пригодные результаты от непригодных, она должна работать независимо от класса модели. Все десять моделей последовательно использовались на последующих этапах, а валидность результата определялась по итогам работы эвристических фильтров.

С помощью составленного нами промпта лингвистические модели формировали перечень англоязычных технических терминов. Затем термины были переведены моделями на русский язык, было сформировано словарное толкование понятия.

Толковые словари соединяли дефиницию с переводом: в англо-русском листе рядом с английским термином стоял русский эквивалент и русское энциклопедическое описание, поле «Связи» содержало связанные термины, переведенные на русский. Матрицы связей представляли те же отношения в виде таблицы «источник – цель» с указанием веса ребра. Результаты исследования показали, что в подавляющем большинстве случаев перевод, выполненный моделями qwen и yandex, совпадает по смыслу. Примеры совпадающих по смыслу вариантов перевода терминов представлены в Таблице 2

Таблица 2. Совпадающие по смыслу варианты перевода

Английский термин	Перевод модели qwen	Перевод модели yandex
actuator	привод	привод
sensor	датчик	датчик
encoder	энкодер	шифратор

Однако есть и исключения. В ряде терминов модель yandex перевода не выдает (см. Табл. 3).

Таблица 3. Отсутствие перевода у модели yandex

Английский термин	Перевод модели qwen	Перевод модели yandex
feedback loop	петля обратной связи	–
end effector	концевой эффектор	–

Встречаются ситуации, когда yandex переводит транслитерацией или слишком буквально. Как отмечают З. Т. Исаева и Ш. Муроджонова, «главная причина буквализма заключается в том, что переводчик, не вникая в смысл, стремится сохранить форму оригинала» [3]. Это мнение разделяют Ю. А. Кардо и А. В. Васильев: «Буквализм стоит понимать как ошибку при переводе с любого другого языка; основная проблема в том, что вместо подходящего для данного случая значения слова используется самое распространенное и простое значение» [5]. Пример приведен в Табл. 4.

Таблица 4. Буквализм и транслитерация у модели yandex

Английский термин	Перевод модели qwen	Перевод модели yandex
Ackerman steering	рулевое управление с механизмом Аккермана	управление по Акерману
Ackermann steering	рулевое управление по схеме Аккермана	аккерманово управление

Имеются случаи, когда qwen не переводит слово или видоизменяет английское слово более основательно, чем yandex. Показательно, что один и тот же термин (например, integral) может переводиться, а может и не переводиться моделью yandex. Наибольшее количество случаев пропущенного перевода приходится на модель yandex: в первой сотне терминов она не перевела или не справилась с переводом 21 раз (см. Таблицу 5).

Таблица 5. Количественные показатели по первой сотне терминов

Показатель	Значение
Пропуски и неудачные переводы у модели yandex	21
Полностью совпадающие переводы двух моделей	0
Расхождения в роде и наклонении	79

Полностью одинаковый перевод в первой сотне терминов не встретился ни разу. В большом числе случаев переводы различаются родом и наклонением (см. Табл. 6).

Таблица 6. Расхождения в роде имен существительных

Английский термин	**Перевод модели qwen**	**Перевод модели yandex**
coupling	муфта (ж. р.)	соединение (ср. р.)
calibration	калибровка (ж. р.)	градуирование (ср. р.)

Лингвистическая модель qwen справляется с задачей лучше, чем yandex, однако по-прежнему требуется проверка человеком и постредактирование. При переводе терминов необходимо ориентироваться в системе уже существующей русской терминологии и равным образом в системе соответствующей терминологии исходного языка – только тогда перевод будет корректным [2].

Сравнительный анализ результатов позволил нам составить типологию ошибок и расхождений, допущенных при переводе терминов. Примеры ошибок и расхождений представлены в Таблице 7. В Таблице мы использовали следующие условные обозначения: Y – модель yandex; Q – модель qwen; цифра обозначает тип ошибки: 1 – корректный перевод (норма, не ошибка); 2 – пропуск перевода; 3 – буквализм; 4 – транслитерация; 5 – непоследовательность; 6 – неточная передача коммуникативной цели.

Таблица 7. Типология расхождений и ошибок при переводе терминов лингвистическими моделями

Пример	**Модель qwen**	**Модель yandex**	**Тип**
actuator	привод	привод	Y.1 / Q.1
sensor	датчик	датчик	Y.1 / Q.1
feedback loop	петля обратной связи	—	Y.2
end effector	концевой эффектор	—	Y.2
Ackerman steering	рулевое управление с механизмом Аккермана	управление по Акерману	Y.3
Ackermann steering	рулевое управление по схеме Аккермана	аккерманово управление	Y.4
integral action	интегральное действие	—	Y.2
integral controller	интегральный регулятор	integral controller	Y.5
compliant mechanism	упругий механизм	податливый механизм	Y.6
backlash	люфт	обратный удар	Y.6

Типология ошибок позволяет выдвинуть ряд объяснений того, почему yandex/YandexGPT-5-Lite-8B-instruct-GGUF в ходе нашего эксперимента уступала qwen3-vl:8b-instruct.

Во-первых, различается назначение моделей. Qwen3-VL – мультимодальная модель, обученная на широком и разнообразном корпусе, включающем техническую документацию, схемы и подписи к ним. YandexGPT-5-Lite – русскоязычная модель, ориентированная прежде всего на генерацию и понимание русского текст. Для перевода с английского на русский это означает асимметрию: qwen лучше «знает» исходный язык и стоящие за термином понятия, тогда как yandex сильнее на выходе, но слабее в понимании узкоспециального английского термина.

Разработанная нами методика, включающая генерацию терминов, эвристическую фильтрацию, мультимодельный перевод, генерацию энциклопедических описаний и сборку многослойной базы, позволила на материале 1500 терминов из области инженерной лексики количественно зафиксировать типы ошибок автоматического перевода. Сопоставление моделей qwen и yandex на первой сотне терминов выявило преимущество qwen: yandex в 21 случае не справилась с переводом, полностью совпадающих переводов двух моделей не встретилось ни разу, а в 79 случаях наблюдались расхождения в роде и наклонении. Типология ошибок – пропуски, буквализм, транслитерация, непоследовательность и неточная передача коммуникативной цели – соотнесена с положениями теории перевода о буквализме как системной ошибке и об эквивалентности как соответствии коммуникативной цели, а не языковой форме. Вывод о необходимости человеческой верификации и корректировки согласуется с данными о том, что структура промпта и число инструкций существенно влияют на соблюдение требований моделями [7], а значит, полностью автоматизированное построение терминологической базы без участия специалиста на современном этапе остается преждевременным. Дальнейшая работа может быть направлена на расширение выборки за пределы первой сотни терминов, включение дополнительных моделей и разработку более тонких эвристик оценки качества перевода, учитывающих не только формальные признаки, но и терминологическую узуальность.

Список цитируемой литературы

1. Большакова Е. И., Семак В. В. Методы и средства извлечения терминов из текстов для терминологических задач // Программные продукты и системы. 2025. Т. 38, № 1. С. 5–16.
2. Виноградова Д. И., Стукало Д. А. Сложности и проблемы перевода терминов в области IT с немецкого и английского языка на русский // Человек. Социум. Общество. 2025. № S12. С. 32–40.
3. Исаева З. Т., Муроджонова Ш. Проблемы буквализма в переводе: семантические и грамматические аспекты // Central Asian Journal of Education and Innovation. 2025. Т. 4, № 11. С. 126–130.
4. Казначеева С. Н., Бондаренко В. А. Исследование готовности студентов неязыковых направлений использовать сетевые ресурсы при обучении иностранным языкам // Вестник Мининского университета. 2018. Т. 6, № 2.

5. Кардо Ю. А., Васильев А. В. Проблемы дословного перевода и способы их решения // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 5. [Электронный ресурс]. URL: https://human.snauka.ru/2016/05/14629 (дата обращения: 14.10.2026).
6. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
7. Седов С. А. Актуальность реализации интеграционных процессов в образовании и их влияние на профессионально-педагогические функции педагогов инженерного дела, технологий и технических наук // Вестник Мининского университета. 2026. Т. 14, № 3.

© Курушин Д. Д., Курушин Д. С. 2026

УДК 81'42

Мигранова И. Х.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
yasmin777@mail.ru

ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И СТРАТЕГИИ ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. В статье рассматриваются способы перевода английских гендерно-нейтральных обозначений лиц на русский язык. Анализ показывает, что нейтральность исходной единицы не всегда воспроизводится словарным соответствием. Выделяются пять стратегий – функциональная замена, использование немаркированной профессиональной номинации, синтаксическая нейтрализация, экспликация и сохранение новой формы с комментарием.
Ключевые слова: гендерно-нейтральная номинация, перевод, английский язык, русский язык, структурная асимметрия, singular they, переводческая стратегия.

Migranova I. H.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
yasmin777@mail.ru

GENDER-NEUTRAL NOMINATIONS IN MODERN ENGLISH AND STRATEGIES FOR THEIR TRANSLATION INTO RUSSIAN

Abstract: The article examines the Russian translation of English gender-neutral terms for persons. The analysis demonstrates that source-text neutrality cannot always be retained by means of a single lexical equivalent. Five translation strategies are discussed.
Key words: gender-neutral nomination, translation, English, Russian, structural asymmetry, singular they, translation strategy.

Гендерно-нейтральные обозначения лиц давно вышли за пределы специальных рекомендаций и встречаются в законодательстве, новостях, анкетах и повседневной переписке. В документах Европейского парламента chair и chairperson предлагаются вместо chairman, spokesperson – вместо spokesman, police officer – вместо policeman или policewoman [2, с. 5]. На уровне словаря русские соответствия находятся без труда, затруднение появляется позже, когда приходит понимание, что «председатель», «представитель» и «сотрудник полиции» относятся к мужскому грамматическому роду, поэтому самое привычное определение или глагол прошедшего времени может

приписать референту пол, которого английский текст не называл. Именно это несовпадение, а не подбор «политически корректных» слов сам по себе, составляет основную переводческую проблему.

Английские слова child и person имеют устойчивые русские соответствия «ребенок» и «человек», их грамматический род не воспринимается как указание на пол конкретного референта. В случае употребления слов sibling, spouse и singular they ситуация иная: общеупотребительного русского эквивалента с тем же объемом значения и той же стилистической нейтральностью нет, поэтому единицей перевода становится не номинация, а все предложение, иногда и соседний контекст.

Также важно различать неопределенную и персональную референцию. Так, в предложении Someone may not know their tax number местоимение their не характеризует человека; оно лишь не вводит отсутствующий в ситуации признак. В высказывании Taylor said they were ready та же форма может быть частью принятого самообозначения конкретного лица. Для английской грамматики – это два варианта употребления singular they, для русского перевода – две разные задачи. Европейские рекомендации приводят первый тип и отдельно отмечают вариативность в выборе themself / themselves [2, с. 11]; академическая грамматика также описывает ограничения, зависящие от типа антецедента [3, с. 493–494].

Рассмотрим пять видов стратегии перевода. Первая – это функциональная лексическая замена. Данная стратегия применяется тогда, когда русский эквивалент не называет пол и не меняет общую стилистику. В проанализированном материале к ней относятся следующие слова: chair / chairperson – «председатель»; spokesperson – «представитель», в медиатексте также «пресс-секретарь»; police officer – «сотрудник полиции»; flight attendant – «бортпроводник» либо «член кабинного экипажа»; headteacher / principal – «директор школы». Все пять типов замены представлены в рекомендациях Европейского парламента [2, с. 5]. При этом ни одно из соответствий не является автоматическим. Spokesperson в пресс-релизе обычно передается как «представитель», но в штатном расписании может оказаться «пресс-секретарем»; headteacher и principal соотносятся с разными образовательными системами, хотя в большинстве российских контекстов оба требуют функционального «директор школы». Показателен и короткий пример The chair opened the meeting. Перевод «Председатель открыл заседание» уже выбирает мужское согласование. Вариант «Председательствующий открыл заседание» проблемы не решает, тогда как «Заседание открылось под председательством…» меняет синтаксис и коммуникативный фокус. Лексическая замена, таким образом, часто служит только первым шагом.

Вторая стратегия перевода – немаркированная профессиональная номинация мужского рода. В русском языке ряд форм мужского рода выполняет обобщающую профессиональную функцию. Так обычно переводятся businessperson – «предприниматель» либо, в собирательном контексте, «представитель деловых кругов»; salesperson – «продавец»,

«торговый представитель» или «специалист по продажам»; firefighter – «пожарный»; first-year student – «студент первого курса»; camera operator – «оператор».

Сам по себе мужской грамматический род еще не доказывает маскулинизацию перевода. В объявлении «Требуется специалист по продажам» существительное называет вакансию, а не пол будущего сотрудника. Но в биографической справке фраза «специалист по продажам разработал новую методику» уже побуждает рассматривать референта как мужчину. Различие возникает не между двумя словами, а между двумя жанровыми употреблениями одной формы.

Граница этой стратегии особенно заметна у названий творческих профессий. Современный английский actor может употребляться независимо от пола; русское «актер» сохраняет обобщенное значение далеко не во всех контекстах, тогда как «автор» в такой функции освоено лучше. Механически вводить феминитив также нельзя: значимы самообозначение лица, редакционная норма и характер текста. Здесь проявляется обычное для перевода расхождение категориальной формы и коммуникативной функции [1, с.116–119].

Еще один вид стратегии – синтаксическая нейтрализация. Когда род обнаруживается главным образом в согласовании, нейтральность приходится переносить с отдельного слова на конструкцию. Эту группу образуют такие слова как: applicant – «кандидат» / «лицо, подавшее заявление»; participant – «участник» / оборот с существительным «участие»; staff member – «сотрудник» / собирательное «персонал»; exporter – «экспортер» / множественное число «экспортеры»; неопределенное singular they. Здесь русский эквивалент выбирается вместе со способом предикации, а не раньше него.

Предложение Someone may not know their tax number допускает как минимум три решения: «Человек может не знать свой налоговый номер», «Заявитель может не знать свой налоговый номер» и «Налоговый номер может быть неизвестен». Первое сохраняет неопределенную референцию, второе уточняет роль по контексту, третье устраняет лицо из позиции подлежащего. Для инструкции последний вариант естественен; в тексте, где важна ответственность действующего лица, он способен исказить смысл.

Контекстная экспликация как стратегия необходима в случаях, когда английская нейтральность объединяет значения, для которых русский язык требует разведения. Таковы, например, слова sibling – «брат или сестра»; spouse – «супруг или супруга», во множественном числе «супруги»; homemaker – «человек, ведущий домашнее хозяйство». Краткое соответствие «родственник» для sibling шире оригинала, а «домохозяйка» для homemaker необоснованно конкретизирует пол.

Экспликация повышает точность, но делает фразу длиннее и иногда подчеркивает бинарное противопоставление, отсутствующее в оригинале. В анкете «брат или сестра» приемлемы; в художественном диалоге повтор

такой пары звучит искусственно. Тогда переводчик может использовать имя, степень родства, множественное число или изменить реплику. Экспликация оправдана не сама по себе, а как способ сохранить объем значения без ложной конкретизации.

И пятый вид стратегии перевода – заимствование, опущение титула и метатекстовый комментарий. Характерные примеры образуют персональное singular they и титул Mx. В русском языке нет общеобязательного условия, чтобы местоимения совпадали по функциям с they, как и нет общепринятого аналога Mx. В документе Mx Sam Taylor возможно передать как «Сэм Тейлор», опустив титул, либо сохранить «Mx» и пояснить его в примечании. Транслитерация «микс» без комментария создает ложную форму обращения на русском языке.

В художественном и биографическом переводе персональное they нельзя безоговорочно заменять формой мужского или женского рода: такой вариант меняет характеристику референта, а иногда противоречит прямому авторскому высказыванию. Возможны повтор имени, настоящее время, конструкции «по словам Тейлор», перераспределение реплик и пояснительный комментарий. Но длинный ряд описательных форм создает неудобства. Здесь нет полностью немаркированного русского варианта; задача переводчика – сохранить значимую информацию и не превратить грамматическую трудность в навязчивый стилистический эффект.

Список цитируемой литературы

1. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2004. 424 с.
2. European Parliament. Gender-Neutral Language in the European Parliament. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 13 p.
3. Huddleston R., Pullum G. K. The Cambridge Grammar of the English Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 1842 p.
4. Savoldi B., Attanasio G., Cupin E., Gkovedarou E., Hackenbuchner J., Lauscher A., Negri M., Piergentili A., Thind M., Bentivogli L. Mind the Inclusivity Gap: Multilingual Gender-Neutral Translation Evaluation with mGeNTE // Proceedings of EMNLP 2025. Suzhou: Association for Computational Linguistics, 2025. P. 13698–13720. DOI: 10.18653/v1/2025.emnlp-main.692.

© Мигранова И. Х., 2026

УДК 81’42

Моисеева А. В.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
mo_link@mail.ru

ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕННОСТИ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье описываются возможные причины роста функционирования инвектив в цифровой коммуникативной среде. Наряду с прямым назначением оскорбления, выделяется функция прагматической маркированности, лингвистической экономии, а также социокультурные факторы - ослабевают общие моральные нормы и табу.
Ключевые слова: инвектива, онлайн-коммуникация, анонимность.

Moiseeva A. V.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
mo_link@mail.ru

REASONS FOR THE PREVALENCE OF ABUSIVE LANGUAGE IN ONLINE COMMUNICATION

Abstract. The article describes the possible reasons for the growth of the functioning of invective in the digital communication environment. Along with the direct purpose of the insult, the function of pragmatic marking, linguistic economy, as well as sociocultural factors are highlighted - general moral norms and taboos are weakened.
Key words: invective, online communication, anonymity.

Онлайн-коммуникация давно стала неотъемлемой частью нашей жизни, заменив собой большую часть человеческого взаимодействия тет-а-тет. В настоящее время проводятся множественные исследования языка Интернет-общения, как основной площадки для социальных контактов между людьми.

Одной из ярких особенностей общения в цифровой среде является беспрецедентный рост употребления инвективной лексики. Ещё три десятилетия назад обсценная и сниженная лексика была в значительной степени маргинализирована и ограничена сферой устного неформального общения, однако сегодня она стала неотъемлемой частью дискурса социальных сетей, форумов, мессенджеров и даже деловой онлайн-переписки. Рассмотрим данного явление, проанализировав его лингвистические, прагматические и социокультурные причины.

1. Анонимность и эффект растормаживания. Эффект онлайн растормаживания (Дж. Сулер) носит психолингвистический характер. Пространство онлайн-коммуникации предоставляет пользователю высокий, а

зачастую и полный уровень анонимности. Отсутствие прямого визуального и аудиального контакта, невозможность получить немедленную физическую или вербальную реакцию оппонента снимает социальные барьеры.

С точки зрения прагматики, в устном диалоге инвектива немедленно запускает сложный механизм невербальной обратной связи: мимику, жесты, изменение интонации собеседника. В онлайн-диалоге эта петля обратной связи разорвана. Автор высказывания не видит смущения, гнева или обиды адресата в реальном времени, что снижает эмпатический порог и снимает внутренние цензурные запреты. Личность как бы расщепляется на «я» реальное, скованное социальными нормами, и «я» цифровое, обладающее иллюзорной безнаказанностью.

2. Сдвиг парадигмы: от функции оскорбления к функции прагматического маркера.

Второй важнейший аспект – это семантическая и прагматическая трансформация самой инвективы. В онлайн-среде она всё реже выполняет свою первичную, словарную функцию – прямое оскорбление с целью унизить. Происходит процесс прагматической десемантизации.

Инвективная лексика начинает выполнять дополнительные заместительные функции. Во-первых, экспрессивную, т.е. становится средством выражения широкого спектра эмоций (от крайнего восторга до глубокого разочарования), где обсценный корень служит лишь усилителем интенсивности. Например, конструкции типа «это было просто ох***нно» выражают высшую степень одобрения, а не содержат негативную коннотацию.

Во-вторых, идентификационную – использование сниженной лексики, сленга и инвектив становится способом маркирования принадлежности к определённой социальной или субкультурной группе (геймеры, IT-специалисты, участники политических телеграм-каналов). Владение этим кодом сигнализирует о статусе «своего».

И, наконец, дискурсивную – слова-паразиты обсценного происхождения (блин, хрен и их более грубые аналоги) теряют свою лексическую нагрузку и выполняют функцию заполнителей пауз, маркеров начала или конца высказывания, аналогично дискурсивным маркерам «ну, вот, типа».

3. Лингвистическая экономия и фонетические особенности.

Цифровая коммуникация, особенно в мессенджерах, тяготеет к компрессии. Инвективы, как правило, являются короткими, фонетически ёмкими и экспрессивно заряженными единицами. Они позволяют передать максимум эмоциональной информации при минимуме графических и временных затрат. В условиях клипового мышления и высокой скорости обмена сообщениями они получают значительное преимущество перед лексически нейтральными, но многословными конструкциями.

Кроме того, обсценная лексика часто обладает богатой словообразовательной парадигмой, что позволяет с помощью одного корня создавать существительные, прилагательные, глаголы и наречия, гибко встраивая их в любую синтаксическую позицию и экономя языковые усилия.

4. Разрушение табу как социокультурный процесс.

Наконец, нельзя игнорировать макросоциальный контекст. Распространение инвектив в сети – это не причина, а следствие более глобального процесса – деконструкции языковых табу. То, что было абсолютно неприемлемо в публичном пространстве 30–40 лет назад, сегодня звучит на популярных онлайн-площадках, со сцены, в популярной музыке.

Интернет в данном случае выступает не как создатель, а как катализатор и гигантский архив, который фиксирует, легитимизирует и ускоряет этот процесс. Увидев инвективу в блоге у миллионера, в канале у журналиста или в комментариях публичного интеллектуала, рядовой пользователь получает негласное разрешение на использование аналогичной лексики. Происходит банализация инвективы, её переход из разряда табуированной в разряд просто сниженной, разговорной.

Таким образом, причины распространения инвективной лексики в онлайн-общении носят комплексный характер. Это не просто «упадок нравов» или «порча языка». Это закономерный результат слияния нескольких векторов:

- психологического (эффект анонимности и растормаживания);
- прагматического (трансформация функции от оскорбления к экспрессиву и маркеру);
- лингвистического (стремление к компрессии и языковой экономии);
- социокультурного (глобальное ослабление и исчезновение языковых табу).

Нельзя не отметить, что инвективная лексика стала полноценным, хотя и специфическим, инструментом современной русской речевой коммуникации.

Если отвлечься от моральной стороны, то для исследователя представляет большой интерес динамика данного явления: закрепится ли десемантизированное использование инвектив в качестве языковой нормы, или же станет толчком к зарождению пуристических тенденций и возврата к строгому стилистическому разграничению.

Список цитируемой литературы

1. Юрченко Н. И. Обзор статьи John Suler «The Online Disinhibition Effect» // Новые психологические исследования. 2024 № 1. С. 182–190. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_01_09

© Моисеева А. В., 2026

УДК 81'25

Морозкина Е. А., Корнилова А. Д.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
anastasia.ufa@mail.ru

КВАНТИТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ НИЗКОЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД» И В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ ЕЕ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье проводится квантитативное исследование низкочастотных слов в художественном тексте и версиях его перевода с помощью метода индекса Сичела. В качестве материала исследования отобраны пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад» и версии ее перевода на английский язык, выполненные К. Гарнетт и Т. Донахи. Проведенное исследование показало, что версии перевода характеризуются более низким значением индекса Сичела по сравнению с оригиналом пьесы, что свидетельствует о сокращении числа дис-легоменов в переводных текстах.
Ключевые слова: лексическое разнообразие, низкочастотная лексика, индекс Сичела, дис-легомены, художественный перевод.

Morozkina E. A., Kornilova A. D.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
anastasia.ufa@mail.ru

QUANTITATIVE ANALYSIS OF LOW-FREQUENCY WORDS IN A. CHEKHOV'S PLAY "THE CHERRY ORCHARD" AND IN ITS ENGLISH-LANGUAGE TRANSLATION VERSIONS

Abstract. The article conducts a quantitative analysis of low-frequency words in a literary text and its translation versions using the Sichel's S method. The material for the study consists of A. Chekhov's play "The Cherry Orchard" and its English-language translation versions made by C. Garnett and T. Donaghy. The analysis revealed that the translation versions are characterised by a lower Sichel's S value compared with the original play, which indicates a reduction in the number of dis legomena in the translated texts.
Key words: lexical diversity, low-frequency words, Sichel's S, dis legomena, literary translation.

Лексическое разнообразие является одним из ключевых параметров, характеризующих идиостиль писателя и художественное разнообразие текста. В лингвистической науке понятие «лексическое разнообразие» рассматривается учеными П. М. Маккарти и С. Джарвисом как «диапазон и вариативность словарного запаса» [8, p. 459]. Особую значимость этот параметр приобретает

при сопоставлении оригинала и его иноязычной версии перевода, поскольку позволяет объективно оценить, в какой мере переводчику удается сохранить лексическое богатство исходного текста в переводе. В значительном числе исследований [2; 3; 4] лексическое разнообразие оценивается с помощью традиционного коэффициента TTR (Type-Token Ratio), который «выражается в соотношении числа лемм и количества их словоформ в тексте» [1, с. 12]. Данный показатель широко применяется при сопоставлении текстов разного объема и разных жанров, при этом он характеризует лексическое разнообразие текста в целом и не позволяет анализировать низкочастотную лексику. В связи с этим актуальным представляется исследование низкочастотной лексики текстов оригинала и перевода с помощью анализа индекса Сичела (Sichel's S). В качестве материала исследования отобраны оригинал пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» [5] и англоязычные версии ее перевода, осуществленные К. Гарнетт (1923) [7] и Т. Донахи (2006) [6].

В 1975 году в своей статье "On a distribution law for word frequencies" [10] / «О законе распределения частотности слов» [перевод наш – Е. М., А. К.] ученый-лингвист Х. С. Сичел предложил исследовать лексическое разнообразие через отношение низкочастотных лексических единиц к общему количеству словоформ текста. Х. С. Сичел вывел формулу, измеряющую долю лексических единиц, которые встречаются в тексте ровно два раза, иначе говоря, «дис-легоменов» (от греч. dis legomena – слова, встречающиеся два раза), по отношению к количеству всех словоформ текста:

$$Sichel's\ S = \frac{V_2}{V},$$

где Sichel's S – индекс Сичела, V_2 – количество дис-легоменов, V – количество всех словоформ текста. Особенность индекса Сичела заключается в том, что он исключает как однократные, так и высокочастотные лексические единицы, позволяя оценить степень богатства низкочастотного слоя лексики оригинала и переводов, повторное использование которых может свидетельствовать об определенном уровне владения автора текста «пассивным» словарным запасом. Как правило, чем выше значение индекса Сичела, тем больше в анализируемом тексте содержится количество дис-легоменов, в то время как низкое значение показателя индекса может свидетельствовать о большей доле содержания однократных или высокочастотных лексических единиц в тексте.

Перейдем непосредственно к анализу низкочастотной лексики в оригинале пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» и в англоязычных версиях ее перевода. Отметим, что подсчет русских и английских лексических единиц осуществлялся с помощью программы AntConc [9], которое позволяет провести лемматизацию текстов и выявить частотные списки лексических единиц. Результаты подсчета представлены в таблице 1 в процентном соотношении.

Таблица 1. Лексическое разнообразие низкочастотных лексических единиц в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» и в версиях ее перевода

Автор текста	**V_2**	**V**	**Sichel's S**
Чехов	411	2308	17,81
Гарнетт	310	1945	15,93
Донахи	247	1539	16,04

В таблице 1 представлены результаты подсчета низкочастотной лексики в оригинале пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» и в двух версиях ее перевода – К. Гарнетт и Т. Донахи. Согласно полученным данным, наибольшее значение индекса Сичела (Sichel's S) демонстрирует оригинальный текст А. П. Чехова, а именно 17,81%. Это свидетельствует о том, что в оригинале доля лексических единиц, написанных ровно два раза, т.е. дис-легоменов (V_2), среди общего количества словоформ (V) выше, чем в англоязычных версиях перевода. Среди переводов более высокий показатель по индексу Сичела зафиксирован в версии Т. Донахи – 16,04%, в то время как в версии К. Гарнетт он составляет 15,93%. При этом, считаем важным заметить, что абсолютные значения V_2 и V у К. Гарнетт выше, чем у Т. Донахи, однако в относительном выражении доля дис-легоменов среди общего количества словоформ оказывается ниже. Это объясняется тем, что версия К. Гарнетт более объемна и лексически разнообразна, за счет чего снижается относительная доля дис-легоменов. Версия Т. Донахи, напротив, характеризуется меньшим по объему текстом, что при относительно небольшом числе дис-легоменов дает более высокий процент по индексу Сичела.

В целом полученные количественные данные показывают, что в переводах число дис-легоменов ниже, чем в оригинале, причем наиболее заметное снижение наблюдается в версии Т. Донахи. Рассмотрим пример перевода лексемы *барыня*, которое употребляется в репликах слуги Фирса, обращенных к своей хозяйке Любови Андреевне Раневской: *«Фирс (идет к кофейнику, озабоченно).* ***Барыня*** *здесь будут кушать <…>* ***Барыня*** *моя приехала!»* [5] /*"Firs: (Goes up to the coffee pot, anxiously.) The* ***mistress*** *will be served here <…> My* ***lady*** *has come home!"* [7] / *"Firs: (Walks over to the coffee pot, worried) Right here. Coffee.* ***She*** *sits <…>* ***She****'s come home…"* [66]. В оригинале лексема *барыня* употребляется два раза, т.е. относится к слою низкочастотных лексических единиц (дис-легоменов). Как можно заметить из примера, в версии К. Гарнетт лексема *барыня* переводится двумя разыми лексемами – *mistress* и *lady*. Согласно полученным частотным спискам, лексема *mistress* употребляется в тексте 3 раза, тогда как лексема *lady* – 22 раза. Это означает, что переводчица прибегает к использованию более частотных соответствий, которые встречаются в ее версии для передачи других лексических единиц: лексема *mistress* используется для перевода лексемы *хозяева*, а *lady может соответствовать лексемам барышня, госпожа, многоуважаемая*. Примечательно, что в версии Т. Донахи лексема *барыня* в

обоих случаях заменена высокочастотным местоимением *she*, которое употребляется в тексте 224 раза и выполняет исключительно дейктическую функцию. В некоторых случаях переводчик вовсе опускает перевод дис-легоменов, например: *«О да, погода великолепная,* ***сударыня*** *<…> Вы,* ***сударыня****, мне тоже очень понравился»* [5] / *“Oh, yes, lovely weather! <…> Danke, I like yours too!”* [6]. В оригинале лексема *сударыня* употреблена дважды и, следовательно, входит в слой дис-легоменов. В версии Т. Донахи оба употребления *сударыни* оказываются опущены, что, на наш взгляд, считается нежелательным, поскольку данная лексическая единица принадлежит к числу вежливых, социально маркированных обращений, характерных для русской речи XIX-XX веков.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить различия в употреблении дис-легоменов между оригиналом и англоязычными версиями перевода пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». Количественные данные показали, что число дис-легоменов и показатель индекса Сичела в версиях перевода имеют более низкие значения, чем в оригинале пьесы. Анализ ряда примеров позволил сделать вывод о том, что снижение доли дис-легоменов и значения индекса Сичела объясняется определенными переводческими решениями, при которых дис-легомены либо заменяются более частотными лексическими единицами, либо полностью опускаются. Полученные результаты позволяют заключить, что за количественными различиями в значениях употребления низкочастотных лексических единиц стоят качественные изменения, обусловленные переводческими решениями, что подтверждает необходимость сочетания квантитативных методов с качественным анализом для адекватной оценки выполненного художественного перевода.

Список цитируемой литературы

1. Корнилова А. Д. Художественный и сценический переводы пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» в аспекте квантитативной лингвистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2026. 27 с.
2. Морозкина Е. А., Корнилова А. Д. Автоматическая обработка художественных текстов А. П. Чехова и их англоязычных переводов с опорой на методы лемматизации и частеречной разметки // Доклады Башкирского университета. 2023. Т. 8, № 2. С. 59–69.
3. Морозкина Е. А., Смакова А. Л., Янгирова Г. В. Квантитативное исследование процессов симплификации в англоязычных переводах художественного текста // Доклады Башкирского университета. 2026. Т. 11, № 1. С. 157–163.
4. Сафина З. М. Методы квантитативной лингвистики при исследовании оригинала и перевода художественного текста // Филология: научные исследования. 2025. № 10. С. 56–64.

5. Чехов А. П. Вишневый сад: [пьесы] / Антон Павлович Чехов. М.: Издательство АСТ, 2022. 352 с.
6. Chekhov A. The Cherry Orchard adapted by Donaghy T. New York: Broadway Play Publishing, 2006. 76 p.
7. Chekhov A. The Cherry Orchard and other plays translated by Garnett C. London: Heron Books, 1968. 430 p.
8. McCarthy P. M., Jarvis S. Voc-D: a theoretical and empirical evaluation // Language Testing. 2007. Vol. 24, No. 4. P. 459–488.
9. Lauren’s Anthony’s Website: AntConc. [Электронный ресурс]. URL: https://www.laurenceanthony.net/software/antconc/ (дата обращения: 18.10.2026).
10. Sichel H.S. On a distribution law for word frequencies // J. Amer. Statist. Assoc. 1975. Vol. 70 (351a). P. 542–547.
© Морозкина Е. А., Корнилова А. Д., 2026

УДК 81’373.42

Мотина О. П.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
lelikka@mail.ru

РЕКУРРЕНТНЫЕ И ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПАРОНИМИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье представлена функционально-семантическая типология паронимов английского языка. Для анализа выбраны однокорневые паронимические оппозиции, в виду невозможности систематизировать весь фонд паронимов в рамках работы. Приведены примеры рекуррентных и окказиональных единиц и их функционирование в контексте.
Ключевые слова: пароним, смешиваемые слова, рекуррентные единицы, окказиональные единицы, семантическая контаминация.

Motina O. P.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
lelikka@mail.ru

RECURRENT AND OCCASIONAL PARONYMIC UNITS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Abstract. The article presents a functional semantic typology of English paronyms. Paronymic oppositions derived from the same root were selected for the analysis, given the impossibility of systematizing the entire corpus of paronyms within the scope of the paper. Examples of recurrent and occasional units and their functioning in context are provided.
Key words: paronym, confusible words, recurrent units, occasional units, semantic contamination.

Paronymic units constitute a vast class within the English language system which undoubtedly requires systematization. The issue of the typology of paronyms remains highly relevant today, despite the large number of existing classifications both in foreign linguistics and in the works of Russian scholars studying English confusibles. This can be attributed to the multifaceted and vague nature of the very concept of paronymy, as well as the difficulty of identifying individual features or parameters on the basis of which linguists group such units.

In the given paper we define paronyms as words belonging to the same part of speech that share a similar formal structure and exhibit systemic or contextual semantic relationship, and which may be confused in speech either mistakenly or intentionally [2, p. 69]. When classifying paronyms, it is essential to consider, first and foremost, the semantics of the units that constitute paronymic oppositions, as

well as the functioning of these lexemes in speech, that is, the context in which they are used. Given that paronymy is perceived by communicants as confusion of phonetically similar words in speech, in this article we focus on the description of functional semantic types of paronyms in the English language.

Speech producer or recipient may confuse similar-sounding words due to an imperfect awareness of the linguistic code stemming from a lack of verbal and/or encyclopedic knowledge, or a deficiency in language skills. In such case the erroneous use of paronyms is a matter of "speech culture" [3, p. 101]. The greatest difficulty arises with paronyms which partial semantic overlap is registered in dictionary definitions. Let us call such units *recurrent* paronyms defining them as words characterized by proximity in both phonetic and semantic structure that can lead to their mistaken confusion in speech.

On the other hand, human speech is not a chaotic phenomenon but a regulated process structured according to its functional objectives. Communicants often confuse words that share no semantic similarity whatsoever, yet sound alike. This may be done to achieve specific stylistic effects, though unintentional errors of this kind are also possible. In such cases, the paronyms are not recurrent but rather "ad hoc" – created specifically for a given context. Most frequently, the juxtaposition of such words in speech adds a humorous effect to an utterance. We shall term such paronyms as *occasional* and define them as linguistic units sharing phonetic similarities while remaining semantically distinct, and which enter into a paronymic relationship only within a specific context.

The object of further study in this work is English paronyms that share the same root, since it is not feasible to systematize the entire corpus of paronyms derived from different roots. The exclusion of such lexemes is due to the fact that their identification is often highly subjective (for instance, one person might perceive units *flair // flare* as similar, while another might confuse *flare // glare*). This is because "the features of objects chosen as the basis for perceived similarity are those that happen to be relevant to the individual in question" [1, p. 40].

Let us consider the semantic relationships between recurrent units having the same root. This group is dominated by lexemes sharing one or more common meanings within their lexical semantic structures.

Thus, in the pair of adjectival paronyms *forcible // forceful*, both members share the meaning ‘involving the use of force’ [5, p. 552]. Consequently, in contexts where the aforementioned meaning is implied, the units are interchangeable (e.g. *forcible/forceful entry, forcible/forceful eviction, forcible/forceful takeover* where the given units are synonymous with *forced, violent, involuntary*). Nevertheless, while the lexeme *forcible* is characterized by only one meaning, the word *forceful* has two more meanings: 1) ‘confident and good at influencing people’; 2) ‘clear and likely to persuade people’ [5, p. 552]. Accordingly, only the lexeme *forceful* can be used in such collocations as *forceful personality (strong/dominant/assertive personality), forceful argument (convincing/compelling/cogent argument), forceful speech (persuasive/powerful speech)*. Using the paronym *forcible* in these combinations would be erroneous.

In addition to units with a common lexical semantic variant, the group of recurrent paronyms consists of cognate words related to the same concept, but which, as a result of affixation, delimit their meanings. Thus, for example, the units of the adjectival paronymic opposition *disinterested // uninterested* have a common semantic component, which can be defined as 'not interested'. The word *disinterested* means 'not involved in something and therefore able to judge it fairly' [5, p. 396], as in *disinterested judge* meaning someone who is impartial, neutral, and free from bias. The word *uninterested* means 'bored, not showing interest' [5, p. 1569], for example, *he was uninterested in the lecture*. Thus, the prefixes *un-* and *dis-* give additional meanings to the lexical semantic structure of words that stem from the general meaning 'not interested'.

Recurrent paronyms also comprise units characterized by a distant semantic similarity. Such paronyms are used in completely different contexts. Such units can be illustrated by English paronyms *radiance // radiation* which relate to something emanating from a single point in different directions. In case of *radiance* we mean brilliance, the brightness of a color, or the feelings of happiness and joy radiated by a person. Using *radiation* we talk about energy, warmth, or light. These lexemes are used in different contexts, for example, *radiance of beauty, background radiance*, but *atomic radiation, ultraviolet radiation from the sun*.

Occasional cognate paronyms, despite having a common root and phonetic similarity, are characterized by semantic differences and a mismatch in the spheres of lexical compatibility. They are created "on the fly" and enter into paronymic relations only in context. For example, the substantive paronyms *humility // humiliation* both are derived from the Latin *humus* ('soil, ground'), but in modern English these two lexemes have no semantic similarity. *Humility* means 'a way of behaving that shows you do not think you are better or more important than other people', whereas *humiliation* is defined as 'the unhappy and ashamed feeling you get when something embarrassing happens' [5, p. 702]. Thus, common etymology results in a mental link between the two units, which is evident: *humility* is when you voluntarily stay 'closer to the ground' (modesty), while *humiliation* is when you are forcibly 'trampled into the ground' (indignity). However, there's no lexical contamination in their structures and they are never interchangeable in context.

It is noteworthy that English paronymic fund contains oppositions belonging to different parts of speech but derived from the same productive stem; at the same time, these paronyms may belong to different functional semantic types. For example, the substantive paronymic pair *fruit // fruition* is occasional, since its constituent lexemes express different concepts, while the adjectives *fruity // fruitful* are characterized by semantic correlation registered in the dictionary and, accordingly, function as recurrent units. Similarly, paronymic verbs *impersonate // personate* act as recurrent lexemes, while the adjectives *impersonal // personal*, derived from the same root, are antonyms and constitute a group of occasional units that enter into paronymic relationships only in context.

Recurrent paronyms are more often mistakenly used in the text compared to occasional units. The semantics of such pairs or rows is characterized by some

similarity, so it is necessary to take into account all the nuances of meaning and the distribution of lexemes in order to avoid errors. This idea is confirmed by the works of H. Leuninger. According to the researcher, the more similarities lexical units have, the closer the connections they form with each other and the greater the likelihood that they will be used incorrectly, since during the process of planning an utterance, the wrong element may be selected from the internal lexicon [4, p. 98].

Список цитируемой литературы

1. Кашина Н. В. Изучаем паронимы в средней школе // Филологический класс, 2011, № 26. С. 40–44.
2. Мотина О. П. Особенности фонологической структуры паронимов английского языка / О. П. Мотина, В. А. Саблукова // Казанская наука, 2019, № 11. С. 69–71.
3. Юханова А. В. Однокоренные слова и культура речи // Когнитивные аспекты лексики, Тверь, 1991. С.9–-113.
4. H. Leuninger Reden ist Schweigen, Silber ist Gold: Gesammelte Versprecher, Deutscher Taschenbuch-Verlag, 1999. 152 p.
5. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2nd ed. London: Macmillan Publishers Limited, 2007. 1748 p.

© Мотина О. П., 2026

УДК 81'25

Нестерова Н. М., Малкова Е. В., Курушин Д. С.
Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия
nest-nat@yandex.ru
nunna995go@gmail.com
daniel@kurushin-perm.ru

АВТОМАТИЧЕСКОЕ РЕФЕРИРОВАНИЕ: ИСПОЛНЕНИЕ И САМООЦЕНКА

Аннотация. В статье рассматривается надёжность самооценки большой языковой модели, которая одновременно выполняет реферативный перевод и оценивает его по четырём критериям: полноте, компрессии, точности и терминологической корректности. Критерии выведены из требований ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования» и построены так, чтобы такую же оценку мог выполнить и человек. На материале прикладной статьи по информационным технологиям в нефтепереработке и пяти её реферативных переводов на английский язык, выполненных моделью GPT-5.6-Sol, самооценка проверяется пересчётом баллов по формулам, сопоставлением подсчёта слов и списков оцениваемых единиц. Делается вывод, что самооценка модели пригодна как указатель для экспертной проверки, но не заменяет её.
Ключевые слова: реферативный перевод, самооценка модели, большая языковая модель, оценка качества перевода, компрессия, терминологическая корректность, воспроизводимость оценки.

Nesterova N. M., Malkova E. V., Kurushin D. S.
Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia
nest-nat@yandex.ru
nunna995go@gmail.com
daniel@kurushin-perm.ru

AUTOMATIC ABSTRACTING: PERFORMANCE AND SELF-ASSESSMENT

Abstract. The article examines the reliability of self-assessment by a large language model that both produces abstract translations and evaluates them against four criteria: completeness, compression, accuracy and terminological correctness. The criteria are derived from the requirements of GOST 7.9–95 (Abstract and Annotation. General Requirements) and are designed so that a human expert can apply the same procedure. Using one applied paper on information technologies in oil refining and five English abstract translations of it produced by GPT-5.6-Sol, the self-assessment is verified by recalculating the scores by the formulas and comparing word counts

and lists of evaluated units. The study concludes that the model's self-assessment is suitable as a pointer for expert review but is not a substitute for it.
Key words: abstract translation, model self-assessment, large language model, translation quality assessment, compression, terminological correctness, reproducibility of assessment.

Вопрос оценки качества перевода по сей день является дискуссионным. Теперь у человека появились нейросети, и вопрос стал актуальнее. Чисто человеческая оценка трудоёмка, поэтому развитие получают следующие подходы: экспертные типологии ошибок (MQM) адаптируют под машинный перевод, а автоматические метрики строят на этих типологиях. В работе Л. В. Елизаровой и Я. А. Салиной [2] используются «точность», «естественность», «терминология» и «стиль» с разной степенью критичности ошибок. Результат работы больших языковых моделей зависел от модели, качества исходного материала и обучения и менялся во времени: у ChatGPT-4o число ошибок снизилось с 4 до 3, у Google Translate выросло с 7 до 8. Следовательно, оценка качества перевода с помощью ИИ должна быть воспроизводимой и проверяемой.

В работе оценивались полные переводы экспертом, однако реферативный перевод устроен иначе. Его цель – вторичный текст, семантически адекватный первичному и более короткий. По А. И. Новикову, такой текст не являет собой механическое сокращение, но становится «смысловой переработкой» [6]. «Смысловые» единицы выделяются на уровне денотатов, а не слов, и важнее те из них, у которых больше связей с остальными [3; 4].

Реферат, выполненный нейросетью, как правило проверяют визуально, сопоставляя с оригиналом. Такая проверка не имеет фиксированной процедуры и явных единиц подсчёта, а понятие адекватности остаётся оценочным. Возникает вопрос: можно ли составить фиксированную процедуру реферирования текста и поручить большой языковой модели оценивать собственный реферативный перевод по заданным критериям так, чтобы эта оценка была проверяемой и сопоставимой?

В данной работе модель вступает в двух ролях: исполнителя, который выполняет реферативный перевод, и эксперта, который оценивает его по заданным критериям. Далее, случай, когда обе роли выполняет одна и та же модель, называется самооценкой. Цель данной работы – проверить надёжность самооценки модели GPT-5.6-Sol по четырём критериям: полноте, компрессии, точности и терминологической корректности. Надёжность понимается как проверяемость и сопоставимость: оценка считается проверяемой, если каждый балл можно пересчитать по спискам единиц из ответа эксперта, и сопоставимой, если списки единиц и подсчёт объёма не меняются от реферата к реферату. Вопрос о том, совпадает ли самооценка с мнением эксперта-человека, в работе не решается и вынесен в перспективы дальнейших исследований.

Эталоном качества реферата послужили требования ГОСТ 7.9–95 (ИСО 214–76) «Реферат и аннотация. Общие требования» [1]: реферат – краткое

точное изложение содержания документа, включающее основные фактические сведения и выводы, без интерпретации и без информации, отсутствующей в оригинале (п. 3.1, 5.2.1). На этой основе были выведены четыре критерия: «полнота» (п. 3.1, 5.1), «компрессия» (п. 5.2.2, 5.2.11), «точность» (п. 5.2.1) и «терминологическая корректность» (п. 5.2.5), поскольку стандарт формулирует требования качественно, веса единиц, шкалы баллов и пороги введены авторами и представляют собой операционализацию этих требований, а не их текст.

Критерии выбраны и по следующему основанию – их можно свести к подсчёту и поручить как модели, так и человеку. Для каждого критерия оценка складывается из однотипных шагов: выделить единицы, назначить вес, определить, передана ли единица, подсчитать долю. Инструкции составлены с помощью ИИ по нашему заданию. В каждом указано «оцени только…», и то, что относится к соседнему критерию, не учитывается. Ответ модели – JSON (формат структурированных данных) со списком единиц (терминов, утверждений), их весами и статусами, итоговым баллом по шкалам 0–100 и 0–1 и коротким пояснением. Поэтому любую цифру можно проверить вручную, а эксперт может выполнить те же шаги по тому же списку единиц. Сводное описание критериев приведено в таблице 1.

Таблица 1. Критерии оценки реферативного перевода

Критерий	**Что измеряется**	**Как считается**	**Что намеренно не учитывается**
Полнота	Долю ключевой информации оригинала, переданную в реферате	Смысловые единицы оригинала с весами 3, 2, 1 (обязательная, важная, дополнительная); покрытие 1, 0,5 или 0	Стиль, объём, терминологию, точность добавленных утверждений
Компрессия	Соответствие объёма реферата норме	Отношение объёма реферата к объёму оригинала (в запросе к модели – по числу слов, в нашем пересчёте – по знакам с пробелами); норма по умолчанию 20–30%	Содержание
Точность	Долю утверждений реферата, подтверждаемых оригиналом	Утверждения реферата с весами 3, 2, 1; поддержка 1, 0,5 или 0	Пропуски: если что-то из оригинала не вошло, это не ошибка точности
Терминология	Точность и последовательность перевода специальных терминов	Термины, важные для содержания, с весами 3, 2, 1; корректность 1, 0,5 или 0	Всё, кроме терминов

Три критерия из четырёх (полнота, точность, терминология) считаются по одной формуле, где w – вес элемента, c – его оценка:

$$S = 100 \cdot \frac{\sum_i w_i c_i}{\sum_i w_i}, \quad w_i \in \{1;\ 2;\ 3\}, \quad c_i \in \{0;\ 0{,}5;\ 1\}$$

Компрессия считается иначе. Сначала находят отношение r объёма реферата к объёму оригинала (в запросе к модели объём измерялся числом слов, в нашем пересчёте – числом знаков с пробелами):

$$r = \frac{N_{summary}}{N_{source}}$$

Если r попадает в норму, балл равен 100. За выход из нормы балл снижается ступенями (таблица 2):

Таблица 2. Шкала оценки компрессии, заданная в запросе к модели

Отклонение от нормы	**Балл**
В пределах нормы	100
До 10%	80
До 20%	60
До 35%	40
Больше 35%	20
Реферат равен оригиналу или длиннее	Не выше 10
Пустой текст	0

Норма объёма 20–30% задана в инструкции по умолчанию и не заимствована из ГОСТ 7.9–95: стандарт рекомендует средний объём реферата 850 печатных знаков и указывает, что объём определяется содержанием и языком реферируемого документа (п. 5.2.11). Поэтому критерий «компрессия» опирается на стандарт слабее остальных, а полученные рефераты (1707–2123 знака с пробелами) в 2,0–2,5 раза превышают рекомендованный средний объём.

Предложенная схема отличается от типологии MQM, на которую опираются Л. В. Елизарова и Я. А. Салина [2], в двух местах. Во-первых, там оценка строится на подсчёте ошибок по степени критичности, а у нас на доле переданного и подтверждённого с весами. Во-вторых, их критерий «точность» объединяет искажения, необоснованные упущения и дополнения, а мы разводим эти случаи: упущения идут в полноту, а искажения и добавления в точность. Для реферата это важно, потому что упущение в нём неизбежно, а вот добавление быть не должно. Веса 3, 2, 1 – наша упрощённая версия идеи А. И. Новикова [4] о значимости элементов: у него значимость определяется связями денотата с остальными, у нас её присваивает модель «по смыслу».

В качестве исходного текста взята научно-техническая статья В. И. Кувыкина и Е. В. Колпаковой «Программные решения для прогнозирования работы нефтеперерабатывающих предприятий» (2016) [5] о программном комплексе «Forecast». Статья передавалась эксперту целиком; её объём – 8997 знаков с пробелами. На её основе модель GPT-5.6-Sol подготовила пять реферативных переводов на английский язык объёмом от 1707 до 2123 знаков с пробелами в виде справки в духе реферативного журнала

(библиографическое описание, текст реферата, заключительная строка). Знаки подсчитаны программно по тексту в том виде, в каком он передавался эксперту (без знаков абзаца, пустых абзацев и служебных заголовков «Abstract»). Эксперт измерял объём в словах: для оригинала – 1196 слов, для рефератов – от 243 до 314. Та же модель (эксперт) оценила каждый реферат по четырём критериям; ей предъявлялись исходный текст, реферат и четыре инструкции в одинаковом виде с требованием вернуть только ответ в формате JSON. Норма объёма не задавалась, поэтому действовала норма по умолчанию (20–30% от объёма исходного текста), а предметную область модель определила самостоятельно.

Средний итоговый балл пяти рефератов, выставленный экспертом, составил 94,3 из 100, но он получен при подсчёте объёма в словах. Мы пересчитали балл за компрессию по знакам с пробелами (по шкале, приведённой в таблице 2): у четырёх рефератов он остался равным 100, у реферата 5 снизился до 80, и средний итоговый балл составил 93,3. Наиболее высокую оценку получил реферат 2 (97,3), наименее высокую – реферат 5 (87,7; по оценке эксперта – 92,7). Итоговый балл рассчитывался как простое среднее четырёх критериев, поскольку введение весов между критериями добавило бы в процедуру ещё одно субъективное допущение. Баллы приведены в таблице 3.

Таблица 3. Оценки пяти реферативных переводов

Реферат	**Знаков с пробелами**	**Доля от оригинала (по знакам), %**	**Полнота**	**Компрессия**	**Точность**	**Терминология**	**Итог**
1	2080	23,1	88,1	100	94,3	90,9	93,3
2	2123	23,6	90,4	100	100	98,6	97,3
3	2052	22,8	89,4	100	97,8	92,3	94,9
4	1890	21,0	84,0	100	100	89,7	93,4
5	1707	19,0	80,0	80	94,9	96,0	87,7
Сред.	1970	21,9	86,4	96,0	97,4	93,5	93,3
Мин.–макс.	1707–2123	19,0–23,6	80,0–90,4	80–100	94,3–100	89,7–98,6	87,7–97,3

Критерии различают рефераты неодинаково. «Компрессия» почти не дифференцирует тексты: четыре реферата из пяти укладываются в норму 20–30% и получают максимальный балл, а реферат 5 (19,0%; при подсчёте по словам – 20,3%) оказывается чуть ниже порога; это обусловлено ступенчатостью шкалы и положением порога, а не содержанием текста. «Точность» высока во всех случаях (94,3–100): замечания редки и касаются лишь двух формулировок, а в реферате 5 обнаружена неподтверждённая служебная пометка-заполнитель. Именно «полнота» (разброс 10,4 пункта) и «терминология» (8,9 пункта) в первую очередь расставили рефераты по местам. Реферат 2 лидирует по всем критериям, однако порядок остальных меняется: так, реферат 5 хуже всех по полноте и компрессии, но второй по терминологии.

Для проверки надёжности оценок баллы по полноте, точности и терминологии были пересчитаны нами по спискам единиц из ответов эксперта по формуле, приведённой в описании критериев. Пересчитывались 15 значений (три критерия для пяти рефератов); пять из них не совпали с исходными (таблица 4). Максимальное расхождение составило 1,3 пункта, средний итоговый балл после пересчёта равен 93,26 вместо 93,32 (в обоих случаях с учётом пересчитанной по знакам компрессии), а порядок рефератов (2, 3, 4, 1, 5) не изменился. Вместе с тем рефераты 4 и 1 различаются на сотые доли пункта (93,37 и 93,33 после пересчёта), поэтому их взаимный порядок не следует считать значимым.

Таблица 4. Расхождения между баллами эксперта и баллами, пересчитанными по формуле

Реферат	**Критерий**	**Балл эксперта**	**Балл по формуле**
2	Терминология	98,57	97,30
3	Полнота	89,36	89,58
3	Точность	97,78	97,83
4	Терминология	89,74	89,47
5	Точность	94,87	95,00

Объём в знаках с пробелами подсчитан по тексту, переданному эксперту: оригинал – 8997 знаков, рефераты – 2080, 2123, 2052, 1890 и 1707 знаков. В сумме это соответствует 19,0–23,6% от объёма оригинала (в среднем 21,9%). Поскольку эксперт считал слова, выполнен и подсчёт слов: объёмы рефератов совпали с его данными с точностью до двух слов (298, 315, 292, 280 и 242 против 300, 314, 292, 281 и 243). Расхождение в знаках носит систематический характер и обусловлено различием в средней длине слова: в русском оригинале она составила 8,3 знака, в английских рефератах составила 6,9. Вследствие чего для пары «русский оригинал – английский реферат» доля по словам оказалась выше доли по знакам. Кроме того, заявленный ИИ экспертом объём оригинала (1196 слов) не воспроизводится: по нашему подсчёту он составил 1079 слов, то есть примерно на 10% меньше. При подсчёте по знакам реферат 5 оказался ниже границы нормы (19,0% при норме 20–30%), и его балл по критерию «компрессия» снижается со 100 до 80. Для остальных рефератов балл не изменился.

Полученные результаты частично отвечают на поставленный вопрос. Самооценка модели оказалась проверяемой: все 15 баллов по полноте, точности и терминологической корректности удалось пересчитать. Вместе с тем пять баллов из пятнадцати не совпали со значениями, рассчитанными по формуле, а объём исходного текста был указан ИИ экспертом неточно.

Из четырёх критериев рефераты содержательно различают полноту (разброс 10,4 пункта) и терминологическую корректность (8,9 пункта). По компрессии и точности наблюдается «потолочный эффект»: четыре реферата из пяти получили максимальный балл по компрессии, а точность во всех случаях составила 94,3–100. Потери по критерию «полнота» составили

преимущественно единицы с весом 1–2, тогда как единицы с весом 3 были переданы во всех пяти рефератах. Это соответствует принципам реферирования текста согласно значимости элементов и требованиям ГОСТ 7.9–95, при условии, что веса назначила та же модель, которая затем осуществила подсчет наличия единиц.

Существенным ограничением является несопоставимость баллов между рефератами: списки единиц составлялись заново для каждого текста, поэтому знаменатель формулы менялся, а число единиц полноты при одном исходном тексте колебалось от 18 до 21. Более надёжной представляется схема с единым списком смысловых единиц оригинала, составленным экспертом или однократным прогоном модели.

С практической точки зрения журнал оценки в формате JSON сводит проверку к 5–10 помеченным единицам из 47–57 проверенных, что облегчает работу переводчика. Однако балл следует рассматривать как указатель направления экспертного внимания, а не как окончательный вердикт. К перспективным направлениям относятся: проверка корпуса технических текстов, реферированных с помощью ИИ, использование единого экспертного списка смысловых единиц, а также поручение подсчёта баллов и объёма программному коду, не языковой модели.

Список цитируемой литературы

1. ГОСТ 7.9–95 (ИСО 214–76). Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования. Введ. 1997-07-01.
2. Елизарова Л. В., Салина Я. А. Качество перевода: ChatGPT vs. Google Translate // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2025. Т. 21, вып. 3 (69). С. 143–153.
3. Конышева А. В. Обучение реферативному переводу студентов неязыковых специальностей // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. 2018. № 7. С. 43–48.
4. Крамная Е. С. Специфика реферативного перевода как важного компонента деятельности отраслевого переводчика // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2022. № 3. С. 99–109. DOI: 10.15593/2224-9389/2022.3.9.
5. Кувыкин В. И., Колпакова Е. В. Программные решения для прогнозирования работы нефтеперерабатывающих предприятий // Естественные и математические науки в современном мире: сб. ст. по матер. XXXIX междунар. науч.-практ. конф. № 2 (37). Новосибирск: СибАК, 2016.
6. Нестерова Н. М., Наугольных А. Ю., Наугольных Е. А. «Сказать мало, но хорошо»: деятельностная характеристика реферативного перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18), ч. I. С. 146–149. URL: https://philology-journal.ru/article/phil20120638/pdf (дата обращения: 19.10.2026).

© Нестерова Н. М., Малкова Е. В., Курушин Д. С., 2026

УДК 82.09

Новикова Н. В.
Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия
NV.Novikova@vvsu.ru

ЛИТЕРАТУРА ВО ВТОРОЙ СТЕПЕНИ ИИ: ПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ СИМВОЛИЗМ СЬЮЗЕН ЛАНГЕР И ЦИКЛИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ НОРТРОПА ФРАЯ

Аннотация. Искусственный интеллект реализовал структуралистскую утопию об автоматической «литературной машине», способной бесконечно создавать тексты. Нейросети успешно освоили то, что Нортроп Фрай называл герметичной матрицей блуждающих архетипов, превратив процесс творчества в чистое комбинаторное ремесло. Однако цифровой симулякр остается заложником линейных, дискурсивных структур, так как он принципиально неспособен передавать подлинный экзистенциальный опыт. Чтобы не произошло окончательное отчуждение, спасением для творца становится уход из-под власти алгоритмов в область презентативного символизма Сьюзен Лангер. Литература будущего неизбежно движется в сторону интермедиального синкретизма, где человек выступает создателем нелинейных, симультанных «живых форм».
Ключевые слова: литература во второй степени ИИ, генеративный искусственный интеллект, текстовый симулякр, «машина Фрая», дискурсивное ремесло, презентативный синкретизм, интермедиальные метатексты, «живые формы».

Novikova N. V.
Vladivostok State University, Vladivostok, Russia
NV.Novikova@vvsu.ru

LITERATURE IN THE SECOND DEGREE OF AI: SUSANNE LANGER'S PRESENTATIONAL SYMBOLISM AND NORTHROP FRYE'S CYCLICAL ARCHETYPES

Abstract. Artificial intelligence has realized the structuralism utopia of automatic "literary machine" due to generating endless texts. Neural networks have successfully appropriated that Northrop Frye determined as a hermetic matrix of wandering archetypes, reducing the fundamentally creative act to a purely combinatory craft. However, the digital simulacrum remains a captive to linear, discursive structures, rendering it incapable of transmitting authentic existential experience. To counteract ultimate alienation, the creator must seek refuge outside algorithmic constraints, escaping into the domain of Susanne Langer's presentational symbolism. The

literature of the future is inevitably shifting toward an intermedial syncretism, where the human author acts are designe of non-linear, simultaneous "living forms."
Key words: literature in the second degree of AI, generative artificial intelligence, textual simulacrum, Frye's machine, discursive craft, presentational syncretism, intermedial metatexts, "living forms."

Сегодня хочется поговорить о будущем литературного, да и, в целом, творческого процесса тоже, осмыслить трансформацию самой природы творчества. Что нас ждет? Текст генеративного искусственного интеллекта – это мейнстрим или ремесло? Где заканчивается и начинается творчество? Обесценивает ли ИИ труд автора или это соавторство? Пожалуй, многие задаются такими вопросами и хотят найти ответы. Жерар Женетт и Юлия Кристева упивались бы своим предвидением. Их теории обрели статус пророчества и полностью воплотились в жизнь, и как нельзя кстати объясняют происходящее. Палимпсесты и интертекстуальность с искусственным интеллектом теперь единое целое. Вынесенное в заглавие понятие «литература во второй степени ИИ» – сложная структуралистская модель текстопорождения в цифровую эпоху. В классической концепции Ж. Женетта «литература во второй степени» представляет собой художественный процесс, где один текст создавался на фундаменте другого текста, как палимпсест – пергамент, на котором соскребали старый текст и записывали новый [3]. Но предыдущие строчки все равно просвечивали сквозь свеженаписанные. Философ и лингвист Юлия Кристева утверждала, что *«любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста»* [5, с. 429]. Для ИИ это не метафора, а технический алгоритм, машинный паттерн, это интертекстуальность, возведенная в абсолют; он способен имитировать художественные стили и нарративные схемы, даже авторский индивидуальный почерк. Нейросеть пишет свой текст поверх всей истории мировой литературы, где создание «нового» возможно лишь как переработка «старого». Что это значит? Что вербальная культура – это мануфактура и комбинаторика? Мы позитивно смотрим в будущее, потому что опираемся на методологические основы, заложенные в литературоведении еще в середине XX века Сьюзен Лангер [6] и Нортропом Фраем [7]. Они интересовались природой текста, но каждый по-своему.

В «Анатомии критики» последнего, обнаруживается, что исследователь, сам того не подозревая, сформулировал строгое метатеоретическое задание для разработчиков современных больших языковых моделей. Это подтверждается зарубежными исследованиями в области ИИ [10]. Н. Фрай одним из первых лишил литературу романтического мифа о непосредственном жизнеподобии, утверждая, что она герметична и центростремительна. Литература в его понимании не копирует эмпирическую реальность, а бесконечно повторяет саму себя, вращаясь в границах четырех дожанровых категорий – сезонных мифов [7].

Генеративный искусственный интеллект стал материальным воплощением архетипического комбинатора. Цифровой симулякр физически не способен созерцать мир, сопереживать или испытывать настоящее переживание – он слеп и глух; его задача – только собирать художественные образы и находить блуждающие мотивы в колоссальном массиве написанных книг. Это калькулятор смыслов. Внедрение алгоритмов в практику письма овеществило эту комбинаторную, герметичную модель Н. Фрая, показав её математическую природу.

Концепт «комбинатор» прямо отсылает нас к структурализму Итало Кальвино [4] и Умберто Эко [8, 9] прошлого века. Они мечтали о «литературной машине», способной создавать сюжеты, и это тогда казалось изощренным экспериментом и постмодернистской игрой. Однако уже в 21 веке инженеры алгоритмических систем реализовали эти утопии на уровне чистого кода – дискурсивный текст, понимаемый как последовательное соединение элементов внутри заданной системы, способен успешно функционировать автономно. Машина безупречно воспроизводит «порядок слов», но полностью стерилизует вербальное пространство от индивидуального авторского присутствия, превратив метафору Ролана Барта – «смерть автора» в ежедневный технический паттерн [2]. Это идеальная «машина Фрая». Так стирается граница между ремеслом, простым умением комбинировать слова и магией творчества.

И тут возникает закономерный вопрос: а что же отдано на откуп человеку? Ответ прост и кроется в противопоставлении, предложенном Сьюзен Лангер в «Философии в новом ключе». Она разделила символические формы на две группы: дискурсивные и презентативные. Данная концепция уже была предметом наших исследований [1], и это дает нам возможность утверждать, что, благодаря особым свойствам, литература совершает невозможное: используя дискурсивный потенциал, создает «живую форму», обладающую недискурсивной природой. Чтобы не быть скучным, не потерять мысль и не утонуть в деталях, поэт или писатель априори стремится преодолеть темпоральный, линейный плен речи, обмануть время, даже остановить его, подобрав меткую метафору или рифму, нужное слово, чтобы читатель смог прочувствовать художественный образ симультанно, как вспышку, как чистое переживание. Эта автономия текста становится для автора не просто спасательным кругом, но его подлинным эстетическим убежищем, это его виртуальный мир, куда он способен телепортировать и своего читателя.

Таким образом именно здесь обнаруживается предел формально-структурных возможностей генеративных моделей. И на сегодняшний день, машинная логика не способна выйти за пределы этой границы. ИИ – заложник дискурсивного символизма, он просчитывает математическую вероятность словесных комбинаций, но он нечувствителен к презентативному натяжению между лексемами. Алгоритм создает безупречную синтаксическую структуру, потому что текст собирается по формулам и лекалам. Однако внутри нее отсутствует то, что С. Лангер определяла, как саму суть искусства – «создание

символических форм человеческих чувств». А литературу она называла «первичной иллюзией» искусства, призванной воссоздать виртуальный образ живого опыта. Сгенерированный текст – это как новенький дом в компьютерной игре, где идеально ровные стены, удобно расположенные комнаты, но там нет ни мебели, ни обоев, ни чашки ароматного кофе, там пусто. Это дом с красивым фасадом, в котором никто никогда не жил.

Прогнозируя траектории литературного процесса в цифровую эпоху, мы можем утверждать, что автоматизация ремесла не уничтожит литературу, а произведет её радикальную сепарацию, отбросит ненужный балласт. Произойдет то, что в терминах структурализма можно назвать трансгрессией жанровых границ. Этот пласт вербальной культуры Н. Фрай относил к циклической рекомбинации архетипов (формульная проза, конвейерная драматургия, утилитарные тексты), именно он неизбежно уйдет в область ведения искусственного интеллекта. Освобожденный от необходимости тратить силы на рутинное выстраивание дискурсивных схем, автор будет принудительно вытолкнут в область лангеровского презентативного символизма.

Литература будущего устремлена к новому презентативному синкретизму, в чем мы не сомневаемся. Она перестанет быть просто «чтением строчек». Она эволюционирует в сторону интермедиальных, визуально-вербальных метатекстов, где наследие модернистского «потока сознания» смыкается с цифровой архитектурой и экранными искусствами. Писатель завтрашнего дня – это не мануфактурщик, комбинирующий сюжетные ходы, а архитектор недискурсивных ментальных пространств. Литература придет к созданию таких симультанных «живых форм», которые будут восприниматься человеческим сознанием целостно, минуя механические фильтры программных алгоритмов.

Список цитируемой литературы

1. Абрамкина Н. В. С. Лангер о символе и символотворчестве// Вестник СевНТУ: Филология. Вып.61. Севастополь, 2005. С.57-–65.
2. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика /пер. с фр. под ред. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. С. 384–391.
3. Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. М.: Симпозиум, 2021. 572 с.
4. Кальвино И. Кибернетика и призраки // Почему стоит читать классику / пер. с ит. под ред. И. Борисовой. Москва: АСТ: Corpus, 2024. С. 45–68.
5. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
6. Лангер С. Философия в новом ключе: Исследование символики разума, ритуала и искусства. М.: Республика, 2000. 287 с.

7. Фрай Н. Анатомия критики // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. М.: Издательство МГУ, 1987. С. 232–263.
8. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию /пер. с ит. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. 544 с.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста /пер. с англ. и ит. С. Д. Серебряного. Москва: РГГУ, 2007. 502 с.
10. Soares de Lima, E. Revisiting Northrop Frye's Four Myths Theory with Large Language Models / E. Soares de Lima, M. A. Casanova, A. L. Furtado // arXiv preprint arXiv:2602.15678. – 2026. – 17 Feb. – URL: https://arxiv.org/abs/2602.15678

© Новикова Н. В., 2026

УДК 821.161.1, 82. 31

Ошейко С. П.
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск, Россия
s.osheiko@g.nsu.ru

ФУНКЦИИ ДИСКУРСА ТЕЛА В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «БАБЬЕ ЦАРСТВО» (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Аннотация. В статье исследуются функции дискурса тела в рассказе А. П. Чехова «Бабье царство». Особенности портретных характеристик героев рассказа не демонстрируют радикальную трансформацию художественной традиции 1840–1860-х годов, в частности традицию изображения «маленького человека». При этом использование семантических функций и художественных приемов, непосредственно связанных с дискурсом тела, эксплицирует полемику А. П. Чехова с современными ему литературными направлениями натурализма и декаданса. Другой, не менее значимой функцией дискурса тела выступает определение перцептивных характеристик героев «Бабьего царства» С этой точки зрения особенности восприятия, присущие героям, могут быть рассмотрены в качестве динамических категорий, выполняющих определенный спектр задач: конструирование художественного мира произведения, экспликация тенденции взаимодействия героев и окружающего мира, а также репрезентация психологической амбивалентности, свойственной персонажам прозы А. П. Чехова второй половины 1880-х – 1900-х годов.
Ключевые слова: А. П. Чехов, дискурс тела, перцепция, натурализм, декаданс.

Osheiko S. P.
Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia
s.osheiko@g.nsu.ru

FUNCTIONS OF BODY DISCOURSE IN A.P. CHEKHOV'S STORY "WOMEN'S KINGDOM" (ON STATEMENT OF THE QUESTION)

Abstract. This article examines the functions of body discourse in A.P. Chekhov's story "Women's Kingdom." The portraiture of the story's characters does not demonstrate a radical transformation of the artistic tradition of the 1840s–1860s, particularly the tradition of depicting the "little man." However, the use of semantic functions and artistic devices directly related to body discourse explicates Chekhov's polemics with contemporary literary movements such as naturalism and decadence. Another, no less significant function of body discourse is the definition of the perceptual characteristics of the characters in "Women's Kingdom." From this perspective, the perceptual characteristics inherent to the characters can be viewed as dynamic categories that fulfill a specific range of functions: constructing the work's

artistic world, explicating the interaction between the characters and the surrounding world, and representing the psychological ambivalence inherent in the characters of A. P. Chekhov's prose from the second half of the 1880s to the 1900s.
Key words: A. P. Chekhov, body discourse, perception, naturalism, decadence.

Период 1880–1890-ых гг. ознаменовался активизацией противоречивых процессов в отечественной литературе, детерминированных распадом романного жанра. В указанный период значительно усиливается интерес к малым формам формы (рассказ, очерк, новелла). Деконструкция жанровой системы инспирирует пересмотр магистральных тем литературы 1840–1860-х годов. Классические типы героев – рефлексирующий интеллигент («кающийся дворянин»), униженный обыватель («маленький человек») или падшая женщина (проститутка с золотым сердцем») – также проходят через жесткую ревизию, лишаясь прежнего романтического ореола.

Проблематику прозы 1880–1900-х годов можно свести к инвариативному конфликту: противостоянию человека и среды. При этом ключевым фактором решения конфликта выступает ценностная система писателя: автор детерминирует как логику сюжетного развития, так и возможные пути разрешения конфликта. Судьба героя поляризуется до двух взаимоисключающих исходов: герой либо успешно социализируется, либо трагически гибнет вследствие тотальной невозможности интеграции в указанной среде.

Творчество А. П. Чехова – уникальный синтез беллетристики 1880–1900-х годов и традиции классической литературы. При этом выбор телесного дискурса в качестве предмета исследования обусловлен не столько популярностью автора, сколько его репрезентативностью телесного дискурса как маркера эстетических и аксиологических доминант эпохи рубежа веков.

Ранний этап творчества А. П. Чехова генетически связан с традицией «осколочной» литературы (фельетона и короткого юмористического рассказа). Персонажи «осколочной» литературы функционируют в рамках готовых социальных парадигм, а сюжетика строится на узнаваемых деталях. Тело персонажа здесь не является самостоятельным объектом художественного исследования: оно выступает таким же статичным маркером социального типа или комической ситуации, как деталь костюма или специфическая речевая характеристика. Тем не менее, развлекательная беллетристика сосуществовала в русской периодике рубежа веков с псевдо-документальными жанрами. Наряду с развлекательной прозой широкое распространение получают криминальная хроника, отчеты о происшествиях и тексты в формате сенсационных журналистских расследований. В текстах криминальной хроники и сенсационных репортажей натуралистически детализируются сцены насилия и демонстрируются деформированные тела. При этом телесный дискурс выполняет рекреативную функцию: читатель идентифицирует себя с жертвой происшествия, что порождает эффект катарсического облегчения – контраст между зачастую обезображенным телом пострадавшего и физической

целостностью реципиента заставляет последнего искренне радоваться собственному благополучию [4]. «Желтая пресса», фокусировавшаяся на криминальных происшествиях, неизбежно взаимодействовала с натуралистическими нарративами. Это сближение во многом было обусловлено чрезвычайной популярностью Э. Золя в первой половине 1880-х годов[5].

Полемика А. П. Чехова с эстетикой натурализма достигает своего пика в произведениях 1890-х годов. Ключевым инструментом полемики оказывается телесный дискурс: он обнаруживает себя не только во внешней детализации (портретировании), но и через оптику героев – то, как их физическое состояние определяет сенсорное восприятие реальности.

В рассказе «Бабье царство» (к которому исследователи обращаются не так часто) А. П. Чехов решает двойную художественную задачу. С одной стороны, текст манифестирует скрытый диалог-конфликт с натуралистической традицией; с другой – на уровне структуры сюжета и изобразительных приемов рассказ демонстрирует весь спектр выразительных возможностей телесного дискурса.

Сцена визита Анны Акимовны к чиновнику Чаликову демонстрирует полифункциональность телесного дискурса. Во-первых, он служит средством характеристики героев и окружающей их обстановки, через актуализацию особенностей восприятия. Во-вторых, посредством физиологической детали А. П. Чехов стимулирует читательское восприятие, провоцируя определенные ожидания, и тут же обманывает их, используя деконструкцию устойчивых литературных амплуа. «Мужчина оглянулся и вскочил. Это был костлявый, узкоплечий человек, со впалыми висками и с плоскою грудью. Глаза у него были маленькие, глубокие, с темными кругами, нос длинный, птичий и немножко покривившийся вправо, рот широкий. Борода у него двоилась, усы он брил и от этого походил больше на выездного лакея, чем на чиновника» [6]. Внешний облик Чаликова строится на стыке литературной традиции и индивидуальной художественной персонологии А. П. Чехова. С одной стороны, портрет генетически связан с типом «маленького человека». С другой – физиогномика героя лишена классического гуманистического сочувствия. А. П. Чехов акцентирует гротескные подробности (контраст тщательно выбритых щек с раздвоенной бородой), а также использует зооморфные детали «птичий нос». Такая контаминация фактически способствует созданию гетерогенного образа, подчеркивая животное начало в человеке и разрушая оппозицию «культура / природа» [1]. Особое значение приобретает тот факт, что данном эпизоде социальная идентификация героя намеренно затруднена. Чехов акцентирует внимание на том, что статус Чаликова принципиально неопределим: визуальные маркеры не позволяют однозначно квалифицировать его ни как чиновника, ни как лакея.

Парадокс поэтики А. П. Чехова заключается в том, что частные подробности не раскрывают уникальность Чаликова, а, напротив, обнажают его полную социальную усредненность. Герой трансформируется из классического «маленького человека» в безликую жертву разрушительной среды.

Примечательно, что социальный статус персонажа низводится до уровня такой же физиогномической детали, как его гротескная внешность или пластика движений.

Немаловажную роль в экспликации дискурса тела играют перцептивные характеристики героя. У чеховских персонажей они реализуются прежде всего через визуальные и обонятельные образы. Так, Л. В. Карасев отмечает значительную роль обонятельных ощущений в перцептивном процессе героев А. П. Чехова, настаивая на том, что ольфакторные эпитеты акцентируют негативные характеристики пространства, манифестируя неблагополучие героя и актуализируя его рефлексию. В своем семантическом инварианте резкие и кислые запахи наряду с отсуствием свежего воздуха предстают маркерами танатологического хронотопа [2, с. 245–265]. Ярче всего эта особенность поэтики А. П. Чехова эксплицируется при анализе интерьера квартиры Чаликовых. «В квартире № 46 сеней не было, и начиналась она с кухни. Обыкновенно в квартирах фабричных и мастеровых пахнет лаком, смолой, кожей, дымом, смотря по тому, чем занимается хозяин; квартиры же обедневших дворян и чиновников узнаются по промозглому запаху какой-то кислоты. Этот противный запах обдал Анну Акимовну и теперь, едва она переступила порог [6].

Однако весьма интересно, что принадлежность пространства к танатологическим локусам не имеет прямой зависимости от социального статуса его владельца и действии проистекающих в указанном пространстве. Сцена ужина в нижнем этаже – яркое тому подтверждение. «Анна Акимовна была голодна, так как с самого утра ничего не ела. Ей налили какой-то очень горькой настойки, она выпила и закусила солониной с горчицей и нашла, что это необыкновенно вкусно. Потом нижняя Маша подала индейку, моченые яблоки и крыжовник. И это тоже понравилось. Но только одно было неприятно: от изразцовой печки веяло жаром, было душно, и у всех разгорелись щеки. <…> Агафьюшка вздохнула и села за стол; перед ней Маша поставила тоже рюмку для наливки, и Анне Акимовне стало уже казаться, что одинаково, как от печки, так и от белой шеи Агафьюшки, веет жаром» [6]. Этот эпизод фактически воплощает ценностные установки чеховской поэтики через призму телесности. Описание духоты и смешения запахов, исходящих от яств, актуализируют ольфакторную избыточность, выступающую негативным маркером, несмотря на семантику праздника. К тому же в тексте говорится, что, старухи пришедшие навестить Анну Акимовну, объелись на обед и теперь поглощают блюда через силу. Аксиологическая двойственность локуса нижнего этажа, в котором разворачивается сцена ужина, обнажает сложное переплетение комического и трагического. Этот эффект достигается за счет введения танатологических мотивов и подчеркивает непрерывную границу – и одновременно взаимопроникновение – жизни и смерти, характерное для поэтики А. П. Чехова [3, с. 92–112]. Авторскую систему ценностей в данном отрывке манифестируют не только портретные характеристики, но и точка зрения героини. В сознании Анны Акимовны образ Агафьюшки начинает

отождествляться с печью, неизбежно актуализируя инфернальные и хтонические коннотации.

Обед Анны Акимовны с адвокатом Лысевичем и статским советником Крылиным также выстроен вокруг узнаваемых сюжетов и нарративных канонов. На этот раз Чехов траверсирует устойчивые амплуа литературы рубежа веков посредством точек зрения, речевых характеристик и экспликации телесного дискурса. Лысевич сочетает в себе черты декадента, гедониста и мопассановского жуира: «Лысевич, высокий красивый блондин, с легкой проседью в висках и бороде, отличается необыкновенно изящными манерами. Он входит с перевальцем, кланяется будто нехотя и, разговаривая, поводит плечами, и всё это с ленивою грацией, как застоявшийся избалованный конь. Он сыт, чрезвычайно здоров и богат; раз даже выиграл сорок тысяч, но скрыл это от своих знакомых. Любит хорошо покушать, особенно сыры, трюфели, тертую редьку с конопляным маслом, а в Париже, по его словам, он ел жареные немытые кишки» [6]. Внешняя красота героя вступает в резкий диссонанс с его моральными качествами, а пафос декадентского дискурса травестируется гастрономической неразборчивостью персонажа. Сочетание редьки с конопляным маслом и «жареных немытых кишок» в одном пищевом ряду становится сниженной версией декадентского культа экзотических наслаждений.

Своеобразным инструментом снижения декадентской риторики выступает фигура лакея Мишеньки. Мишенька неожиданно сближается с бедным чиновником Чаликова: обоих персонажей объединяет наличие гротескных черт, сходные кинестетические портреты и принципиальная неопределенность их социального статуса для стороннего взгляда. «Мишенька прислуживал за столом с упоением. Когда он ставил на стол какое-нибудь новое кушанье и снимал с блестящей кастрюли крышку или наливал вино, то делал это с важностью профессора черной магии, и, глядя на его лицо и на походку, похожую на первую фигуру кадрили, адвокат несколько раз подумал: «Какой дурак!»» [6]

Заметную роль в разворачивании телесного дискурса играют суждения Лысевича о творчестве Ги де Мопассана, гедонистическом восприятии любви и статусе femme fatale. «Женщина fin de siècle, – я разумею молодую и, конечно, богатую, – должна быть независима, умна, изящна, интеллигентна, смела и немножко развратна. Развратна в меру, немножко, потому что, согласитесь, сытость есть уже утомление. Вы, милая моя, должны не прозябать, не жить, как все, а смаковать жизнь, а легкий разврат есть соус жизни. Заройтесь в цветы с одуряющим ароматом, задыхайтесь в мускусе, ешьте гашиш, а главное, любите, любите и любите… Читайте, читайте Мопассана! Милая, я этого требую! <…> – Нет, это невозможно! – проговорил он, как бы в отчаянии. – Последняя его вещь истомила меня, опьянила! Но я боюсь, что вы останетесь к ней равнодушны. Чтоб она увлекла вас, надо ее смаковать, медленно выжимать сок из каждой строчки, пить… Надо ее пить!» – Однако после гимнов чувственной любви Лысевич утверждает, что любит прозу Тургенева и любит

Анну Акимовну «идеально»: Он, по его словам, любил Тургенева, певца девственной любви, чистоты, молодости и грустной русской природы, но сам он любил девственную любовь не вблизи, а понаслышке, как нечто отвлеченное, существующее вне действительной жизни. Теперь он уверял себя, что Анну Акимовну он любит платонически, идеально, хотя сам не знал, что это значит» [6]. Продолжительный диалог Анны Акимовны и Лысевича на тему литературы заканчивается вопросом Лысевича о наградных к празднику, тем самым окончательно дезавуируя жизненную позицию героя.

Таким образом, в отличие от персонажей Ги де Мопассана, чья риторика любви и преклонения перед женской красотой подкреплена действием, образ Лысевича представляет собой травестийный синтез донжуана и декадента. На это указывают его портретные детали, гастрономические пристрастия и речевое поведение.

Подведем некоторый итог. В рассказе «Бабье царство» телесный дискурс становится ключевым инструментом трансформации привычных литературных амплуа, впитывая эстетику натурализма и декаданса. В то же время спектр функций телесного дискурса напрямую определяет особенности сенсорного восприятия героев. Именно особенности восприятия становятся тем механизмом, который не только детерминирует отношения героев с действительностью, но и раскрывает многоаспектную рефлексию персонажей рассказа «Бабье царство», демонстрируя при этом фундаментальные черты поэтики А. П. Чехова.

Список цитируемой литературы

1. Гроссман Л. П. Натурализм Чехова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chehov-lit.ru/chehov/kritika/grossman-naturalizm-chehova.htm (дата обращения: 04.09.2026).
2. Карасев Л. В. Достоевский и Чехов: неочевидные смысловые структуры. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 335 с. (Studia philologica).
3. Катаев В. Б. К пониманию Чехова. Статьи. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 247 с.
4. Паперно И. Б. Самоубийство как культурный институт / И. Б. Паперно. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 252 с.: 23 см. (Научная библиотека. Научное приложение).
5. Проваторова О. Н. Натуралистические тенденции в прозе А. П. Чехова: монография / О. Н. Проваторова. Оренбург: Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2017. 180 с.
6. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. [Рассказы, повести], 1892–1894 / А. П. Чехов. М.: Наука, 1977. 526 с. // TraumLibrary: [сайт]. – URL: https://traumlibrary.ru/book/chekhov-pss30-08/chekhov-pss30-08.html?ysclid=mtv3onitsf540228863 (дата обращения: 10.09.2026).

© Ошейко С. П., 2026

УДК 81'42

Пешкова Н. П.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
peshkovanp@rambler.ru
Ягофарова С. В.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
sabinayagofarova@yandex.ru

ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА «УПРЁК» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов, обусловливающих функционирование речевого акта «упрёк» в англоязычном художественном дискурсе с позиции прагмалингвистики и психолингвистики. С точки зрения прагмалингвистики, одним из таких факторов выступает контекстуальная обусловленность. Выявляются прагматические, ситуативные и социокультурные факторы, определяющие выбор языковых средств при реализации упрёка. Отмечено, что контекст влияет на функции упрёка (экспрессивную, регулятивную) и на способы его передачи в переводе. Намечаются перспективы изучения подобных факторов в русле психолингвистического исследования.
Ключевые слова: речевой акт, упрёк, контекстуальная обусловленность, художественный дискурс, прагмалингвистика, психолингвистика

Peshkova N. P.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
peshkovanp@rambler.ru
Iagofarova S. V.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
sabinayagofarova@yandex.ru

FACTORS CONTRIBUTING TO THE SPEECH ACT “REPROACH” FUNCTIONING IN ENGLISH LITERARY DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to the study of the factors determining the functioning of the speech act of "reproach" in English-language literary discourse from the perspectives of pragmalinguistics and psycholinguistics. From a pragmalinguistic point of view, contextual determination acts as one of these key factors. The study identifies pragmatic, situational, and sociocultural factors that govern the choice of linguistic means in the realization of a reproach. It is noted that context influences the functions of reproach (expressive, regulative) as well as the strategies for its

rendering in translation. Finally, prospects for further investigation of such factors within the framework of psycholinguistic research are outlined.
Key words: speech act, reproach, contextual conditioning, literary discourse, pragmalinguistics, psycholinguistics.

Как известно, существует ряд факторов, обусловливающих функционирование речевого акта любого типа. С позиции современной лингвистики, и прежде всего, прагмалингвистики, исследование любого высказывания и его интерпретацию невозможно осуществить без учёта контекста, который, как считается, порождает смысл и определяет прагматическую направленность речи. Дж. Лионс поясняет, что для правильной передачи иллокутивной силы речевого акта необходимо знание ролей и статусов говорящих, времени, а также степени формальности ситуации [5]. Г. Парре понимает под «ситуационным контекстом» то, как обширное разнообразие социальных норм автоматически регулирует выбор языковых средств и коммуникативное поведение говорящих [7].

Немало важна роль контекста в художественном дискурсе, так как это не просто текст, а мир автора, тесно связанный коммуникативно-творческий продукт с законами жанра и авторской концепцией [1]. То есть, речевые акты являются не столько попыткой пристыдить кого-то, побудить что-то делать, сколько отражением характера мировоззрения какого-либо героя.

Упрёк относится к экспрессивно-оценочным актам. По мнению Т. А. Давыдовой, он осуществляется как ответ на действие адресата, которое говорящий трактует негативно, и направлен либо на попытку исправить поведение, либо на выражение собственного эмоционального состояния [2]. При этом, как отмечает Т. В. Ларина, в англоязычной лингвокультуре данный речевой акт часто сосредоточен на собственных переживаниях говорящего без грубого вторжения в личные границы адресата, что отличает его от более прямолинейных и категоричных русских стратегий [3].

Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (The Catcher in the Rye) обладает уникальной прагматической спецификой. Дискурс произведения строится вокруг внутреннего мира и переживаний главного героя Холдена Колфилда, для которого характерно резкое неприятие социальных условностей, выраженное, например, в прямом назывании персонажем этого как «phoniness» («липой»). Эмоционально насыщенная, разговорная речь героя и его внутренний монолог создают естественную среду для функционирования упрёка. В данном произведении упрёк является не только средством регуляции поведения в быту, но и отражением конфликта во взгляде на мир, инструментом защиты «своего» мира и способом проведения границы между сырой и ничем неприкрытой правдой и конформизмом.

Так, выражение упрёка при контекстуальной обусловленности в романе Сэлинджера приводит к анализу экстралингвистических факторов (статус собеседника, степень близости, эмоциональный фон и неприятие фальши),

которые влияют на выбор прагмалингвистических маркеров (пейоративов, синтаксических конструкций, идиом) в английском оригинале.

Ниже приводится анализ речевого акта «упрёк» с точки зрения его контекстуальной обусловленности в русле прагмалингвистики.

(1) **Оригинал:** *«You don't even know if her first name is Jane or Jean, ya goddam moron!»* [10, p. 44].

Перевод: *«Ты даже не знаешь, как её зовут – Джин или Джейн, кретин несчастный!»* [9, с. 34].

Холден узнает, что Стрэдлейтер идёт на свидание с Джейн Галлахер, девушкой, которая вызывает чувство симпатии у главного героя вследствие искренности её личности. Сосед по комнате привык коверкать часто имена людей, так как не видит особой ценности во внимании к деталям, если связь для него функциональна. По сути, упрёк касается незнания имени, но контекст позволяет нам понять истинное намерение: иллокутивной целью является защита индивидуальности Джейн как личности. Прагмалингвистическими маркерами выступают *moron* и усилитель *goddam*, которые в английском дискурсе маркируют крайнюю степень фрустрации и презрения. Статусное равенство собеседников позволяет использовать прямую агрессию. В русском переводе *goddam* был опущен, а *moron* заменено на *«кретин несчастный*», что подтверждает экспрессивность оригинала, требующую прагматической адаптации для русскоязычного читателя.

(2) **Оригинал**: *«How 'bout cutting your nails over the table, hey? I've asked you about fifty –»* [10, p. 24].

Перевод: *«Слушай, может быть, ты всё-таки будешь стричь ногти над столом? Я тебя раз пятьдесят просил...»* [9, с. 22].

Колфилд обращается к Экли, который любит заходить в его комнату когда вздумается, настолько что может проводить гигиенические процедуры здесь же. Отношения между собеседниками также неформальные, так как они живут вместе в общежитии, но со стороны Холдена есть скрытая неприязнь. Английская конструкция *How 'bout...?* (риторический вопрос-побуждение) в сочетании с *about fifty* (гипербола) передаёт не только просьбу, а раздражение от систематического нарушения личных границ. Бытовой упрёк заряжен на исправление поведения адресата. Контекст вынужденного соседства определяет выбор разговорной, но эмоционально заряженной синтаксической конструкции, передающей нарастающее недовольство.

(3) **Оригинал**: *«You always do everything backasswards. No wonder you're flunking the hell out of here. You don't do one damn thing the way you're supposed to. I mean it. Not one damn thing»* [10, p. 41].

Перевод: *«Всё ты делаешь через ж... кувырком. Ничего удивительного, что тебя отсюда выкинули. Никогда ты ничего не сделаешь по-человечески. Никогда! Понял?»* [9, с. 32].

Стрэдлейтер недоволен сочинением Холдена. Первый чувствует себя успешнее, красивее, умнее чем его противник, обесценивая творческий порыв второго, так как он хотел получить обычный описательный текст для сдачи

домашней работы, нежели эмоционально-сыро заряженный рассказ о надписях на бейсбольной перчатке умершего брата Колфилда. Упрёк строится на наречии *always*, пейоративе *backasswards* и эмфатической конструкции *No wonder....* Адресат лишается права на ошибку, его действия приравниваются к социальной несостоятельности (*flunking the hell out of here*). Перлокутивный эффект достигается за счёт лексических повторов (*Not one damn thing*), что создает ритм нарастающего психологического давления. Используя эвфемизм «*через ж... кувырком*» и восклицательные предложения, переводчики адекватно передали прагматику доминирования в английском оригинале.

(4) **Оригинал**: *«You give me a royal pain in the ass, if you want to know the truth»* [10, p. 131].

Перевод: *«Ты мне действуешь на нервы, если хочешь знать правду»* [9, с. 84].

На свидании с Салли Хейс главный герой разочаровывается в девушке, считая её фальшивой как и все, и подверженной конформизму, когда она не соглашается взять и бросить всё, чтобы поехать с ним непонятно куда и зачем, по её мнению, даже если позыв к действию со стороны Холдена искренний и свободный. Идиома *a royal pain in the ass* передаёт степень крайнего раздражения, допустимого в условиях некой близости между людьми или эмоционального взрыва. Учитывая контекст, это помогает выразить накопившуюся усталость от притворства собеседницы. В русском переводе идиома была передана мягче с помощью выражения *«действуешь на нервы».* Так, прагматический потенциал оригинального текста допускает большую степень грубости, по сравнению с русским переводом. Тем не менее, иллокутивная цель, а именно, выражение отчуждения, сохраняется.

Таким образом, анализ романа Дж. Д. Сэлинджера показывает, что в англоязычном художественном дискурсе речевой акт «упрёк» не просто служит выражением неодобрения в ответ на действия другого человека, а скрывает в себе целый внутренний конфликт, степень раскрытия которого зависит прямо пропорционально от контекста. То есть, здесь прагматика включает в себя понятия: где происходит речевая деятельность, в каких условиях, насколько близки и равны по статусу собеседники, каково эмоциональным состояние говорящего. В данном произведении упрёк выполняет не только основную регулятивную функцию, но и защитную, экспрессивную и мировоззренческую функции, обнажая идеологическую пропасть между героем и окружающим миром.

Если попытаться взглянуть на проблему речевого акта с позиции психолингвистики, приведённый выше анализ, в действительности, не отражает в полной мере реальной динамики речевого акта как составляющей речевой деятельности человека. Как известно, с позиции психолингвистического подхода, речевой акт представляет собой динамический процесс речевого общения, рассматриваемый не только в плане следования коммуникантами определенным правилам языка и социума, но и как целенаправленное психическое и речевое действие автора или адресата.

Иными словами, психолингвистический анализ речевых актов делает попытку ответить на вопрос: как речевой акт порождается в сознании говорящего или пишущего, т.е. автора высказывания с одной стороны, а с другой – как он понимается и интерпретируется в вербальном сознании слушающего или читающего, т.е. адресата.

Контекстуальная или ситуативная обусловленность также учитывается в психолингвистических исследованиях. Здесь, прежде всего, принимаются во внимание психологическое состояние говорящего, его эмоциональное состояние, а также его личный опыт и знания, определяющие личностный смысл.

Согласно концепции А. А. Леонтьева, одного из основоположников отечественной психолингвистики, речевой акт рассматривается в качестве составляющей речевой деятельности в целом [4]. При этом он обладает всеми характеристиками любого действия человека, такими как мотивация, целенаправленность, контролирование. Речевой акт, как и любая речевая деятельность, представляет собой движение от мотива, мысли и внутренней речи к внешней речи.

Адресат, воспринимающий внешнюю речь, также не просто расшифровывает значения высказывания или его отдельных слов, но пытается реконструировать его *смысл.* Как показывают исследования уфимского направления «Психолингвистика текста», исходный смысл автора и адресата часто не только не совпадают, но могут противоречить друг другу [8]. Происходит это потому, что в процессах понимания смысл высказывания, по теории текста А. И. Новикова, представляет собой проекцию сознания адресата на содержание воспринимаемой и интерпретируемой им информации [6].

Применение принципов метода «встречного текста» А. И. Новикова в процессе первичного анализа приведённого выше материала англоязычного художественного дискурса позволяет выявить преобладание в анализируемых примерах речевого акта «упрёк» как на английском языке, так и в переводе на русский язык преобладание следующих видов реакций. Прежде всего, это реакции *эмоциональной оценки*, присутствующие в каждом примере (*goddam moron, do everything backasswards, give me a royal pain in the ass*; далее, следует реакция *побуждения* (*How ’bout…, if you want to know the truth);* реакция *прогнозирования (You don’t do one damn thing the way you’re supposed to).*

Как представляется, в перспективе инструментом исследования и построения модели речевого акта «упрёк» может стать метод «встречного текста» А. И. Новикова, позволяющий выявить все реакции адресата, в том числе и имплицитные, на воспринимаемую и интерпретируемую информацию.

Список цитируемой литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

2. Давыдова Т. А. Речевой акт упрека в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004. 24 с.
3. Ларина Т. В. Англичане и русские: Язык, культура, коммуникация. М.: Языки славянских культур, 2013. 360 с.
4. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл: Academia, 2005. 288 с.
5. Лионс Дж. Семиантика: В 2-х т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
6. Новиков А. И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
7. Парре Г. О ситуационном контексте // Семиотика и информатика. Вып. 35. М.: ВИНИТИ, 1998. С. 45–67.
8. Пешкова Н. П. Уфимское направление исследований в русле «Школы А. И. Новикова»: порождение и восприятие текста; интерактивная модель понимания текстов различных типов // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021): коллективная монография /Глава 5/ Научн. ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. Члены редколлегии: Е. Ф. Тарасов, В А. Пищальникова, Н. П. Пешкова, И. В. Шапошникова. М.: Институт языкознания–ММА, 2021. С. 461–470.
9. Сэлинджер, Дж. Д. Над пропастью во ржи: роман / Дж. Д. Сэлинджер; пер. с англ. Р. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2016. 256 с.
10. Salinger, J. D. The Catcher in the Rye: a novel / J. D. Salinger. New York: Little, Brown and Company, 1951. 277 p.

© Пешкова Н. П., Ягофарова С. В., 2026

УДК 81'23

Попова В. Н.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
w.popova2011@yandex.ru

МИГРАЦИОННАЯ ЛИНГВИСТИКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается актуальность миграционной лингвистики на данном этапе развития общества, какими процессами вызвана эта область лингвистики, и что представляет интерес для исследования и получения определенных результатов.
Ключевые слова: миграционная лингвистика, актуальность, преемственность языковых сообществ, социальная интеграция, лингвистические последствия.

Popova V. N.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
w.popova2011@yandex.ru

MIGRATION LINGUISTICS IN MODERN SOCIETY

Abstract. The article examines the relevance of migration linguistics at this stage of societal development. What processes have given rise to this field of linguistics, and what is of interest for research and for obtaining certain results.
Key words: migration linguistics, relevance, continuity of language communities, social integration, linguistic consequences.

Область миграционной лингвистики приобретает актуальность в свете различных концепций политики интеграции и языковой политики отдельных государств, их влияния на воссоздание, разграничение и преемственность языковых и культурных сообществ. С этим существенно связан вопрос социальной и языковой изоляции или интеграции сообществ мигрантов в европейское общество как реципиента. В центре описания миграционной лингвистики находится многоязычный индивид, его взаимодействие, контакты, коммуникативные вариации, а также помехи языкового плана в ходе динамики контакта. Насколько легко проходит общение, какие особенности выявлены? И каким образом происходит обмен информацией?

В ходе соответствующих исследований результаты соотносятся обществом с социально-политическими и образовательными аспектами миграционных процессов и, как следствие, могут быть практически немедленно применены в политических действиях.

Особое значение приобретает миграционная лингвистика, именно в свете миграционного движения последних десятков лет, которые снова ставят большие сообщества мигрантов перед ситуациями овладения вторым языком

для лингвистической и социальной интеграции, либо же лингвистической и социальной изоляции. В настоящее время эти движения охватывают крупные группы мигрантов, например, из Африки в Европу, из Восточной Европы в Западную Европу и за границу. Наряду с этим в результате европейской интеграции в меньшей степени происходят миграционные перемещения между европейскими странами, внутренняя миграция внутри стран Европы. Таким образом, между европейскими странами усиливается трудовая миграция, ее постоянный или временный характер не может быть окончательно отражён (например, миграция специалистов из Западной Европы в Северную Европу).

Лингвистическая направленность внутренней миграции основана на изучение лингвистических аспектов миграции из сельской местности и языковых конфликтов в мегаполисах, отдельных общин и генезиса особых языковых форм (например, молодежный язык и технолекты).

Некоторые исследования, ограниченные регионами, рассматриваются как подробный и, в некоторых случаях, сложный анализ. Но в них отсутствует конкретная концепция, и они воспринимаются методологически разрозненными, из них также невозможно получить применимые концепции описания для анализа миграционной лингвистики.

С 1980-х годов было принято систематическое исследование многоязычия в миграционных контекстах. На начальном этапе были опубликованы важные работы по многоязычной Швейцарии. Следующий этап миграционной лингвистики – примерно в последние 10 лет не представляет ни предметно-ориентированных и понятных методологических предложений, ни анализов случаев, пригодных для других применений, которые соответствовали бы предметной области лингвистики миграции. Большинство исследований включают описание исторических процессов развития, которые не могут быть восприняты, как лингвистический анализ миграции.

Также миграционная лингвистика охватывает как миграцию, пересекающую государственные границы, так и последствия внутренней миграции, например, переселение из сельской местности, либо миграция рабочей силы. Такие процессы вызывают целый пласт замены элементов в области отдельных языков, в этом случае следует изучить этот языковой срез. Такие миграционные перемещения внутри страны приводят к значительным изменениям языкового ландшафта. Стандартные языки в определённых странах получают явные отклонения от установленных норм, например, здесь можно упомянуть тюркско-немецкий, магрибский французский или индийский английский.

В отличие от классических лингвистических подходов, основанных на изучении социолингвистических профилей, мобильность многоязычного человека, а также возникающие в результате взаимодействия, вариации и интерференция между языками приводят к усилению внимания к мигрантам и лингвистическим трудностям. Важную роль здесь играют лексические, орфоэпические, стилистические элементы. При этом характерным признаком является сочетание этнического и языкового самосознания.

Все элементы языковой дифференциации, вариативности на стороне говорящего и речевого контакта включают переход от описания, основанного на местности, к описанию, основанному на мобильности.

Кроме того, мобильность и миграция – это открытые процессы, которые обычно происходят между поколениями и, которые необходимо подробно описать. Именно в миграционной лингвистике процесс столкновения "своего" и "чужого" может быть особенно четко определен на основе языкового поведения индивидов и, соответственно, на основе языковых контактов. Цель состоит в том, чтобы представить в первую очередь не культурные и языковые различия, возникающие в результате мобильности и миграции, а происходящие постепенные изменения в лингвистической деятельности. В своей работе А. М.Шахнарович указывал, что при овладении фразовой речью, требующей умений строить программу высказывания, грамматически структурировать, т.е. отбирать, развертывать упорядочивать единицы языка ребенок овладевает и психологической предикативностью, и предикативными отношениями [3].

Результатом миграционных перемещений являются различные типы языковых контактов, языковых изменений и языковой культурной передачи, проявления которых требуют более тщательного изучения в области миграционной лингвистики. Результаты могут быть получены путем разработки эмпирически обоснованных методов описания миграции, языкового контакта и интеграции и, следовательно, концептуального инструментария, который учитывает выводы и результаты контактной лингвистики.

В условиях глобализации, с одной стороны, и прогрессивной интеграции, с другой, миграция, языковые контакты и многоязычие являются центральными темами, которые требуют срочного научного изучения и описания.

Изучение и анализ взаимосвязей языка и миграции подразумевает для лингвистики междисциплинарную перспективу как дополнительную ценность благодаря сотрудничеству с литературоведами, историками и культурологами в том смысле, что становится возможным рациональный порядок рассмотрения языковых сообществ, литературных сообществ и культурных сообществ, которые развиваются в аналогичной последовательности. Все элементы развития могут проявляться в дискурсах, в текстах и в культуре миграционных сообществ. В соответствии с такими традициями дискурса, текстовых традиций и культурных традиций вновь сформированное плюрикультурное сообщество находится в начале формирования новых культур, порождённых мобильностью. Плюрикультурализм сообществ охватывает собственное культурно-языковое многообразие, включая опыт взаимодействия с культурным разнообразием другого языкового сообщества. Н. П. Пешкова в своей статье подчеркивает, что практически любые языковые средства и текстовые характеристики могут оказаться полезными для достижения цели речевого воздействия [2].

Для исследований в этой области нужно изучить и проанализировать процессы миграции и связанные с этим явлением речевые и графические элементы, необходимые для благоприятных условий жизни в данной

местности, также не нарушающие культурные и исторические традиции. В процессе миграции взаимоотношения представителей различных культурных слоев и языковых сообществ претерпевают значительные изменения, что в свою очередь вызывает необходимость изучения и анализа тех лингвистических изменений, которые происходят на данном этапе.

В современном обществе социальные сети охватывают все сферы деятельности. Общение в чатах – это весомая часть повседневной жизни, включая жизненное пространство, рабочее пространство, увлечения. Для всех платформ коммуникации уже закрепились определенные формы общения, в этом контексте следует упомянуть модель Коха и Остеррайхера, разработанную для взаимосвязи письменной и устной речи. Эта модель дает возможность оформления и размещения любого высказывания, например, общение в чате, которая учитывает особенности, количество участников общения, также темы для речевого контакта. Сообщения в чате сокращаются и упрощаются с помощью графических элементов, например, смайликов.

В целом, графические символы могут заменять словосочетания и некоторые предложения. Конечно, эти знаки благоприятны для цифровой коммуникации, они облегчают восприятие информации, но они не обогащают лексический минимум, не улучшают высказывание в речевом плане, что является важным этапом в миграционной лингвистике. Для плодотворного общения необходимо сочетание речевых навыков в зависимости от того, для какой цели, в какой ситуации, с каким собеседником происходит общение [1].

Список цитируемой литературы

1. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2005. С. 221.
2. Пешкова Н. П. Лингвистический ландшафт полиэтнического года: особенности вербального воздействия. // Вопросы психолингвистики. https://iling-ran.ru/library/voprosy/33/9_Peshkova.pdf - С. 111.
3. Шахнарович А. М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185–220.

© Попова В. Н., 2026

УДК 81’42

Титлова А. С.
Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
nastyatitl@gmail.com

ЭРРАТИВИЗАЦИЯ АНТРОПОНИМОВ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается эррativизация как одна из характеристик интернет-дискурса. Отмечается, что голофрастические конструкции как один из видов намеренного ошибочного написания являются одними из наиболее частотных. Подчеркивается, что намеренное искажение антропонимов придает таким именам собственным негативную эмоциональную окраску и выполняет функцию шейминга.
Ключевые слова: эррatив, голофраза, антропоним, интернет-дискурс, коннотация, шейминг.

Titlova A. S.
Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
nastyatitl@gmail.com

ERRATIVIZATION OF ANTHROPONYMS IN INTERNET-DISCOURSE

Abstract. The article examines errativization as a characteristic feature of internet discourse. It notes that holophrastic constructions – a type of deliberate misspelling – are among the most frequently occurring forms. Furthermore, it highlights that the intentional distortion of anthroponyms imparts a negative emotional connotation to these proper names and serves the function of shaming.
Key words: errative, holophrase, anthroponym, internet discourse, connotation, shaming.

Среди множества характерных особенностей интернет-дискурса, отличающего его от других видов дискурса, следует, на наш взгляд, особо отметить эррativизацию. Данный феномен, зачастую, порожден стремлением участников онлайн-коммуникации отразить в процессе общения свои эмоции, поскольку в письменном виде выбор экспрессивных средств коммуникации гораздо более скуден, чем в процессе устного общения.

Под эррativами в настоящей статье мы понимаем намеренное ошибочное написание лексической единицы. При намеренности, неслучайности, выхода за пределы языковой нормы речь идет не об опечатках или незнании правил, а о сознательной неграмотности. Среди коммуникативных целей такого речевого поведения можно отметить стремление быть отличиться, произвести комический эффект, экономия времени и усилий, протест против общепринятых правил [1].

Отметим, что эрративизация как коммуникативный прием, согласно проведенному автором анализу материала, характерна для вполне образованных и грамотных сетевых пользователей. Многие опрошенные коммуниканты отмечают, что намеренно искажают лексические единицы с целью придать сообщению оттенок юмора, иронии, сарказма, а иногда просто потому, что так «прикольнее» или «короче». Уместно использованные эрративы создают языковую игру, каламбур, шутку за счёт столкновения нормы и её искажения. Это типично для интернет-культуры, мемов, неформального общения.

Голофрастические конструкции являются одними из наиболее частотных окказиональных эррративных коммуникативных конструкций. Под голофразой здесь следует понимать графический прием слияния нескольких элементов в единое целое с помощью стирания пробелов. В настоящее время в интернет-коммуникации голофрастические конструкции настолько употребительны, что зачастую становятся идиоматическими выражениями: *ойвсё, нуянемогу, фигасе;* или маркерами дискурса*: нуилан, канеш, ищщобы.* В приведенных выше примерах эрративы выполняют функцию передачи интонации и имитации устной речи. Искажения могут имитировать произношение, акцент, темп, паузы, «проглатывание» звуков. Это помогает сделать текст более живым и разговорным.

Голофрастическое написание наиболее ярко проявляется при создании хештегов. Хэштеги – это популярный инструмент в интернет-дискурсе, выполняющий несколько функций. Это, во-первых, эмоциональное и социальное воздействие: хэштеги формируют чувство причастности, дают ощущение «своего круга». Когда человек видит знакомый хештег, он чувствует принадлежность к сообществу: «тут про то, что мне интересно». Это усиливает вовлечённость пользователей в процесс коммуникации. Хэштеги также повышают доверие через прозрачность. Если автор последовательно использует понятные теги, читатель воспринимает это как системность и экспертность: «у него тут всё по полочкам».

Приведем несколько примеров: *#Нашликогонетеряли, #простопоржать, #классекамемов, #праститиизвинити, #бабьековарствонезнаетграниц.* Закономерно, что наибольший воздействующий эффект и эмоциональный отклик получают индивидуально-авторские примеры голофразиса, привносящие дополнительный смысл, чаще ироничный, саркастичный оттенок. Некоторые из них стали интернет-мемами: *яжмать, тыжмать*, *дайтеденяк.*

Одной из функций окказиональных эррративов в каналах и комментариях является приписывание характеристики описываемому персонажу. Это так называемая характерологическая функция, когда эрративы помогают создать речевую характеристику персонажа: передать его уровень образования, социальный статус, диалект, просторечие, возраст.

Приведем несколько примеров из так называемого «антика» – канала, в котором обсуждаются знаменитости, зачастую в негативном ключе. Так, администраторами и комментаторами канала высмеиваются и шеймятся

внешние данные, одежда, род занятий, политические взгляды, сексуальная ориентация и пр. Все перечисленные виды шейминга отражаются, в том числе, и в отантропонимических хэштегах, присваиваемых «пациентам» таких каналов.

#дедНОташ – одновременно подчеркивается возраст человека и его склонность одеваться в одежду противоположного пола.

#Сергейша – контаминация с тройным значением: имя собственное, сексуальная ориентация и (*гейша*) предполагаемый способ заработка.

#Оксауна – антропоним в сочетании с (предположительно) прошлой работой обсуждаемого человека.

#Гора – эрративизированное написание (путем перестановки букв) имени Гоар. Явная отсылка к внешности (лишнему весу).

#Муцечтототам – часть фамилии актрисы Агаты Муцениеце в сочетании с неопределенными местоимениями. Подчеркивает малоизвестность актрисы.

#Харлаша – пренебрежительная эрративизация фамилии комика Харламова. Прослеживается явная негативная коннотация.

В качестве вывода отметим, что намеренное искажение антропонимов (их эрративизация), несомненно, придает таким именам собственным негативную эмоциональную окраску и выполняет функцию шейминга.

Список цитируемой литературы

1. Пешкова Н.П., Моисеева А. В., Титлова А. С. Интернет-общение и "жизнь языка": эрративы как одна из особенностей современной коммуникации. // Вопросы современной лингвистики, 2024. №6. С. 56-70.

© Титлова А. С., 2026

УДК 82-1/-9

Туржанова Т. Н.
Евразийский гуманитарный институт имени А. К. Кусаинова, Астана, Казахстан
tturzhanova@gmail.com

Ч. ДИККЕНС И Ф. ДОСТОЕВСКИЙ. ИНТРИГА КАК ФАКТОР ЖАНРООБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Статья направлена на описание направлений англоязычной критики, посвященной интриге в поэтике Ч. Диккенса, установлению типологии и отличий от метода Ф. Достоевского. В работе рассмотрены факторы, определившие кардинальные отличия романистов. Такой подход способствует выявлению связи между сюжето- и жанрообразованием, своеобразием английского и русского реализма. В работе обосновано и отличие поэтик двух писателей, связанное с феноменом трансгрессии.
Ключевые слова: нарративные стратегии, христианство, метафизический гуманизм, сюжет, трансгрессия, реализм.

Turzhanova T. N.
A.K. Kussayinov Eurasian Humanities Institute, Astana, Kazakhstan
tturzhanova@gmail.com

CHARLES DICKENS AND FYODOR DOSTOEVSKY. INTRIGUE AS A FACTOR IN GENRE FORMATION

Abstract. This article aims to examine trends in English-language literary criticism concerning intrigue in the poetics of Charles Dickens and to identify typological similarities and differences between his artistic method and that of Fyodor Dostoevsky. The study explores the factors underlying the fundamental differences between the two novelists. This approach contributes to understanding the relationship between plot construction and genre formation, as well as the distinctive features of English and Russian realism. The article also demonstrates the differences between the poetics of the two writers in relation to the phenomenon of transgression.
Key words: narrative strategies, Christianity, metaphysical humanism, plot, transgression, realism.

В истории русской литературы сформировалась традиция, которая касается сравнения Ф. Достоевского и Ч. Диккенса. Предметом сопоставления российских ученых стали рецепция романистики английского писателя, архетипы – христианские (в контексте христианских мотивов и рождественских историй, изображения внутреннего мира ребенка), сироты, онейрический.

Между тем представляет интерес англоязычная научная рецепция, обращенная не только к сопоставлению двух писателей, но и поэтике Диккенса, выявляющая различие исследовательских подходов и пути трансляции на историко-культурную почву, позволяющей, в свою очередь, установить новые результаты в процессе компаративного анализа.

Человеческие пороки и криминальные сюжеты не становились предметом сопоставления с позиций построения интриги, следовательно – специфики сюжетостроения как фактора жанрообразования. Так вырабатывается возможность классифицировать дефиниции не только для выявления общности и отличий двух писателей, но и факторов, их определивших.

Цель настоящей статьи заключается в обобщении исследований поэтики Диккенса в англоязычной науке, актуальных для понимания связи между интригой и жанром как признаками национальной и авторской специфики. Задачи работы касаются выявления тенденций, направленных на выработку положений для изучения интриги, ее влияния на жанр и национальную специфику реализма. Объект исследования – научные работы на английском языке, рассмотренные в ракурсе заявленной темы применительно к роману «Oliver Twist; or, the Parish Boy’s Progress» (The Adventures of Oliver Twist). Предмет обсуждения – типология и отличия писателей, а также обусловившие их факторы.

В англоязычном научном дискурсе показательны для предпринятого опыта следующие направления. Первое связано с особенностью трактовки криминальной темы у Диккенса. Л. Вулф обратил внимание на книгу Д. Миллера «Роман и полиция», посвященную изображению преступного мира и выделил понятия «внутренней связности преступной среды как структурированного пространства или сети», «системного характера преступности» и «замкнутости преступного мира», или: «“coherence of delinquency, as a structured milieu or network,” the “systematic nature of delinquency,” the “closed-circuit character of delinquency”» [10, с. 227]. Второе направление – выявление новаторства Диккенса в связи с нарративными стратегиями предпринято Л. Вулфом. Ученый – в связи с особенностями изображения криминального мира – обратил внимание на композиционную особенность и специфику нарративной стратегии: «…suggests more generally that nineteenth-century omniscient narration allows the author and reader to participate in the detective surveillance of the enclosed criminal world.» (всеведущее повествование XIX века позволяет автору и читателю участвовать в своего рода полицейском надзоре за изолированным преступным миром) [10, с. 227]. Исследователь выявил преемственность Диккенса по отношению к литературной традиции повествования и описал роли автора и читателя как «полицейских», т.е. блюстителей порядка. В таком подходе писателя исследователь усматривает традиционный для английской литературы способ воплощения морали и ценностей общества.

На примере сопоставления преступности как объекта изображения у Диккенса и Достоевского Вулф исследовал нарративные приемы в качестве

способов построения интриги и выделил среди них следующие: детективную игру, тайну подполья, целостный и загадочный характер преступности.

Интрига, намеки у Диккенса: «Dickens's careful avoidance of explicit terms made Oliver Twist, on the threshold of the Victorian era, a novel of narrative tension between the confused criminality of ‘all that's bad,’ maintaining its moral mysteries, and the detective impulse of criminal science, to investigate, discover, and identify, to classify the criminal according to the crime» (сознательное избегание прямых выражений превратило роман в повествование, напряжённо колеблющееся между туманной преступностью – ”всем дурным“ – и детективным стремлением расследовать, классифицировать и назвать преступление) [8, с. 229–230] – приобретают у английского ученого характер продуманной стратегии повествования, которая была следствием табу и отголоском викторианской эпохи. Поэтому оправдан прием игры у писателя, когда читателю делегируется роль сыщика. В этом отношении заслуживает упоминания классификация в книге «Труд и бедняки Лондона» (1849-1850) Г. Мэйхью [10, с. 230]. Автор книги сравнивает Уильяма Эктона, который, подобно Диккенсу, сопоставлял малолетних проституток с их братьями, которые в том же возрасте занимаются воровством. У английских писателей читатель должен играть роль сыщика: «…the relation is closer still and less emphatically distinct, for both require the reader to assume the role of detective, distinguishing ostensible honesty from secret criminality in Mayhew, clarifying the narrative obscurity of evil with an inferential calculus of crime in Dickens» (у Мэйхью – различать внешне честное занятие и скрытое преступление, у Диккенса – прояснять смутный образ зла посредством умозаключений) [10, с. 231]. Так был сделан вывод о функции воровства как социального феномена и метонимии всего преступного целого. Читатель должен восстановить картину преступности в части запретных тем из намёков.

Упоминаемые Вулфом «намеки и умолчания» перекликаются с книгой М. Пуви *Uneven Developments: The Ideological Work of Gender in Mid-Victorian England* (1988) (Неравномерное развитие: идеологическая работа гендера в Англии середины викторианской эпохи) [10, с. 228]. Пуви обращает внимание на прием умолчания и намеки, обусловленные двойной моралью викторианской эпохи. Исследователь имеет в виду отсутствие прямого упоминания половой преступности в отношении малолетних, что объясняет неопределённость в изображении детской преступности в «Оливере Твисте». Пуви объясняет это подавленными противоречиями между оппозициями: мужским и женским, гетеросексуальностью и гомосексуальностью, невинностью и преступностью [10, с. 229]. Здесь выделена тема гендерного фактора как авторской социальной позиции. И это третье направление, значимое для заявленной темы статьи.

Принцип Диккенса, который Вулф называет исключением оскорбительных подробностей и объясняет изображение крайнего зла через неизбежный вывод, дает основание ученому усмотреть здесь общность с Достоевским. Предметом исследования Вулфа стали и отличия в трактовке криминальных тем Диккенсом и Достоевским: у английского писателя

схематизм ролей, угадывание преступления как род детективной игры между автором и публикой, функция читателя-сыщика, намёк и умозаключение как приемы построения интриги.

В стиле Диккенса Вулф обособил символически и семиотически полное понятие, зафиксированное в сленге. Так, жаргонному «prig» (карманник) автор сознательно придает характер тревожной неопределённости. Заявление Плута, что «такими» являются все: он сам, Чарли, Фейгин, Сайкс, Нэнси, Бет и даже собака – становится символом маркированности замкнутого преступного мира.

Мотивы спасения, похищения и усыновления, послужившие для Диккенса идеологической интерпретацией детской невинности, отражают ориентацию писателя на литературную традицию от Ж.-Ж. Руссо до У. Вордсворта. Ссылаясь на Ж. Роуз, отметившей парадокс Ч. Диккенса: ребёнок оказывается одновременно полностью сексуализированным и полностью невинным – английские исследователи замечают, что детство, невинность и сексуальность находятся в центре культуры, но изображены путем тревожных намеков. Собственно, это и объясняет инициативу Диккенса в борьбе за новый Закон о бедных. И здесь кроется значение Диккенса не только для литературы, но и переживавшего кризис института права. Как пишет Вулф: «Indeed, the uncertain innocence of childhood destabilizes the structure of Victorian values…» (Таким образом, нестабильная идея детской невинности расшатывает викторианскую систему ценностей) [10, с. 247].

«Порок», «преступление» и «вина», в которых Вулф усматривает общность и различия Диккенса и Достоевского, требуют уточнения. Если для феномена детства для английских исследователей очевидно «состояние осаждаемой невинности и спорной вины» [10, с. 245], то здесь новая линия расхождения с Достоевским. В ряде принятых к опубликованию и опубликованных статей автора настоящей работы рассматривается архетип ребенка. В неопубликованной работе автора настоящей статьи, посвящённой образу Лизаветы в «Преступлении и наказании», архетип ребёнка рассматривается как объединяющее Соню и Лизавету свойство натуры. Детскость взрослых героинь проявляется в их кротости, робости, смирении и незащищённости, а также в непосредственной вере в справедливость. Если Вулф исследует детскую невинность в её противоречивых отношениях с медицинскими и правовыми представлениями о виновности, то обращение к архетипу ребёнка у Достоевского позволяет перенести внимание на внутреннюю чистоту и уязвимость взрослого человека, остающегося в душе незащищенным ребенком.

В-третьих, активно освоенной российской наукой христианской рецепции Диккенса у Достоевского у английских ученых противопоставлена проблема антисемитизма. Она трактуется как христианская идея английского писателя, использованная в качестве риторического аргумента, инструмента социальной критики, составляющей нравственный центр романа [7, с. 239]. Мнение С. Мейер: «Dickens's Christianity is not an extensively discussed topic in the Dickens criticism» (христианство Диккенса не относится к широко

обсуждаемым темам диккенсоведения) [7, с. 240] – нужно понимать именно в ключе антисемитизма в позиции автора.

Здесь важен и контекст вопроса в английской научной литературе о христианстве и еврейском вопросе. Д. Гросс (1962) писал об интересе Диккенса к искуплению и воскресению, заметил, что христианство писателя «более существенно, чем сегодня принято думать» [7, с. 240]. Э. Сандерс также отмечал, что сочетание “of a sincere but simple enough faith with a general refusal to proclaim it from the house tops... [has] rendered Dickens's insistent Christianity... irrelevant to most modern critical discussion of his work” (искренней, хотя и достаточно простой веры с общим нежеланием провозглашать её с крыш домов) – сделало настойчиво выраженное христианство Диккенса несущественным для большей части современной критической дискуссии о его творчестве [7, с. 240–241]. Другой момент. Когда рассматривается христианство Диккенса, его почти никогда не связывают с изображением евреев. Так, в книге Д. Ларсон «Диккенс и разрушенное Писание» (1985) в главе о религиозной структуре «Оливера Твиста» автор тщательно избегает даже упоминания о том, что Фейгин – еврей [7, с. 241]. Д. Голд (1972) связал христианскую проблематику романа с изображением Фейгина: “Fagin is used for satiric counter-point as a non-Christian (the Jew being the only reasonable choice for this purpose in nineteenth-century England) and not because Dickens was really interested in Jews at all” (Фейгин используется для сатирического контрапункта как нехристианин – еврей был единственным разумным выбором для этой цели в Англии XIX века, – а вовсе не потому, что Диккенс действительно интересовался евреями) [7, с. 241].

Мейер, обобщая приведённые точки зрения, развивает эту мысль: “…the anti-Jewish feeling in Dickens is intricately connected with the social argument that Dickens is often making through his references to Christianity” (антиеврейское чувство у Диккенса сложно переплетено с социальной аргументацией, которую писатель нередко выстраивает посредством обращений к христианству) [7, с. 241]. Исследователь подчёркивает риторическую функцию образа Фейгина. Диккенс использует его для нравственного наставления английских христиан: “…guiding them, by a skillful employment of the rhetoric of antisemitism, towards the practice of what he represents as a true Christianity, characterized by mercy and benevolence toward the poor” (направляя их посредством умелого использования антисемитской риторики к практике того, что он представляет как истинное христианство, характеризующееся милосердием и благожелательностью к бедным) [7, с. 241].

В-четвертых, интересным является мнение Д. Паркера об эстетике ужасов в романе. Этот эксперимент и игру исследователь объясняет биографическим прошлым автора. Отсюда локализация криминальной темы в сфере семейной дисфункции: «Perhaps in this book, for artistic and commercial reasons alone, he needed to deny what he was affirming in his behaviour: marriage, parenthood, responsibility» (взгляд автора на брак, семью, родительство: в «Оливере Твисте» – совсем иной взгляд, если обратиться к тёмной стороне воображения

и дать читателям нечто новое). Возможно, в этой книге он должен был отрицать то, что утверждал собственным поведением: брак, родительство и ответственность. «Оливер Твист» сосредоточен на крахе семьи, на несчастьях и нарушениях, которые её разрушают. Ни в одном другом романе нормальная семья не отодвинута так далеко на периферию [9, с. 45]. Исследователь выделяет игровую природу романа. Так, важная сюжетная коллизия, связанная с тем, что шайка даёт Оливеру первый опыт шутки и игры, а «воспитание» включает насилие, доводит сарказм и юмор автора до предела, когда он описывает «добродетельные наставления» Фейгина. Отсюда уподобление писателем жаргона закрытому семейному языку. Вывод Паркера: «Oliver Twist is an experiment in anarchy at the expense of family order» («Оливер Твист» — эксперимент с анархией в ущерб семейному порядку) [9, с. 45]. В мире романа семья слишком ненадёжна, чтобы выдержать прилив хаоса – становится воплощением анархии и разрушения порядка, обнаруживая трансгрессивную природу романа. Отсюда и пародии на порядок (судебная сцена с Ловким Плутом) и др. Актуальность работы Паркера для заявленной темы статьи интересна рассмотрением трансгрессии как способа воздействия на читателя. Сюжетное разрешение в финале романа было новым для современной Диккенсу литературы: автор оставляет читателя с образом нарушения, а не нормы.

На проблему отличия Достоевского от Диккенса проливает свет мысль Н. Бердяева, который отметил поворотную роль «Записок из подполья» в творчестве русского писателя. По мнению мыслителя, писатель перестал быть «гуманистом в старом смысле слова» и стал «метафизиком, исследующим до глубины трагедию человеческого духа» [2, с. 8]. Если ранний Достоевский – автор произведений об униженных и оскорбленных, близкий к В. Гюго, Ч. Диккенсу, то теперь создание нового «трагического гуманизма» состоит в том, что человек интересует писателя не как объект сострадания, а арена борьбы добра и зла.

Принцип сюжетосложения Диккенса по формуле: «Все дурное» – как прогноз (сценарий) судьбы» – являет еще одно отличие русского писателя от английского. Достоевский в знаменитом Пятикнижии после опыта, пережитого им на каторге и в ссылке, создал новую ветвь реализма, которую современные исследователи характеризуют как идеалистическое, утопическое направление, в отличие от реализма Чернышевского, охватываемой понятием секуляризованного христианства [1]. Суть перелома в мировоззрении и методе русского писателя состоит в идеале духовного преображения в духе аксиологии Православия. Сюжет пророчества и правдоискательства, который привел ученых к выявлению сибирского [1], евангельского [3], американского [4], [5], [6] текстов, служит подтверждением не только отличия Достоевского от Диккенса, но его открытий в русском реализме.

Итак, систематизация результатов в области поэтики Диккенса, сфокусированных вокруг приемов изображения зла, воровства – социального феномена и метонимии преступного целого, христианства как социального

аргумента писателя в борьбе за обновление законодательства, религиозной структуры романа – позволяют выявить, с одной стороны, общность английского и русского романистов в построении интриги и применении приемов детективной игры, тайны подполья, композиционных инструментов (намеки, умолчание), игровой поэтике (сарказм, юмор). Вместе с тем приведенные труды указывают на отличия Достоевского, которые обусловили его новаторство и специфику русского реализма. Они заключаются в ином освещении трансгрессии. Становление нового «метафизического гуманизма» – в духе аксиологии Православия – объясняет новую природу сюжетосложения как фактора жанрообразования. В отличие от социального романа Диккенса, с выраженной авантюрной линией, жанр книг Достоевского о преступности характеризуется признаками религиозно-мифологической утопии.

Список цитируемой литературы

1. Байтурина У. К. Риторика права и сознания в романе Ф. Достоевского: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD): 8D02314 – Литературоведение: защита 06.12.25 / У. К. Байтурина; научный консультант К. Б. Уразаева; зарубежный консультант И. В. Моклецова; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана, 2025. 150 с.
2. Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. М.: АСТ, 2006. 254 с.
3. Габдуллина В. И. Евангельская притча в авторском дискурсе Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2008. 303 с.
4. Кибальник С. А. Метафора свободы или аллегория самоубийства? «Америка» в художественном мире Достоевского // Литература двух Америк. 2021. № 11. С. 8–33.
5. Ренанский А. Л. Очерки поэтики Достоевского. Минск: БГУКИ, 2015. 312 с.
6. Сараскина Л. И. Америка как миф и утопия: бегство в никуда // Сараскина Л. И. Испытание будущим. Ф. М. Достоевский как участник современной культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 133–146.
7. Meyer S. Antisemitism and Social Critique in Dickens’s Oliver Twist // Victorian Literature and Culture. 2005. Vol. 33, no. 1. P. 239–252.
8. Miller D. A. The Novel and the Police. Berkeley: University of California Press, 1988.
9. Parker D. Oliver Twist and the Fugitive Family // Dickens Studies Annual. 2000. Vol. 29. P. 41–59.
10. Wolff L. “The Boys Are Pickpockets, and the Girl Is a Prostitute”: Gender and Juvenile Criminality in Early Victorian England from Oliver Twist to London Labour // New Literary History. 1996. Vol. 27, no. 2. P. 227–249.

© Туржанова Т. Н., 2026

УДК 82'282

Уразаева К. Б.
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
kuralay_uraz@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ И ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРАКТИКА И РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена концепции учебной программы по дисциплине «Художественный перевод в контексте межкультурной коммуникации». Изучение межкультурной и интракультурной коммуникации построено на междисплинароном характере предмета. Связь литературоведческого переводоведения с историей и теорией литературы рассмотрена в аспекте роли русского языка-посредника в переводческой практике, места художественного перевода в принимающей культуры, как источника обновления образов, жанров. Обосновано критическое отношение к колонизации знания, теории символического насилия, рассмотрено понятие «невидимого переводчика», подготовка переводчиков новой формации на фоне развития информационных технологий с позиции эпистемической борьбы.
Ключевые слова: художественный перевод, культурный трансфер, язык-посредник, литература, русские и казахские переводы, эпистемиология.

Urazayeva K. B.
L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
kuralay_uraz@mail.ru

INTERCULTURAL AND INTRACULTURAL COMMUNICATION AS A FIELD OF STUDY. TRANSLATION PRACTICE AND THE RESTRUCTURING OF TRANSLATION STUDIES

Abstract. This article examines the concept of a curriculum for the subject ‘Literary Translation in the Context of Intercultural Communication’. The study of intercultural and intracultural communication is based on the interdisciplinary nature of the subject. The connection between literary translation studies and the history and theory of literature is examined in terms of the role of the Russian language as an intermediary in translation practice, and the place of literary translation in the target culture as a source of renewal for images and genres. A critical stance towards the colonisation of knowledge and theories of symbolic violence is justified; the concept of the ‘invisible translator’ is examined, as is the training of a new generation of

translators against the backdrop of the development of information technology from the perspective of epistemic struggle.
Key words: literary translation, cultural transfer, intermediary language, literature, Russian and Kazakh translations, epistemology.

Современное переводоведение переживает реструктуризацию, обусловленную рядом обстоятельств. В этом ряду интерес представляют факторы, связывающую теорию с переводческой практикой. Изменение задач, стоящих перед переводчиком, его статуса, влияние ИИ, роль русского языка-посредника в промежуточных переводах расширяют представление о переводе как социальном явлении и культурном трансфере. Борьба агентов на книжном издательском рынке отражает изменения в механизме фильтрации, включающем новые принципы отбора произведений для объекта, переводческие стратегии, запрос на прямые переводы. Трансформация переводчика от соавтора к переводчику как постредактору / творческому оператору (AI-assisted literary translation), развитие цифровых технологий поднимают в образовании задачу подготовки новой формации переводчиков. Художественный перевод перешагнул границы диалога культур, он способствует контролю над интерпретацией фактов и, соответственно, картиной мира, восприятием мира и формированием идентичности. Иными словами, художественный перевод становится ареной эпистемической борьбы.

Если дискуссии об оценке советского прошлого и влиянии канонов переводческой школы ставят вопрос о кризисе советской идентичности и рисках колонизации знания, то теперь кризис идентичности в границах сознания переводчика происходит на фоне ИИ как «цифрового медиатора смыслов». В основе факторов стирания культурной идентичности оригинала теперь рассматриваются результаты машинного перевода, способного формировать глобализированную, гомогенную культурную идентичность. В этих условиях возрастает значение формирования у студентов критического отношения к современным теориям переводоведения, развивающим идеи П. Бурдьё, в том числе взгляд на переводчика как социально активного субъекта (агента), который формирует культуру, участвует в перераспределении власти и находится под влиянием социальных институтов. Так, изучение межкультурной и интракультурной коммуникации обретает полноту в процессе знакомства с теорией «невидимого переводчика» Л. Венути [7] (1995), символического насилия Д. Симеони и понятием габитуса переводчика (1998) [6, с. 1–39]. Эти теории помогают понять общность русских переводов сказки О. Уайльда, лирики Абая с трансформацией жанра оригинала, казахских переводов русской классики, стирающих языковую и литературную игру писателей, двоякую событийность оригинала и т.д. и ее причины. Вместе с тем понятие *«колониальности знания»* в триаде *«колониальность власти – знания – бытия»* В. Миньоло [5] о власти эпистемических стандартов доминирующих языков в процессе перевода над локальным опытом переводимых культур младописьменных народов, открываемых национальных

литератур отвергается переводами мировой классики на языки народов СССР и в случае обратных переводов. Выражающие данную теорию понятия символического насилия и «иллюзио», которые подтверждаются переводами литературы из стран «третьего мира» на английский язык, что дало повод усмотреть в этом жесткую коммерческую адаптацию (форенизацию), стирающей культурную идентичность оригинала, опровергается практикой переводов мировой литературы не только путем прямых, но и промежуточных переводов при помощи русского языка-посредника. Так и современные переводы казахской литературы на английский язык осуществляются в том числе с русских переводов советского времени. Поэтому механизм фильтрации в переводческой практике нуждается не только в объективной оценке, но и реализации в учебном процессе.

Цель статьи заключается в обосновании связи между межкультурной и интракультурной коммуникацией как основы учебно-методической концепции курса, апробация которого в магистратуре направлена на понимание академических задач предмета «Художественный перевод в контексте межкультурной коммуникации» и овладение навыками переводческого анализа. Задачи настоящей работы пролегают в области междисциплинарного характера предмета, а именно: подразумевают понимание связей дисциплины с историей русской, западноевропейской и казахской литератур, с теорией литературы, роли русского языка-посредника в переводческой практике в Казахстане в советский и постсоветский периоды, значимости художественного перевода как части принимающей культуры, источника обновления образов, жанров. В конечном итоге синтез академических, базовых и профильных компетенций предполагает у магистрантов, обучающихся специальности «Русский язык и литература», понимание роли русского языка в переводческой практике как инструмента влияния в эпистемической борьбе.

Теоретическая ценность дисциплины заключается в углублении знаний, полученных в бакалавриате при изучении предмета «История русской литературы первой половины XIX в.», а также в области переводческой деятельности классиков русской литературы, влияния переводов на обновление принимающей культуры, умения анализировать стиль писателей-переводчиков в рамках переводческих компетенций, т.е. предполагается понимание художественного перевода как части литературного процесса. Изучение дискуссионных вопросов литературоведческого переводоведения, рассмотрение художественного перевода в контексте диалога культур выявляет пути и формы взаимодействия культур. Практическая ценность предмета заключается в ожидаемых результатах обучения: знакомство с концептуальными положениями литературоведческого переводоведения, изучение основных моделей художественного перевода и видов переводческих трансформаций, иметь навыки оперирования основными понятиями и базовыми категориями общей теории перевода для понимания роли перевода во влиянии на принимающую культуру, расширение общенаучной понятийной базы обучающихся за счет реализации метапредметных связей. Теоретическая

ценность настоящей работы характеризуется описанием основных результатов диссертационных исследований, выполненных при кафедре русской филологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилева, интегрированных в программу дисциплины. Практическая ценность статьи состоит в доступности упоминаемых работ казахстанских ученых при помощи библиотечной сети ЭБС «Лань», а также высокорейтинговых журналов, журналов и сборников конференций на базе РИНЦ.

Изучение дисциплины подразумевает в текущем учебном году чтение 15 лекций[1], 45 часов практических занятий и 105 часов СРО. При чтении предмета применяется модульный принцип, охватывающий две части академического семестра (7 и 8 недель соответственно). Два модуля: «Взаимодействие культур и точность художественного перевода» и «Художественный перевод и идентичность: риторический идеал и картина мира» – помогают охватить широкий круг вопросов междисциплинарного характера.

В рамках первого модуля, посвященного истории переводоведения в аспекте эволюции представлений о точности перевода, объектами изучения на лекциях являются как научные школы, теории и концепции, так и переводческая деятельность классиков науки на фоне переводческой традиции. Внимание к принципу эквилинеарности М. Лозинского, преемственности Е. Эткинда с классической русской школой поэтического перевода, вопросам перевода в категориях «самовыражение» и «эстетический вкус» в статьях В. Левика, истории и теории русского стиха, переводам и восприятию читателя интегрированы и в более поздний контекст. Буквальный перевод и эволюция представлений, две тенденции в понимании буквального перевода в советское время, труды М. Гаспарова, теория В. Руднева об аналитическом и синтетическом переводе в постсоветское время становятся почвой для выработки современных взглядов магистрантов на значение советской школы перевода и особенности трактовки в постсоветский период.

Понимание двойственной природы и двойственных результатов советского этапа и 90-х гг. в переводоведения коррелирует с изучением эволюции понятий «свобода переводчика», подстрочника, в том числе в трудах А. Карельского. На этом фоне рассматриваются концепции художественного перевода и ведущие методологические подходы казахстанской науки и основные этапы отечественного переводоведения.

Изучение русской литературы в аспекте переводческой практики объясняет введение в последние годы в программу обучения тем, посвященных переводам-парафразам А. Пушкина «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Странник». Это также «озерная» поэзия в русских переводах. Баллада Р. Бернса в переводах С. Маршака, Э. Багрицкого, К. Шангытбаева, поэзия У. Вордсворта в переводах А. С. Пушкина и К. Бальмонта, С. Кольриджа в переводах Н. Гумилева, В. Левика, современных поэтов, Р. Саути, [2]

[1] В контексте обновления образовательных программ каждые три года количество и соотношение кредитов ECTS и соотношение лекционных, практических занятий и самостоятельной работы обучающихся (СРО) может меняться кардинальным образом.

расширяют знания в истории западноевропейской литературы и понимание типологии и специфики романтизма, а также сущности художественного перевода как риторической коммуникации. Переводы-парафразы М. Лермонтова знакомят студентов с опытами интерпретации поэзии И. Гейне, Д. Байрона, А. Мицкевича. Жанр философской медитации, вольные подражания русского поэта-переводчика формируют новые знания о путях обновления романтизма. Закрепление и углубление знаний по теории литературы, в том числе семиотике достигается при изучении русских переводов сказки Уайльда в контексте *означающего* и *означаемого* и парадокса как источника смысло- и жанрообразования [1].

Тема «Абай – переводчик М. Лермонтова», спорные вопросы казахских переводов русского поэта, классификация переводов (вольные и точные переводы, переводы-интерпретации) открывают темы 2-го модуля. Акцент смещается с межкультурной коммуникации на интракультурную и синтез объектов изучения. Отсюда включение в программу не являвшихся в советское время объектом исследования поэзии жырау как предмета этноперевода. Изучение аллегории и символики казахской средневековой поэзии как предметов перевода вписываются в картину становления и особенностей казахской риторической традиции. Изучение картины мира и идентичности в казахской риторике права осуществляется на фоне исторического и компаративного контекста. Так, изучение казахского риторического идеала, идеала власти и правителя, идентичности в риторике права биев, приемы иллокутивного воздействия говорящего на слушающего сравниваются с русским идеалом правителя в Средневековье. Изучение тем, общих для переводоведения, переводческой практики, истории и теории культуры, осуществляется посредством переводов на русский и английский языки, выполненных членами исследовательской группы проекта «AP14870545 Научная концепция казахской риторики: риторический идеал, идентичность, аргументация и речевая практика» (2022–2024). Две книги, изданные в рамках проекта, включены в список обязательной литературы: [3], [4].

Синтез межкультурной и интракультурной коммуникации обеспечивает изучение казахских переводов сказки А. Пушкина. Рассмотрение с позиций доместикации, форенизации, *остранения,* множественности переводов и дисперсий обращает внимание на духовную онтологию сказок Пушкина как объект перевода. Передача комической модальности сказки А. Пушкина в казахских переводах А. Байтурсынова, С. Жиенбаева, З. Кабдолова расширяют представление о казахской литературе, в том числе возращенной.

Роман М. Ауезова «Путь Абая» на русском языке изучается в аспекте способов передачи национального своеобразия и установления роли художественного перевода как источника обусловленных противоречий соцреализма.

Как реализуются принципы изучения межкультурной и интракультурной коммуникации на практических занятиях? Рассмотрим часть примеров, раскрывающих разные связи с другими дисциплинами. Становление русского

романтизма с позиций переводческой полемики В. Жуковского с А. Пушкиным становится объектом изучения с позиций известной дилеммы «Все чужое и все свое». Рассмотрение переводов Жуковским восточной классики и немецких баллад также способствует широкому пониманию романтизма и новаторства поэта. Научный комментарий – как стратегия перевода – на примере перевода В. Набоковым «Евгения Онегина» А. Пушкина открывает диалог русской и английской/американской культур. Продолжает тему культурного диалога занятия «Английская детская литература в русских переводах. Лимерики как жанр», «Детская английская поэзия в переводах С. Маршака, К. Чуковского», «Сопоставление русских переводов “Алисы в стране чудес” Л. Кэролла. Они способствуют пониманию обновления принимающей культуры.

Русские переводы У. Шекспира – как объект критической рефлексии – восходят к маршаковскому периоду в истории переводоведения. Статья В. Левика о переводах У. Шекспира, оценка Н. Автономовой и М. Гаспаровым переводов Шекспира Маршаком апеллируют к теме маршаковской шекспирианы и гамлетизма в русской литературе. «Гамлет» в переводах А. Сумарокова, М. Лозинского, Б. Пастернака создают широкие возможности для компаративного изучения стратегий перевода, понимания способов достижения аутентичности в аспекте переводческой установки и результатов перевода. «Винни-Пух» в русских переводах помогает понять факторы массового читательского успеха перевода Б. Заходера и влияние концепции аналитического перевода В. Руднева, установки на адресата и его «присутствия» в переводе на интеллектуальный характер перевода.

Интракультурная коммуникация, интегрированная в поле межкультурной коммуникации, определила включение в программу тем, связанных с картиной мира в русских переводах Асана Кайгы, аллегорией, символикой и риторической аргументацией как предметами сопоставительного анализа русских переводов.

Изучение теории речевых актов на примере иллокутивного и перлокутивного воздействия говорящего на слушающего в легендах о биях для понимания идентичности (об Айтеке бие) осуществляется посредством сопоставления с русскими пословицами-эквивалентами.

Басня И. Крылова в казахских переводах способствует пониманию жанра и новаторства художника с позиций феномена противочувствования (Л. Выготский), помогает понять связь между приемами создания комической модальности и жанром. Отсюда понимание факторов жанровой трансформации в переводах Абая и А. Байтурсынова – аполога и комического рассказа.

Для понимания причин обеднения оригинала при создании русских переводов Абая в советское время важно видеть факторы появления «невидимого переводчика» и различать идеологические факторы и влияние канона переводческой школы. Доминирование прямого смысла в переводе над символической интерпретацией оригинала, незнание казахского языка обусловило не только множественные дисперсии, но и предпочтение буквализма в сочетании с эквилинеарным принципом, что привело к

трансформации жанра оригинала. Таков перевод стихотворения Абая «Karasha men zeltokxan –sol bir eki ai» (Ноябрь и декабрь – эти два месяца…), П. Шубиным. Для оригинала характерен жанр *terme nakyl* – наставительная песня. Призыв к милосердию, размышления о тяготах кочевого быта воспроизводят в оригинале рецепцию просветительского реализма. Это и рассуждения о судьбе человека, её предопределённости. Размышления о ноябре и декабре – как двух началах зимы – служат символами двух путей, судеб богатого и бедного, которых уравнивает смерть. Переводы стихотворений «Қыс» (Зима), «Жаз» (Лето), «Күз» (Осень) осуществлены как переводы пейзажной лирики, в то время как это философская поэзия о превратностях судьбы, несущая следы символических представлений народа о временах года, запечатленные в фольклоре. Трансформация жанра оригинала заметна и в переводах поздней философской лирики Абая, когда в цикле стихотворений, посвященных безвременной кончине сына Абая, встречаются две трактовки смерти. Проблема воспроизведения инаковости, восприятие *Другого* как *своего*, воссоздание образности в координатах привычной традиции, канона обусловили универсальный тип ассимиляции в казахских переводах Абая советского периода. Рассмотренные переводы отвечали требованиям времени, когда казахская культура переживала период открытия другими народами в рамках государственной программы перевода, провозглашенной А. Горьким. Созданные в постсоветский период переводы Абая не могли в полной мере изменить сложившееся в советское время восприятие Абая русской культурой.

Развитие переводческих представлений углубляется при сопоставлении русского и казахского переводов «Ночной песни Странника» И. Гете. Интересно в этом плане изучение одного сюжета и трех жанров на примере немецкого оригинала, переводов М. Лермонтова и Абая. Поэзия М. Лермонтова в переводах И. Джансугурова: «Смерь поэта», «Чаша жизни», «Кинжал» – показывает лирического героя, символику, жанр оригинала и перевода во взаимосвязи со способами воздействия на адресата как источники обновления принимающей культуры. Стихи М. Лермонтова в переводах М. Жумабаева: «Узник». «Когда волнуется желтеющая нива...» – изучаются по такой же аналогии.

Двусторонние и обратные переводы рассматриваются на примере переводов Ш. Кудайбердиевым повестей А. Пушкина «Дубровский» и «Метель», рассказов Л. Толстого «Ассирийский царь Асархидон», «Три вопроса», «Царь Крез». Рассказы М. Ауезова в переводах Л. Пантиелева: «Сиротская доля» и «Серый Лютый» – рассматриваются с позиций корреляции романтического и реалистического в оригинале и переводе, связи дисперсий и жанрового результата.

Сопоставительное изучение переводов мировой классики на русский и казахский языки, также, как и обратные переводы помогают обучающимся убедиться в оправданности применения приведенных западных теорий к переводческой практике советского периода. И понятие символического насилия не носит программного характера и идеологической обусловленности.

Причины историко-культурного и научного характера (не сложилась наука переводоведение, не были в достаточной степени известны исследования на русском языке), языковой и переводческой компетенций (невладение языком оригинала на репродуктивном уровне) объясняют состояние переводов.

В программах казахстанского образования усиленное внимание уделяется политике и процедурам курса в рамках инклюзивного образования. С учетом социальной и этической ответственности и в целях обеспечения условий равного доступа к образовательным и учебным ресурсам важно предусмотреть устранение социальных барьеров, предусмотреть различные потребности и предпочтения в обучении. Разработка и внедрение инклюзивных методов преподавания, обучения и оценки знаний способствует осмысленному взаимодействию студентов с ограниченными возможностями с учебным планом и позволяет максимально реализовать природный потенциал. Разработка заданий и контроль знаний направлены на оценку индивидуальных сильных сторон студентов с целью внесения ими вклада в образовательный процесс, делая учебный опыт более богатым и разнообразным для всех.

Список цитируемой литературы

1. Ерік Г. А. Пушкин и О. Уайльд. Философская проблематика и жанр литературной сказки: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD): 8D02305 – Филология: защита 27.05.23 / Г. Ерік; научные консультанты: К. Б. Уразаева, В. А. Разумовская; Евразийский университет им. Л. Н. Гумилева. Астана, 2023. 183 с.
2. Есентемирова А. М. Русские переводы английской поэзии в аспекте дискурсного подхода: диссертация на соискание степени доктора философии (PhD): 6D021400 – Литературоведение: защита. 29.03.25 / А. М. Есентемирова; научные консультанты: К. Б. Уразаева; С. А. Петкова; Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева. Астана, 2025.161 с.
3. Казахская риторика. / К. Б. Уразаева, Ш. К. Жаркынбекова, Э. Т. Идрисова, Ж. К. Азкенова, Г. Ерік и др.: под ред. К.Б. Уразаевой. Астана: ИП «Булатов А. Ж.», 2024. 199 с.
4. Казахское рериториковедение / Kazakh Rhetoric Studies (на русском и английском языках). К. Б. Уразаева, Ш. К. Жаркынбекова, Э. Т. Идрисова, Ж. К. Азкенова, У.К. Байтурина и др.: под ред. К.Б. Уразаевой. Астана: ИП «Булатов А.Ж.», 2024. 405 с.
5. Mignolo W. Epistemic Disobedience and the Decolonial Option: A Manifesto // TRANSMODERNITY: Journal of Peripheral Cultural Production of the Luso-Hispanic World. 2011, Vol. 1, № 2. P. 44–66.
6. Simeoni D. (1998). The Pivotal Status of the Translator’s Habitus» // Target, Volume 10, Issue 1. P. 1–39.
7. Venuti L. (1995). The Translator's Invisibility: A History of Translation, London & New York, Routledge. 363 p.

© Уразаева К. Б., 2026

УДК 81'33

Чекмаева Н. А.
Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
n.chekmaeva@ya.ru

ПРАГМАТИКА НЕВЕРБАЛЬНОГО ЗНАКА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. МИТЧЕЛЛА *BLACK SWAN GREEN*)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления и передачи курсива в англо-русском переводе. Актуальность исследования обусловлена широким применением различных средств метаграфемики в современной художественной литературе и интересом к мультимодальной коммуникации в целом. Эмпирическую базу исследования составили 150 высказываний, которые были проанализированы на предмет прагматической составляющей слова, выделенного курсивом.
Ключевые слова: семиотика, мультимодальность, курсив, художественный дискурс, англо-русский перевод.

Chekmaeva N. A.
Moscow City University, Moscow, Russia
n.chekmaeva@ya.ru

THE PRAGMATICS OF THE NON-VERBAL SIGN: TRANSLATION PERSPECTIVE (BASED ON THE NOVEL *BLACK SWAN GREEN* BY D. MITCHELL)

Abstract. The paper addresses the issue of specific features of italics in English-to-Russian translation. What makes the study relevant is the frequent use of metagraphemics in modern fiction and a general interest in multimodality. The empirical data consists of 150 examples, which were analysed to identify a pragmatic effect produced by italics.
Key words: semiotics, multimodality, italics, fiction, English-to-Russian translation.

Интерес к изучению метаграфического знака вызван его особым статусом. С одной стороны, метаграфема имеет регламентированные функции, например, в тексте научных статей курсивом часто выделяются примеры. С другой стороны, метаграфема рассматривается как текстообразующее средство, участвующее в коммуникативно-динамической организации повествования, что особенно характерно для художественного произведения [4, 5]. Формальное варьирование текста делает его семантически более нагруженным, так как читателю необходимо, во-первых, обратить внимание на сочетание вербальных и невербальных компонентов, и, во-вторых,

инферировать смысл с учетом отсутствия регламентации использования графических средств. Как справедливо отмечает Л. В. Шубина, тот факт, что читатель сам вправе толковать сообщение отправителя, выделенное графически, опираясь на собственные знания о фактах известной ему семиотической системы, вовсе не означает неконтролируемость восприятия информации отправителем, напротив, в «рамках конкретного текста происходит некая самоорганизация вербальных и невербальных компонентов, что делает текст семиотической системой с упорядоченными компонентами» [3, с. 189]. Так, например, в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» курсив создает условную систему понятий, которая исключает выделение курсивом «случайных» слов и понятий. Курсивом выделены слова, эвфемизирующие понятия, связанные с местом, временем или обстоятельствами убийства: «Разве я способен на *это*? Разве *это* серьезно? Совсем не серьезно». Помимо этого, курсив передает нюансы психологических состояний Раскольникова: «хотелось остаться *наедине* с этим письмом»; «Да и что такое это все, *все* муки прошлого!»; передает курсив и слово другого персонажа, например, во фрагменте, когда Сонечка Мармеладова рассказывает о просьбе Катерины Ивановны: «…*Пожалуйста* попросила, и уж так ей хотелось» [2].

В современной англоязычной литературе обращает на себя внимание роман-эксперимент Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко», в котором встречаются очень нетипичные способы визуальной репрезентации состояния героев. Так, например, герой, испытавший потрясение от новости о гибели сына, не способен (или не желает) говорить, преобразует задуманное им сообщение в серию цифр, или, в другом фрагменте зачеркнутое слово сигнализирует об отказе дедушки главного героя выражать чувство скорби [1]. В том или ином случае графическое выделение слова или фрагмента подталкивает читателя к гипотетической интерпретации.

Роман Д. Митчелла *Black Swan Green*, послуживший материалом настоящего исследования, насыщен графическими средствами. Курсив в оригинальном тексте романа встречается 2770 раз, в переводе на русский язык – 477. Такая разница связана, прежде всего, с отличиями в интонационных моделях в английском и русском языках. В устной английской речи слова в большей, чем в русской, степени выделяются интонационно, что передается курсивом в письменной речи. Помимо этого, как показало исследование [6], переводчики нередко отказываются от следования графическому выделению в оригинале в пользу иных графических средств, свойственных системе принимающего языка. В переводной версии романа *Black Swan Green*, выполненной Т. П. Боровиковой, курсивные выделения в 70 % случаев снимаются, в 26 % случаев курсив заменяется на иные средства, например, на кавычки; и только в 4 % случаев курсив сохраняется. Таким образом, результаты статистической обработки эмпирической базы, составившей 150 примеров, настоящего исследования ставят вопрос о соотношении

прагматического эффекта, создаваемого за счет курсивного выделения отдельных слов в составе высказывания.

Рассмотрим пример. Родители везут главного героя, Джейсона Тейлора, страдающего от запинания подростка, к логопеду. Мальчик испытывает негативные эмоции, его состояние акцентируется графически: “*Dark,* Light, *Dark,* Light, *Dark,* Light. The Datsun’s wipers couldn’t keep up with the rain, not even at the fastest setting”. – «Тьма, свет, тьма, свет, тьма, свет. Дворники «датсуна» даже на максимальной отметке не справляются с дождем».

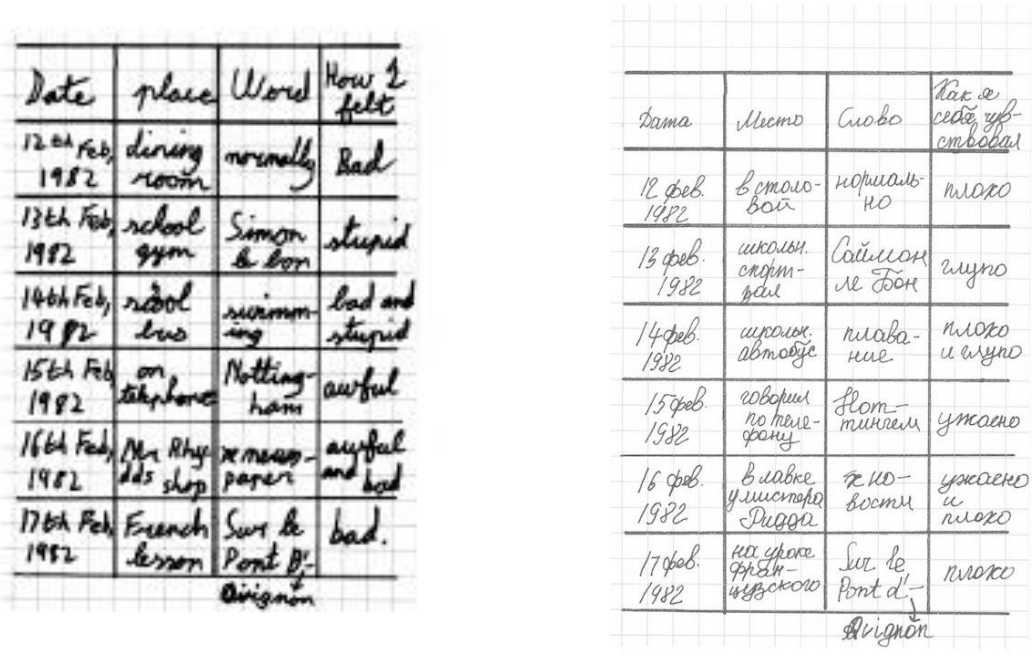
Или:

“You can’t stammer in a classroom, either. My students’d *crucify* me”. – «Если я стану учителем, ученики меня просто распнут».

Во втором фрагменте курсив компенсируется добавлением лексемы *просто*, что в целом позволяет сохранить прагматическую установку говорящего.

При передаче реплик других героев или внутренней речи главного героя курсив системно заменяется на кавычки: *Do* not *set foot in my office*. – «Ко мне в кабинет – ни ногой»; I *should’ve been born*, hissed Unborn Twin, *not* you, you *cow*. – «Это я должен был родиться, а не ты, поганая корова», – прошипел Нерожденный Близнец».

Особое свойство курсива заключается в его сходстве с рукописным почерком. Эту типографскую особенность Д. Митчелл использует, создавая эффект интимизации повествования. В тексте романа встречаются дневниковые записи героя, сделанные как бы его рукой: “So Mrs de Roo suggested that I keep a diary. Just a line or two every day, where I write when, where and what word I stammered on, and how I felt”. – «Миссис де Ру предложила мне вести дневник. Одну-две строчки в день. Записывать, где, когда и на каком слове я запнулся и как себя при этом чувствовал» (см. Рис. 1).

Date	place	Word	How I felt
12th Feb 1982	dining room	normally	Bad
13th Feb 1982	school gym	Simon le Bon	stupid
14th Feb 1982	school bus	swimming	bad and stupid
15th Feb 1982	on telephone	Nottingham	awful
16th Feb 1982	Mr Rhydds shop	newspaper	awful and bad
17th Feb 1982	French lesson	Sur le Pont D'Avignon	bad.

Дата	Место	Слово	Как я себя чувствовал
12 фев. 1982	в столовой	нормально	плохо
13 фев. 1982	школьн. спортзал	Саймон ле Бон	глупо
14 фев. 1982	школьн. автобус	плавание	плохо и глупо
15 фев. 1982	говорил по телефону	Ноттингем	ужасно
16 фев. 1982	в лавке у мистера Риддса	газеты	ужасно и плохо
17 фев. 1982	на уроке французского	Sur le Pont d'Avignon	плохо

Рисунок 1 – Фрагменты дневниковых записей

Включение подобных элементов как бы открывает доступ во внутренний мир героя, позволяет глубже его изучить. Данный прием служит характерной чертой постмодернистской литературы, основанной на выстраивании сложного диалога между автором / повествователем и читателем.

Таким образом, курсив в романе Д. Митчелла акцентирует внимание на эмоциональном состоянии героя, вводит в ткань повествования голос другого персонажа, служит инструментом сближения читателя с внутренним миром героя.

Список цитируемой литературы

1. Смирнова А. Г. «Визуальное» в романе Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» // Преподаватель XXI век, 2023, № 4, Часть 2. С. 499–509.
2. Захаров В.Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь, 1979, № 4. С. 21–27.
3. Шубина Н. Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009, № 97. С. 184–192.
4. Издательские и читательские практики продвижения книги: лингвопрагматический, литературоведческий и лингводидактический аспекты / Е. С. Абаева, Н. В. Аниськина, Л. Г. Антонова [и др.]. Москва: Языки Народов Мира, 2026. 387 с. EDN LHYOHJ.
5. Жанровая палитра зарубежной литературы / К. М. Баранова, Л. Г. Викулова, С. А. Герасимова [и др.]. Москва: Языки Народов Мира, 2025. 265 с. EDN NYSUTY.
6. Slancarova D. On the Use of Italics in English and Czech. 1998. [Электронный ресурс]. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://digilib.phil.muni.cz/sites/default/files/pdf/104496.pdf (дата обращения: 05.10.2026).

Материал исследования

7. Mitchell D. Black Swan Green. Sceptre. 370 p.
8. Под знаком черного лебедя: роман / Дэвид Митчелл; пер. с англ. Т. Боровиковой. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. 512 с.

© Чекмаева Н. А., 2026

УДК 81'373.6:61

Шаймарданова Н. В.
Башкирский государственный медицинский университет, Уфа, Россия
naysh58@mail.ru

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящается описанию некоторых способов запоминания медицинских терминов, используемых автором на уроках английского языка. В статье отмечается происхождение английской медицинской терминологии, почти полностью заимствованной из греко-латинских языков. Автор также останавливается на вхождении некоторых произносительных норм из вышеуказанных языков в фонетическую систему английского языка. Акцентируется внимание на несоответствии между орфографией и произношением в английском языке, затрудняющее произношение и запоминание изучаемых медицинских терминов. По мнению автора, предлагаемые в статье эффективные приёмы запоминания терминов помогают студентам-медикам успешно осваивать профессиональный английский.
Ключевые слова: способы запоминания, медицинские термины, заимствования, произносительные нормы, несоответствие, эффективные методы, профессиональный английский.

Shaimardanova N. V.
Bashkir State Medical University, Ufa, Russia
naysh58@mail.ru

THE GRECO-LATIN COMPONENT IN THE STRUCTURAL ORGANIZATION OF ENGLISH MEDICAL TERMINOLOGY

Abstract. The article deals with the description of some methods of memorizing medical terms, used by the author at English classes. The paper concerns with the origin of English medical terms, borrowed from Greek and Latin languages. The author dwells upon the entrance of some of pronunciation norms from the mentioned languages into the English phonetic system. It is also stressed that the discrepancy between orthography and pronunciation of the English language makes it difficult to pronounce and memorize the medical terms to be studied. According to the author the effective methods of memorizing terms, described in the article, might be helpful to the medical students to learn professional English well enough.
Key words: methods of memorizing, medical terms, borrowings, pronunciation norms, discrepancy, effective methods, professional English.

Общеизвестно, что английская медицинская терминология заимствована прямо или опосредовано из греческого. Греческий и латинский – территориально взаимодействующие языки, поэтому недостающие обозначения заимствовались латинским языком из греческого и легко в нём ассимилировались [2, с. 149]. Здесь следует отметить тот факт, что согласно таблице классификации языков вышеозначенные языки принадлежат к разным группам языков: английский – к германской, латинский – к романской, а греческий язык относится к числу индоевропейских языков и является единственным представителем, так называемой, греческой группы [3, с. 203]. В ходе исторического развития английского языка в него вошли некоторые произносительные нормы из вышеотмеченных языков: так, например, характерными чертами гречизмов являются когда две буквы ph произносятся как [f] в таких словах как typhus, diphtheria и других, и, наоборот, буква p не произносится в начале слов, например, pneumonia [njuːˈməʊnɪə], буква i в греческих префиксах произносится как [ai:]: diabetes, microbe, microscope.

Английская медицинская терминология почти полностью латинизирована. Графическая система английского языка приближена к графике латинского языка, но отличается по произносительным нормам, так как в английском языке наблюдается несоответствие между орфографией и произношением: picture [ˈpɪkʧə], care [keə]. Часто это происходит тогда, когда к существительным добавляются определённые словообразовательные морфемы, такие как tion [ʃən], ture [tʃə], sion[ʃən], [ʒən], sure [ʃə], [ʒə], которые произносятся согласно определённым произносительным правилам, тогда и латинизмы начинают произноситься в соответствии с правилами чтения, существующими в английском языке: function, examination, lecture, nature, mission, commission, measure, pressure. Постепенно латинизмы стали уподобляться произношению английских слов при помощи различных изменений. Это могло происходить путём замены окончания: therapia – therapy, curo – cure, usus – use, или путём замены букв в корне слов: tabuletta – tablet, febris – fever. Иногда добавлялись суффиксы, принятые в английском языке: finis – finish, palpatio – palpation [5, с. 104]. В дальнейшем все эти отмеченные фонетические факторы, наряду с уже упоминавшимся несовпадением написания букв и слов с чтением английских слов в какой-то степени затрудняли и продолжают затруднять не только произношение английских медицинских терминов, но и их запоминание.

Как показала наша практика обучения студентов-медиков медицинским терминам, занятие это – трудное и утомительное. Как известно, в современном мире растут требования к уровню квалификации врача. Одним из его умений является знание профессионального английского, то есть владение медицинскими терминами. Наша задача, то есть преподавателей, научить студентов эффективно запоминать медицинские термины на английском языке.

Здесь следует отметить, что методика обучения иностранным языкам предлагает различные приёмы, такие как ассоциативный метод, рассказы,

метод карточек, пассивное восприятие слов, аудиолингвистический метод, метод «карточек памяти» и многие другие интересные методы.

Я бы хотела остановиться на тех приёмах, которые оказались наиболее эффективными для наших студентов при запоминании ими профессиональной лексики.

Материалом нашего исследования являются медицинские термины, взятые из текстов двадцати двух уроков из учебника «Английский язык» (Под общей редакцией заслуженного работника высшей школы РФ И. Ю. Марковиной [4, с. 367].

Анализ изучаемых терминов показал, что в каждом тексте учебника есть наиболее труднопроизносимые, а, значит, труднозапоминаемые слова. Приведём несколько таких примеров: skeleton, wrist, abdomen, muscle (урок 1), pelvis, stomach, secretion, saliva (урок 5), pneumonia, bronchitis, headache (урок 17) и так далее вплоть до последнего урока учебника. Справиться с подобной трудностью нашим студентам помогает следующий метод «Грамотно используйте время», рекомендуемого психологами для качественного запоминания иностранных слов [1, с. 279].

Суть его состоит в следующем: обучаемый выбирает одно или два труднозапоминаемых слова из изучаемого текста и повторяет их несколько раз, затем использует их в речи (например, составляет фразы с ними), спустя 10 минут эти слова снова включаются в речь студента, а через час – ещё раз. Дальнейший повтор этих терминов происходит на следующий день, а ещё один – через неделю, подобные повторы укрепляют нейронные связи памяти и способствуют прочному запоминанию изучаемого материала.

«Метод звуковых ассоциаций» также помогает быстрее выучить английский термин. Его смысл заключается в следующем: к изучаемому английскому термину мы подбираем созвучные ассоциации на родном языке. Например, термин rib (ребро) ассоциируется с ребром Адама, из ребра которого Бог сделал первую жену Адама, spleen (селезёнка), слово «сплин» упоминается А. С. Пушкиным в поэме «Евгений Онегин» как «русская хандра», по объяснению врачей того времени, являющейся болезнью селезёнки, vein (вена), Вена – столица Австрии, культурного центра Европы.

Использование различных рифмовок и коротких стихов помогает нашим студентам лучше овладеть артикуляцией английских звуков и, следовательно, лучше запомнить данный термин. Например, chest – nest rest; skin – skill – skim – skip; neck – deck – wreck – check; marrow – narrow – harrow – sparrow.

Например, следующее короткое стихотворение помогает студентам быстро выучить название некоторых частей тела человека при изучении темы» Скелет человека»

BOA CONSTRICTOR

There is a boa constrictor and here he comes.

Oh, no! He’s got my toe.

Oh, gee! He’ s got my knee.

Oh, my! He’s got my thigh.

Oh, fiddle! He’s got my middle.

Oh, darn! He’s got my arm.

Oh, heck! He’s got my neck.

Oh, dread! He’s got my head.

Студенты-аудиалы успешно пользуются «Аудиолингвистическим методом» при заучивании медицинских терминов. Они прослушивают аудиозаписи с терминами из изучаемых текстов того или иного урока, проговаривая их вслух, или просматривают специальные видеоролики на английском языке с помощью таких сайтов интернета как http://www.uctv.tv/ и др. Этот приём также хорошо подходит и для визуалов, и для кинестетиков.

Здесь следует отметить тот факт, что деление людей по типу восприятия является условным, так как тех, кто пользуется одним каналом получения опыта мало, большинство людей универсальны, но один способ более важен для них.

Не секрет, что заучивание большого количества терминов – занятие трудоёмкое для обучаемого студента, но наши студенты хорошо знают требования к уровню квалификации врача. Одним из необходимых умений является свободное владение медицинскими терминами, уметь читать и понимать даже сложные английские тексты на медицинскую тематику.

Использование и других, не менее эффективных способов повышает интерес наших студентов к изучению профессионального английского:

«Тематические карточки»

Этот приём запоминания слов достаточно прост. Выбираются медицинские термины из текстов того или иного урока и записываются на отдельной карточке, на одной стороне карточки записывается английское слово, а на другой – перевод. Например, по теме «Сердечно-сосудистая система» (урок 3) студенты выписывают следующие медицинские термины: artery, vein, capillary, thorax, valve, aorta, fluid. На уроках эти карточки можно гонять по кругу, откладывая в сторону те, которые хорошо знакомы. Список слов можно дополнять новыми словами по этой же теме, но из текстов других уроков. Аудиалы могут проговаривать слова вслух во время чтения. Карточки не занимают много места, их можно постоянно носить с собой и повторять каждую свободную минутку.

Среди некоторых студентов (особенно визуалов), популярен метод «Полстраницы». Лист сгибается пополам, с одного края пишется слово на английском языке, с другого – его перевод студенты обычно легко запоминают, в какой части листа было записано данное слово и, кроме того, можно быстро проверить себя.

С терминами, сложными для запоминания, полезно пользоваться методом «Стикеров».

На стикерах студенты пишут выбранные ими термины и расклеивают их на предметы интерьера дома или в специальном уголке, оборудованном в аудитории. Натыкаясь взглядом на развешанные на стикерах слова, студенты автоматически запоминают их.

Делает процесс усваивания профессиональной лексики более эффективным часто используемый нами приём «Карта памяти».

Карта памяти – это блок-схема, благодаря которой новая лексика усваивается по темам.

На большом листе бумаги (обычно это ватман) студенты пишут тему, по которой будут собирать слова. Например, тема «Мочевыделительный канал» (урок 6) От этих слов рисуем стрелочки-подтемы – почки, мочеточники, мочевой пузырь, мочеиспускательный канал, а дальше идут стрелочки к более конкретным темам, отдельным словам, например, почкам. В итоге получается некоторая блок-схема, включающая в себя термины, связанные по смыслу. Этот приём хорош тем, что помогает студентам запоминать слова даже в самом процессе рисования схемы.

Поскольку наши студенты изучают английский язык только один год, то есть в течение первого курса, то я обычно предлагаю им блок-схему, включающую медицинские термины, которые могут пригодиться будущему врачу при его общении с коллегами из других стран.

Тема: Разные типы больницы - крупная больница, в которой есть стационар {a hospital} медпункт (в школе или в университете) {an infirmary}, небольшая клиника без стационара {a clinic}, дом престарелых {a care home}, психиатрическая больница {an asylum}, хоспис {a hospice}. Дальше рисуется стрелочка-подтема: специальность врача-аллерголог {an allergist}, отоларинголог {an otolaryngologist}, кардиолог {cardiologist}, дантист {a dentist}, дерматолог {a dermatologist}, эндокринолог {an endocrinologist}, гастроэнтеролог {a gastroenterologist}, невропатолог {a neurologist}, педиатр {a pediatrician}, хирург {a surgeon}, уролог {an urologist}. Затем рисуем подтему: медицинский работник-медсестра, которая работает в больнице {a charge nurse}, патронажная медсестра {a district nurse}, акушерка {a midwife}, сиделка {a carer}, медсестра, которая имеет право самостоятельно вести практику {a nurse practitioner}. Как правило, студенты совершенствуют эту карту памяти, дополняя её терминами, выбранными из текстов учебника.

Как показывает наша практика преподавания, студентам очень важно почувствовать, что они могут употреблять усвоенные медицинские термины в своей речи. С этой целью мы часто используем на уроках такие методические приёмы, как составление диалогов, участие в ролевых играх.

Приведём пример одной из таких ролевых игр: Тема «На приёме у врача». Участники – двое студентов: один из них играет роль врача, другой – роль пациента. Студент-врач просит студента-пациента сделать следующее:

Take a deep breath
Breathe out
Don’t breathe
Open your mouth
Close your eyes
Lie down over there
Lie on your back

Look straight ahead

Take your clothes off

Затем участники игры меняются ролями.

И, наконец, при всей своей простоте, довольно эффективный метод для запоминания слов «Прописывание».

Берём один труднозапоминаемый медицинский термин, который хотим выучить и прописываем его много-много раз.

В заключение хочется отметить, что на своих уроках я выборочно использую тот или иной метод запоминания слов в зависимости от сложности изучаемого термина, студенты же выбирают те приёмы, которые им лучше подходят по их способностям и помогают успешно выполнять домашние задания.

Список цитируемой литературы

1. Артёмов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1969. 279 с.
2. Валькастелли М. Латинский язык в истории формирования русской интеллектуальной лексики с конца XVI в. по XVIII в.: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / М. Валькастелли; [Место защиты: Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина]. Москва, 2010. 149 с.
3. Ганеев Б. Т. Язык: пособие по языкознанию. — Уфа: БашГПИ, 1999. 203 с.
4. Марковина И. Ю., Максимова З. К., Вайнштейн М. Б. Английский язык. М.: ГЭОТАР-МЕД, 2010. 367 с.
5. Матвеева Е. А. История английского языка. М.: МБИ-ТЕЗАУРУС, 2006. 104 с.
6. Мюллер В. К. Русский словарь. М.: Русский язык, 1992. 844 с.

© Шаймарданова Н. В., 2026

О НАШИХ АВТОРАХ

Акубекова Диана Григорьевна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Андрианова Юлия Геннадиевна
Доцент кафедры иностранных языков Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия

Бен Шушан Анна Александровна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Вахитова Гузель Валериевна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Гилязова Диляра Рифовна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Голами Хамидех
Аспирант кафедры современного русского языкознания ИГСН Уфимского университета науки и технологий, преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного медицинского университета, г. Уфа, Россия

Давлетова Ярослава Александровна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Егоров Егор Игоревич
Старший преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Россия**.**

Казарбаева Василя Нургалеевна
Преподаватель высшей квалификационной категории отделения СПО филиала ТИУ, г. Сургут; прикрепленное лицо к УУНиТ для написания диссертации, г. Уфа, Россия

Касымова Ольга Павловна
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории языка и методики его преподавания ВШ ОФ ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Корнилова Анастасия Дмитриевна
Ассистент кафедры лингводидактики и переводоведения ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Котельникова Анастасия Николаевна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры ИЯЛП Гуманитарного факультета Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Крусс Анжелина Андреевна
Студентка кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета, г. Новосибирск, Россия**.**

Кулыева Айгуль Альбертовна
Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН УУНиТ, г. Уфа, Россия

Курушин Даниил Сергеевич
Кандидат технических наук, доцент кафедры информационных технологий и автоматизированных систем ЭТФ Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Курушин Дмитрий Даниилович
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики лингвистического факультета Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, Россия

Малкова Елизавета Викторовна
Магистр кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Мигранова Ирина Хамзиевна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Моисеева Ангелина Валерьевна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Морозкина Евгения Александровна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики и переводоведения ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Мотина Ольга Павловна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Нестерова Наталья Михайловна
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского Национального Исследовательского Политехнического университета, г. Пермь, Россия

Новикова Наталья Валериевна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры Высшей школы кино и телевидения Владивостокского Государственного университета, г. Владивосток, Россия

Ошейко Сергей Петрович
Магистрант кафедры теории и истории литературы Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск, Россия

Пешкова Наталья Петровна
Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Попова Валентина Николаевна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Титлова Анастасия Станиславовна
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Туржанова Тамара Нурмухамбетовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков и перевода Евразийского гуманитарного института имени А. К. Кусаинова, г. Астана, Казахстан

Уразаева Куралай Бибиталыевна
Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан

Чекмаева Наталья Александровна
Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения Института иностранных языков Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский городской педагогический университет», г. Москва, Россия

Шаймарданова Наиля Вафовна
Старший преподаватель кафедры иностранных языков Башкирского государственного медицинского университета, г. Уфа, Россия

Ягофарова Сабина Венеровна
Аспирант, асисстент кафедры иностранных языков естественных факультетов ВШ ЗФЛиП ИГСН Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Акубекова Д. Г.
Неологизмы с заимствованным суффиксом -инг в современном медиадискурсе……..……..4

Андрианова Ю. Г.
Применение метода контр-текста как средства психологической адаптации при принятии значимых решений у представителей поколения «Z»……...7

Бен Шушан А. А.
Временной параметр иллокутивной эмпатической силы речевого эпизода в мессенджерах и на вопросно-ответных платформах……..15

Вахитова Г. В.
Встречный текст в психолингвистике: теоретическая модель и эксперимент……20

Гилязова Д. Р.
Социолингвистические особенности публицистических и новостных текстов……23

Голами Х., Касымова О. П.
Коммуникативные барьеры в межкультурной медицинской коммуникации: лингводидактический аспект…….…..…26

Давлетова Я. А.
Крылатые выражения как вид прецедентного текста лингвокультурологический и когнитивный аспекты……..……..32

Егоров Е. И., Крусс А. А.
Нормативность и взаимопонимание в коммуникации на английском языке как lingua franca: социолингвистический аспект……....…..36

Казарбаева В. Н.
Структура и семантические отношения фразеосемантического поля «состояние природы» в разноструктурных языках (на материале русского, башкирского и английского языков)……...…41

Котельникова А. Н.
Проектный метод обучения иноязычной профессиональной коммуникации будущих архитекторов…….46

Кулыева А. А.
От организации пространства к диалогу на уроке: classroom management и classroom interaction в современной методике……53

Курушин Д. Д., Курушин Д. С.
Проблема буквализма при нейросетевом переводе роботехнических терминов…….56

Мигранова И. Х.
Гендерно-нейтральные номинации в современном английском языке и стратегии их перевода на русский язык……...63

Моисеева А. В.
Причины распространенности инвективной лексики в онлайн-коммуникации……...67

Морозкина Е. А., Корнилова А. Д.
Квантитативный анализ низкочастотной лексики в пьесе А. П. Чехова «Вишевый сад» и в англоязычных версиях ее перевода…….…..70

Мотина О. П.
Рекуррентные и окказиональные паронимические единицы английского языка……...……75

Нестерова Н. М., Малкова Е. В., Курушин Д. С.
Автоматическое реферирование: исполнение и самооценка……79

Новикова Н. В.
Литература во второй степени ИИ: презентативный символизм Сьюзен Лангер и циклические архетипы Нортропа Фрая……..86

Ошейко С. П.
Функции дискурса тела в рассказе А. П. Чехова «Бабье царство» (к постановке вопроса)……..…...91

Пешкова Н. П., Ягофарова С. В.
Факторы, обусловливающие функционирование речевого акта «упрёк» в англоязычном художественном дискурсе……97

Попова В. Н.
Миграционная лингвистика в современном обществе……103

Титлова А. С.
Эрративизация антропонимов в интернет-дискурсе……..…….107

Туржанова Т. Н.
Ч. Диккенс и Ф. Достоевский. Интрига как фактор жанрообразования……..……110

Уразаева К. Б.
Межкультурная и интракультурная коммуникация как объект изучения. Переводческая практика и реструктуризация переводоведения……117

Чекмаева Н. А.
Прагматика невербального знака: переводческий аспект (на материале романа Д. Митчелла *Black swan green*)……...…..125

Шаймарданова Н. В.
Греко-латинский компонент в структурной организации английской медицинской терминологии……...……129

При подготовке электронного издания использовались следующие программные средства:

- Adobe Acrobat − текстовый редактор;
- Microsoft Word – текстовый редактор.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научное издание

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ↔ ИНТРАКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДА

Материалы
XV Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием
(г. Уфа, 5–6 ноября 2026 г.)

Электронное издание сетевого доступа

За достоверность информации, изложенной в статьях,
ответственность несут авторы.
Статьи публикуются в авторской редакции

Подписано к использованию 17.11.2026 г.
Гарнитура «Times New Roman». Объем 5,75 Мб.
Заказ 394.

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
450008, Башкортостан, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 12.

Тел.: +7-908-35-05-007
e-mail: red@uust.ru